

ИСТОРИЯ СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

И.Л. Дамешек

Иркутский государственный педагогический университет

ИНСТИТУТ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОВ И ЕГО СИБИРСКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ (конец XIX – начало XX вв.)

История возникновения генерал-губернаторств в России идет с «Учреждения» Екатерины II и восходит своими корнями к 1708 г., когда Петр I провел губернскую реформу. Однако термины «губернатор» и «губерния» встречаются в нормативных актах значительно раньше, еще в 1702 г. в одном из манифестов упоминаются «пограничный губернатор», а также «наместники, губернаторы» [1]. Уже при Петре I начальник губернии нередко назывался генерал-губернатором. Таким образом, получается, что должность генерал-губернатора как главного начальника над несколькими губерниями (или над одной), с подчинением ему губернатора, появилась в российской административной практике еще до Екатерининского Учреждения 1775 г. [2, с. 121]. Однако случаи назначения на генерал-губернаторскую должность до 1775 г. были единичны.

Созданное Екатериной II «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи» определило новый порядок администрации, в соответствии с которым в каждой губернии полагалось два начальника: главный – государев наместник или генерал-губернатор (подчинялся непосредственно императору) и его помощник – губернатор [3, с. 51]. Генерал-губернатору были подчинены важнейшие учреждения подведомственной территории. Генерал-губернаторам пограничных территорий поручалось также «бдение от соседей, и он в случае нужды берет надлежащие меры военные» [4, ст. 59, 87, 89.]. Таким образом, власть наместника (генерал-губернатора) одновременно осуществляла общий надзор и руководство над всеми губернскими учреждениями. Несмотря на столь обширные полномочия, генерал-губернатор не мог вмешиваться в судебные дела: «ибо он есть яко хозяин своей губернии, а не судья» [4, ст. 85].

Изначально все «государевы наместники» были обязаны лично представлять императору ежегодные отчеты («рапорты») «о благополучном состоянии губерний, о спокойствии и безопасности в них, и о всех чрезвычайных, важных и примечания достойных происшествий 1 и 15 числа ежемесячно». При этом генерал-губернатору Иркутской и Колыванской губ. (в то время им был Иван Варфоломеевич Якоби, 1783–1789 гг.), вследствие отдаленности, было разрешено присылать эти донесения через курьеров, на что из казны выделялось по 1500 руб. в год [5].

Со времен Петра I и вплоть до 1917 г. кандидатуру губернатора (а затем и генерал-губернатора) утверждал непосредственно император. В большинстве случаев это был «выбор самого монарха, противиться которому было невозможно» [6, с. 347]. Исключительно строгий отбор был не случаен: генерал-губернатор являлся никем иным, как представителем самого императора в конкретной территории, проводником имперской политики и идеологии. Причем эта ситуация была неизменной на протяжении 200 с лишним лет существования генерал-губернаторской власти. В инструкции генерал-губернаторам конца XIX в. четко указывалось, что «они суть прежде всего главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и точного исполнения законов и распоряжений высшего правительства по всем частям управления во вверенном им крае» [7]. Эти обстоятельства способствовали тому, что должность наместника (генерал-губернатора) со временем приобрела «особый характер чрезвычайной власти». Единая российская империя оказалась поделенной на несколько крупных территориальных образований (генерал-губернаторств) с совершенно особым управлением с полуцарьком во главе. Генерал-губернаторская власть развивалась, не встречая «ни преград, ни предостережения» [2, с. 136, 139].

Генерал-губернаторы эпохи Александра I явились прямыми наследниками «государевых наместников». При этом при Александре еще больше, чем при его бабке, говорили о необходимости дать генерал-губернаторам характер постоянных инспекторов управления (функция надзора), однако этого не происходило. «Они, кроме того, и исправляли немедленно замеченные недостатки в управлении, а часто и направляли деятельность местных властей» [8, с. 83–85]. Министерства Александра I должны были сыграть свою роль в деле упорядочения генерал-губернаторского управления.

Эти две ветви власти, основанные на совершенно противоположных началах, не могли не влиять друг на друга. Однако генерал-губернаторы нарушали эту стройную систему. В результате успех той или иной меры, которую хотел провести в жизнь министр, в немалой степени зависел от степени его влияния на генерал-губернатора. Ситуация изменилась после 1812 г. в связи с изменением (ужесточением) общего направления внутренней политики Александра. В результате усиливается значение генерал-губернаторов и даже учреждаются новые генерал-губернаторства (отныне императору были нужны строгие блюстители порядка). В итоге в России (в период от Петра I до Николая I) так и не удалось разделить всю территорию государства на генерал-губернаторства, с одной стороны, и снабдить «главных местных начальников» общей инструкцией – с другой. Таким образом, в стране существовали генерал-губернаторы двух категорий: одни управляли по «учреждению» Екатерины II, другие – по особым правилам (Сибирское и Кавказское учреждения, Бессарабия и пр.)

В правление Николая I генерал-губернаторства были сохранены лишь в пограничных территориях, в качестве вынужденной меры. Как писал в 1858 г. тобольский губернатор В.А. Арцимович, «генерал-губернаторская власть, будучи совершенно личною, вообще не возбуждает у нас сочувствия». По его мнению, генерал-губернаторы никоим образом не способствуют «возвышению нравственного достоинства чиновников, совершенствованию хода администрации и уничтожению взяточничества и казнокрадства». Кроме того, по инструкции (1853 г.) генерал-губернаторам была дана законная возможность влияния даже на образ мыслей и частную жизнь всех жителей края! Он имел «право преследовать всеми зависящими от него средствами излишнюю роскошь, расточительность, беспутство и мотовство». Генерал-губернатор был «уполномочен властью устранять всякий повод к ложным понятиям, превратным толкованиям...» Подобная безграничная власть приводила Арцимовича в ужас и он восклицал: «Ужели дальнейшее расширение власти генерал-губернаторов возможно?» [9].

Компетенция генерал-губернаторов второй половины XIX – начала XX вв. определялась ст. 201–206. Общего губернского учреждения. Помимо этого, для генерал-губернаторов особых областей были установлены специальные правила, изложенные в учреждениях об управлении этих территорий (например, Сибирь и Кавказ). Однако в обоих случаях ситуация была схожей. В любом слу-

чае, смысл существования генерал-губернаторов и одновременно их главная задача заключались в том, что «они суть прежде всего главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и точного исполнения законов и распоряжений высшего правительства по всем частям управления во вверенном им крае».

Во второй половине XIX в. в Сибири на генерал-губернаторских должностях побывало 13 человек. Ими были: по Западной Сибири – Г.Х. Гасфорд (1851–1861), командующий Отдельным Сибирским корпусом; А.О. Дюгамель (1861–1866), первый командующий войсками Западно-Сибирского военного округа, с 1866 г. – член Госсовета; А.П. Хрущев (1866–1875), генерал-лейтенант; Н.Г. Казнаков (1875–1880); по Восточной Сибири – граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский (1847–1861), Михаил Семенович Корсаков (1861–1871), Николай Петрович Синельников (1871–1873) – сенатор, генерал-лейтенант, с 1873 г. – генерал от кавалерии, по отзывам современников, «один из лучших, отзывчивых на все хорошее генерал-губернаторов» [10, с. 8], барон Платон Александрович Фредерикс (1873–1879), генерал-адъютант, до назначения в Сибирь – начальник Варшавского жандармского округа, Дмитрий Гаврилович Анучин (1879–1885) (в некоторых изданиях значится 1880 г., поскольку Анучин прибыл в Иркутск только 18 июня 1880 г.); генерал-лейтенант генерального штаба граф Алексей Павлович Игнатьев (1885–1889), свиты его величества генерал-майор, затем генерал-лейтенант, в 1889 г. назначен киевским генерал-губернатором. После реорганизации в 1887 г. управления Восточной Сибирью – первый иркутский генерал-губернатор, Александр Дмитриевич Горемыкин (1889–1900), генерального штаба генерал от инфантерии (пехоты. – *Авт*), до назначения в Сибирь – командир 6-го армейского корпуса. Уволен от должности с назначением в Госсовет. Константин Михайлович Алексеев (1906) был назначен временным иркутским военным генерал-губернатором. Генерал-лейтенант Андрей Николаевич Селиванов (1906–1910) – генерал от инфантерии, особо значимых административных дел не вершил, зато «искоренял крамолу», вводя цензуру в местной печати и обществе в целом, некоторых даже высылал из Иркутска, чем и «прославился» [11]. Леонид Михайлович Князев (1910–1916), егермейстер двора Его Императорского Величества, до назначения в Иркутск – курляндский губернатор. Александр Иванович Пильц (1916–1917) – до назначения в Иркутск в 1910–1916 гг. был губернатором могилев-

ским, около месяца – товарищ министра внутренних дел, действительный статский советник. В связи с событиями 1917 г. отстранен от власти и арестован Комитетом общественных организаций, отправлен в Петроград.

Таким образом, средний срок службы их составлял 5,5 лет. При этом 54% чиновников (7 человек) прослужили по 6, а 30% (4 человека) – 10 и более лет. Таковыми были Н.Н. Муравьев-Амурский (1847–1861), М.С. Корсаков (1861–1871), А.Д. Горемыкин (1889–1900) и Г.Х. Гасфорд (1851–1861). Ни один из генерал-губернаторов этого периода (в отличие от первой половины XIX в.) не был отдан под суд или уволен за недобросовестное исполнение своих обязанностей. Практически все сибирские генерал-губернаторы были военными, обычно в чине генерал-лейтенанта. Трое из них имели титул графа: это граф Н.Н. Муравьев-Амурский, граф А.П. Игнатьев и барон П.А. Фредерикс [12, с. 68–69].

Примечания

1. ПСЗ-1. №1910.
2. Соколов К.Н. Очерки истории и современного значения генерал-губернатора. // Вестник права. 1903. Кн. 7.
3. Лохвицкий А. Губерния и ея земские и правительственные учреждения СПб., 1874. Ч. 1.
4. ПСЗ-1. №14392.
5. ПСЗ-1. №15734, 15821.
6. Пестель И.Б. Бумаги. // Русский Архив. 1875. Кн. 4.
7. Свод законов. СПб., 1892. Т. 2: Общее губернское учреждение. Ст. 208.
8. Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета Министров. СПб., 1902. Т. 1.
9. Записка В.А. Арцимовича о предполагаемом учреждении генерал-губернаторств (1858 г.) // Лемке М.К. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908. С. 458–464).
10. Адрес-календарь личного состава служащих в правительственных и частных учреждениях города Иркутска на 1901 г. Иркутск, 1901.
11. Базалийская О. Иркутские правители в воспоминаниях современника // Земля иркутская, 1997 №8. С. 21.
12. Власть в Сибири XVI – начала XX века: Межархивный справочник. Новосибирск, 2002. С. 68–69.

О.А. Тяпкина
Алтайский государственный университет
**РОЛЬ МАЛЫХ ГОРОДОВ
В АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ
УСТРОЙСТВЕ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО РЕГИОНА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.**

Разнообразие территорий, входивших в состав Российской империи по мере завоевания или присоединения, заставляло власть постоянно искать пути их оптимального административно-территориального устройства и создания эффективной системы управления, адекватных историческим, географическим, национальным и культурным условиям того или иного региона, с одной стороны, и отвечающих интересам государственной централизации – с другой. Важнейшее место в этом процессе занимали города, которые наряду с военными, хозяйственными и культурными функциями выполняли роль административных центров.

В контексте современных взаимоотношений центра и регионов важное значение приобретает изучение окраинной политики центральной власти, в частности, по отношению к Сибири, как наиболее схожей по составу населения и культурным традициям с метрополией, поэтому наша задача – показать, какова была роль малых городов в административно-территориальном устройстве Западной Сибири во второй половине XIX в.

Хотя вопросы управления пореформенным городом активно изучаются в современном сибирьеведении, основное внимание историков привлекают такие аспекты, как структура и деятельность органов местного самоуправления, [1] а проблема места городов в административно-территориальном устройстве края до сих пор не получила должного освещения. Единственной работой по этой теме, посвященной дореформенному периоду, является книга В.В. Рабцевич, где помимо изучения различных звеньев управления городом, автор охарактеризовала его роль в административно-территориальном устройстве края [2]. Краткое, но важное замечание о значении городов в устройстве региона в пореформенный период сделал А.В. Ремнев [3].

Генезис и развитие городов в Сибири происходили в эпоху создания централизованного государства и утверждения системы государственного феодализма в стране, в силу чего им отводилась важная роль в управлении краем. Большинство городов Сибири

практически сразу становились политико-административными центрами. Однако состав «официальных» городов менялся в течение последней четверти XVIII – первой половины XIX в. весьма значительно, что обуславливалось изменениями в административной политике государства.

Первые города – Березов, Нарым, Сургут и Тара – были основаны в конце XVI в. и являлись средством закрепления территории в составе государства и ее хозяйственного освоения. Большая часть малых городов возникла в XVII в. по мере движения границы государства на юг, где шло активное хозяйственное освоение земледельческой полосы Западно-Сибирского региона (Ишим, Кузнецк, Курган, Мариинск, Туринск, Тюкалинск, Ялуторовск). Наконец, только три города – Бийск, Каинск и Колывань – были образованы в начале XVIII в.

Раньше всех приобрели официальный статус города в районах давнего заселения края: Березов, Нарым, Тара и Туринск. Большинство же малых городов получили его в период административной реформы Екатерины II, когда набор российских городов был подвергнут пересмотру с точки зрения их способности служить административными центрами для управления обширной сибирской территорией. Последним малым городом, возникшим в XIX в., стал Мариинск, который был образован в 1857 г. в ходе «нового разграничения округов Томской губ. с обращением Колывани в заштатный, а села Кийского в город 2-го разряда» [4].

Наиболее многочисленные изменения в статусе городов произошли в результате реформы Сперанского 1822 г., когда большинство из них стали окружными центрами. Последним изменился статус города Тюкалинска, который в 1838 г. после перенесения столицы Западно-Сибирского генерал-губернаторства в Омск был преобразован из окружного в заштатный, и только в 1876 г. он вернул себе прежний «окружной» статус. В целом после реформы 1822 г. сеть административно-территориальных единиц стабилизировалась, однако дальнейшее развитие городов и региона показало «низкую эффективность проведенных административных реформ, их плохую согласованность с общей тенденцией на централизацию управления» [3, с. 18].

Во второй половине XIX в. продолжалось административное устройство Сибири, что было вызвано, с одной стороны, поиском оптимальной системы управления для такой обширной, продолжающей колонизоваться окраины, а с другой – необходимостью

устранения обособленности управления Сибирью и включения ее в общегосударственную административную систему [3, с. 88]. Однако преобразования второй половины XIX в., производимые по воле правительства, не отличались последовательностью, и потому не всегда были понятны и вызывали недовольство местной сибирской администрации.

В 1867 г. после введения новых полицейских штатов в Сибири из Сургутского отдельного участка Березовского округа Тобольской губ. был образован округ с центром в городе Сургуте, который был преобразован из заштатного в окружной. Однако возведение Сургута на степень окружного города в 1868 г. произошло только «в видах необходимости иметь административный центр в этой местности... так как городом в действительном значении этого слова сделаться он не может как по условиям природы страны, так и по типическим особенностям населения округа, которое, при своей малочисленности, состоит почти исключительно из инородцев бродячих или полуседлых» [5, с. 383].

В то же время в Томской губ. существовал обширный Нарымский край, который имел сходные природно-климатические условия и в основном был населен инородцами, однако на него данная реформа распространена не была. Причем в 1804 г. из него уже образовывали особый округ, который затем по Сибирскому учреждению 1822 г. из-за малолюдности был упразднен и присоединен к Томскому округу [6]. В 1876 г. этот вопрос рассматривался на губернском совете, но, судя по тому, что заседатель 5 участка Томского уезда А.Ф. Плотников в начале XX в. писал о том, что «местные чиновники никакими особыми привилегиями службы от правительства не пользуются», в то время как «Нарымский край и Сургутский уезд, занимая почти равные по количеству территориальные пространства, в административном управлении разнятся» [7, с. 145], никаких изменений в административном положении Нарымского края произведено не было.

Ярким примером непродуманного отношения к административно-территориальному устройству Сибири в этот период стала судьба Колыванского округа и самого города Колывани Томской губ., который за время своего существования успел побывать во всех ипостасях: от губернского до заштатного. Колыванский округ был открыт в 1822 г., а город был официально учрежден в 1834 г. В 1856 г. Колыванский округ был упразднен, и вместо него был образован округ в центре с городом Мариинском, куда были переведе-

ны все присутственные места, а сам город Колывань был оставлен за штатом. Это уникальный в истории территориального устройства Сибири случай, когда округ в течение 34 лет существовал без города, а сам город в течение 22 лет был всего лишь правительственной «фикцией», существовавшей только на бумаге.

Упразднение Колыванского округа в середине XIX в. породило множество проблем административно-полицейского и экономического характера, так как эта территория имела выгодное экономико-географическое положение и привлекала население, которое как в городе, так и в близлежащих округах росло довольно быстро, что требовало создания более эффективной системы управления. Поэтому вопрос об учреждении Колыванского округа на протяжении второй половины XIX в. поднимался неоднократно.

В начале 1880-х гг., в период активного развития города, колыванский полицмейстер поставил вопрос о необходимости «более сосредоточенной централизации судебной и исполнительной власти... как для местного колыванского, так и для окрестного населения, которая должна была сосредоточиться в Колывани, возведенном в степень окружного города, а из окружающих его волостей должен был быть организован округ» [8].

В 1890-х гг. в связи со строительством Транссиба вновь встал вопрос об обеспечении эффективного административно-полицейского управления и контроля на территории округов Томской губ., прилегающих к железнодорожному полотну, где предполагалось создание нового округа с центром в Колывани, который стал бы важным полицейско-административным центром всей половины губернии, пересекаемой железной дорогой.

После обсуждения данного вопроса губернский совет решил представить его на рассмотрение министра внутренних дел, однако, на этот раз время и география расставили все по своим местам. С основанием в 1893 г. города Ново-Николаевска все надежды и усилия по поводу открытия Колыванского округа оказались бессмысленными, так как экономико-географическое положение Колывани коренным образом изменилось, и центр экономической жизни этого района переместился в новый город на железной дороге.

Если попытки оптимизировать административно-полицейское устройство региона предпринимались в первую очередь местным чиновничеством, то вопросы об изменении статуса города напрямую касались судьбы самих жителей, а зачастую ими же и инициировались. В начале XX в. жителями Нарыма было предпринято

ходатайство о преобразовании города из заштатного в уездный, так как в связи с усилением переселенческого движения в Нарымский край планировалось преобразовать его в особый уезд с уездным пунктом в деревне Колпашево [9]. Собрание уполномоченных, обеспокоенных возможной потерей будущего статуса уездного города, попросило городского старосту возбудить ходатайство перед начальником губернии о том, чтобы при образовании в Нарымском крае особого уезда пункт уездного города оставить в городе Нарыме. Однако, как показали дальнейшие события, это так и осталось в проекте, а Нарым встретил революцию 1917 г. заштатным городом. Были и обратные примеры, когда жители Березова в начале XX в. ходатайствовали о превращении своего города в село, так как «торговля ушла из него и в уезде появились новые торговые центры» [10, с. 164].

Таким образом, большинство городов Западной Сибири во второй половине XIX в., утратив военное значение, продолжали играть важную роль в системе управления регионом. Город как административный центр выступал в качестве регионообразующего фактора, стягивая его не только административно, но и экономически [3, с. 10]. Это во многом объясняет, почему так много внимания правительство уделяло выбору административного центра и его частую миграцию. В силу приоритета административного, а зачастую фискального, подхода в решении многих экономических вопросов выполнение городом управленческой функции часто было единственной причиной дарования ему и сохранения за ним городского статуса. Однако «официальный» статус большинства поселений не был подкреплён социально-экономическим потенциалом, что было причиной преобладания в регионе малых городов.

В отличие Европейской России, в Сибири города вплоть до конца XIX в. продолжали сохранять важное значение именно как административные центры, организуя жизнь как внутри поселения, так и в сельской округе, что отразили данные переписи 1897 г.: процент самостоятельного населения, занятого в административной сфере, в малых городах Западной Сибири (4,7%) в 2 раза превышал таковой в Европейской России (2,6%) [11, с. 303].

Растущие темпы переселения, строительство Транссиба, усложнение хозяйственной структуры, обеспечение безопасности населения и множество других задач требовали создания более эффективной системы управления, однако многие из них так и не были решены. Не последнюю роль в этом сыграли географический фактор и назавершенность колониационных процессов в Сибирь-

ском крае, так как «территориальная экспансия затрудняла формирование хорошо структурированной системы городов, которая бы могла наилучшим образом обслуживать потребности народного хозяйства... В России вопреки экономической целесообразности такую единую, централизованную систему городов правительство создавало искусственно по административным соображениям из-за страха сепаратизма» [11, с. 47].

Примечания

1. Лен К.В. Подготовка городской реформы 1870 г. в Томской губ. // Алтайский сборник. Вып. 18. Барнаул, 1997. С. 42–52; Он же. Особенности западносибирского городского самоуправления // Актуальные вопросы Сибири (Вторые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина 6–7 октября 1999 г.). Барнаул, 2000. С. 147–150; Лиягина А.В. Городское самоуправление Западной Сибири в конце XIX – начале XX веков. Бийск, 2001 и др.
2. Рабцевич В.В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984.
3. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX в. Омск, 1997.
4. РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 875. Л. 3.
5. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882. Сургут, 1993.
6. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1749. Л. 14 об.–15.
7. Плотников А.Ф. Нарымский край. Историко-статистический очерк. СПб., 1901.
8. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1941. Л. 11 об.
9. ГАТО. Ф. 349. Оп. 1. Д. 17. Л. 301.
10. Головачев П.М. Экономическая география Сибири. М., 1914.
11. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1.

С.В. Давыдов

Иркутский государственный университет

**ОРГАНИЗАЦИЯ ДОСУГА ДЕТЕЙ КАК ФАКТОР
СОЦИАЛИЗАЦИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.
(на примере г. Иркутска)**

Современные историки в последнее время выделяют такую область исследования как досуг, которая изучает поведение человека и групп людей в свободное время, способы удовлетворения

потребностей в отдыхе, развлечении, общении, развитии личности, а также функционирование учреждений досуговых услуг, так называемой индустрии досуга.

Проблемы досуга или его организации обычно связывают с развитием капитализма во второй половине XIX в. и урбанизацией. Рост производительности труда и подъем жизненного уровня населения позволили сократить время необходимого труда и значительно увеличили объем свободного времени. А условия проживания в городе привели к ослаблению общинных связей, к росту социальной и духовной автономии личности и одновременно усилили процессы массового потребления культуры, что отразилось на формах досуга. Изменились формы проведения досуга не только у взрослых, но и детей.

Главные изменения заключаются в том, что заботу о развитии и воспитании ребенка, а значит и заботу о досуге семья начинает делить с другими социальными институтами: школой, церковью и общественными организациями. Но так как не все дети в городе учились, о части малообеспеченных слоев города заботились общественные организации. Роль различных социальных институтов, их деятельность в процессе социализации через организованный досуг различалась в зависимости от социального статуса родителей, который распространялся и на детей.

Не все городские сословия в равной степени могли приобщать своих детей к различным формам досуга. Самыми распространенными способами отдыха для подростков из обеспеченных семей было чтение, театр, музыка, для всех – прогулки на свежем воздухе. Учитывая такое разнообразие, необходимо сказать, что досуг мог быть контролируемым со стороны взрослых, когда они пытались направить его в правильное, на их взгляд, русло, и неконтролируемым, когда дети сами выбирали для себя форму отдыха, например, чтение. Следует различать чтение для удовольствия и по необходимости. Учащиеся чаще всего читали по школьной программе. Для них чтение было частью процесса обучения, хотя и во внешкольное время, а о чтении для удовольствия можно судить по читательским интересам. Одной из самых активных детских писательниц была ныне забытая Клавдия Лукашевич, связанная с Иркутском недолгим периодом учительства в 1870-х гг. Также маленьким иркутянам наиболее известны были произведения А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, В.А. Жуковского, М.Ю. Лермонтова. Ребята взрослее,

конечно же, интересовались романами Ж. Верна и Ф. Купера. Прийти к сложным произведениям порой детям помогали так называемые популяризаторы. Например, И. Иванов перелагал пьесы В. Шекспира «Король Лир», «Отелло», «Макбет». Постепенно библиотека становится для детей местом проведения свободного времени. За год существования бесплатной народной библиотеки-читальни им. А.В. Потаниной (1896 г.), ее посетило 499 детей до 16 лет, что составило 58% читателей этого года [1, с. 93]. Библиотека имела три отделения на окраинах города: Нагорное, Ремесленно-Слободское и Глазковское, и везде дети составляли большинство среди читателей. Наличие большого числа детских изданий, бесплатного пользования и незначительных залогов, вносимых учениками, сделало возможным такое посещение.

Следующим после чтения для детей отдыхом и развлечением был театр, но современники считали спорной его пользу. Критики возмущались большим количеством детей на вечерних спектаклях, вынужденных до 12 часов ночи «видеть и слышать вещи, о которых знать им еще рано». Поэтому поднимались вопросы о том, чтобы хоть раз в месяц устраивать чисто детский спектакль, избрав для него приличные пьесы и назначив время представления от 5 до 8 часов. «Может быть, тогда родители перестали бы возить детей в школу преждевременного и вредного опыта». Позже для детей стали абонировать утренние спектакли и водили их в театр от учебных заведений. Таким образом, заботу о досуге ребенка могла брать на себя и воспитательная организация. Основная масса детских спектаклей проводилась в новогодние праздники. Порой до тысячи детей со всех городских школ приходили на них. Но эти выходы были не так часты, как хотелось детям. Воспитанница Иркутского Девичьего института вспоминала: «Произошло ошеломляющее событие, нас повели в театр на «Принцессу Грезу» Ростана. Другие воспитанницы нам очень завидовали» [2, с.159, 160]. О редкости посещения театра говорит и тот случай, когда воспитанницы сбежали вечером из Института, чтобы сходить в театр, подговорив перед этим девушку-прислугу купить им билеты.

Во второй половине XIX в. появились и новые варианты досуга. Определенное место в общественно-культурном досуге стало занимать посещение музеев, выставок, число которых год от года росло. Конечно, наибольшее влияние на развитие сферы досуга, связанной с посещением выставок, оказала деятельность ВСОРГО.

Наибольшее число посетителей на выставках, которые организовывало общество, составляли учащиеся учебных заведений, приходившие группами. В 1885–1900 гг. доля детей среди посетителей музея ВСОРГО колебалась от 41 до 63%, причем их абсолютная численность все время росла.

Не все дети имели равный доступ к качественному и разнообразному детскому отдыху. Например, не все могли оплатить занятия с преподавателем музыки, тем более – приобрести инструмент. Из объявлений в иркутских газетах можно узнать, что фирма «Рояли К.М. Шредера» предлагала приобрести пианино, кабинетные рояли, детские скрипки, гитары и флейты, причем стоимость некоторых инструментов доходила до 2000 руб. Фортепиано «с рук» стоило около 200 руб., а рояль – 325 руб. Взять инструмент в аренду можно было за 8 руб. в месяц [3].

С точки зрения социологии досуга проблемными обычно считаются группы молодежи с отклоняющимся поведением, которые предъявляют специфические требования к досугу. Такой проблемой в Иркутске было население Ремесленной слободы. Именно тут возникали так называемые неформальные объединения. Частые кулачные бои, драки и подобные побоища были здесь не редкими. Малолетки, как их называли горожане, «собираясь в компании 10–15 человек и разгорячившись алкоголем, с гиком, свистом и песнями и неизменной гармоникой отправлялись специально безобразить на улицах» [4]. Отсутствие для них организованного досуга приводило к тому, что многие городские дети только и занимались тем, что катались на коньках или с горок, порой на своих санках попадая под лошадей, пугая их, попутно сбивая людей, прохожих, травмируя и себя и их. Иногда эти дети ловили собак, а также бегали на скотобойню смотреть, как убивают коров. Считалось, что возможно, в городе есть шайка воров, которая использовала мальчишек для мелкой практики, подсаживая их через форточки в дом, где они либо что-то воровали, либо высматривали расположение комнат.

Было решено, что немалую пользу для этих детей принесло бы устройство народных чтений. Правительство содействовало позитивной социализации безнадзорных детей и молодежи через предложение досуга, вовлечение в общественно-полезную деятельность, пропаганду здорового образа жизни. Эту роль на себя взяли народные чтения. Начали с того, что в городских церквях проводились воскресные беседы и обучение детей молитвам [5]. По примеру других городов в Иркутске в 1893 г. было решено открыть в те-

чение зимнего сезона (на время поста до Пасхи) религиозно-нравственные чтения для народа. Целью их проведения было не только распространение религиозно-нравственных знаний, но и попытка «занять полезным делом праздничный досуг простонародья» [6]. Позже конкуренцию им составили чтения для взрослых из простого класса и детей. По данным газеты «Восточное обозрение» в течение 1893–1895 гг. прошло 36 таких чтений, на которых побывало около 7000 человек, в среднем по 200 человек на каждое чтение. Естественно, там были и маленькие слушатели, которые «часто нарушали тишину».

Следовательно, в городе предпринимались попытки создать условия, способствующие повышению качества детского отдыха. Но не для всех детей он мог быть одинаковым, потому что социальные функции досуга связываются с общением и воспроизводством социальной структуры через свойственные различным социальным группам типы и образцы досугового поведения. Необходимо было сформировать эффективную структуру социализации и досуга детей. Ее отсутствие было одной из причин возникновения и роста детской беспризорности и безнадзорности, которые принимали многообразные варианты.

Примечания

1. Полищук Ф.М. История библиотечного дела в дореволюционном Иркутске. Иркутск, 1983.
2. Колесникова Г. Белые лебеди. Из записок воспитанницы Института благородных девиц // Москва. 1993. №3.
3. Сибирь. 1886. №41. С. 11; Восточное Обозрение. 1889. №10. С. 16; Сибирь. 1875. №2. С. 4; №3. С. 6.
4. Иркутские губернские ведомости. 1903. №3532. С. 3.
5. Сибирь. 1884. №12. С. 4.
6. Восточное обозрение. 1893. №50. С. 1–2.

Н.В. Бутакова

Алтайский государственный университет

ДОСУГ ГОРОЖАН АЛТАЯ В КОНЦЕ XIX в.

Повседневный отдых является неотъемлемой частью жизни любого человека. При этом досуг сельского жителя и городского обывателя заметно различался. Горожане Алтая в конце XIX в. имели достаточно широкие возможности повседневного времяпрепровождения.

Среди городов Алтайского округа разнообразием развлекательных мероприятий, безусловно, выделялся Барнаул. Здесь, кроме регулярной постановки своими силами любительских спектаклей и устройства танцевальных, вокально-музыкальных, литературных вечеров, частыми гостями были приезжие артисты, циркачи и пр. При этом возможность развлечений предоставлялась барнаульцам круглогодично: осенью, зимой и весной – в залах общественного собрания и Алтайского клуба, летом – в садах школьного общества и общественного собрания. Посещать собрание и клуб могли сравнительно обеспеченные люди, так как членство в них стоило: в Алтайском собрании – 12 руб., в Барнаульском общественном собрании – 15 руб. в год. [1]. Эти два собрания имели ряд различий. Алтайский клуб, по мнению одного из корреспондентов «Сибирского вестника» имел ряд преимуществ: раньше открывался в праздничные и воскресные дни (с 12 ч. дня); еженедельно по вторникам здесь проходили семейные вечера без музыки, а по воскресеньям – с музыкой; по пятницам – выступления музыкального кружка; наличие обширной библиотеки и пр. [2]. Однако, по свидетельству другого корреспондента, несмотря на то, что членами клуба числилось до 150 человек, «почти 9/10 не заглядывают в собрание, так как в настоящее время нет никакого удовольствия, кроме карточных столов» [3]. Отчасти причина такого непосещения крылась в том, что большинство членов были чиновниками и техниками алтайских учреждений, которые фактически приписывались к клубу (взносы отчислялись сразу с жалованья). Некоторых не устраивала предлагаемая программа развлечений: «нет в Алтайском клубе музыки и танцевальных вечеров, которые еженедельно бывают в общественном собрании... Бильярд там один – нескоро очереди дождешься, а выпивать там как-то неловко: куда ни повернешься – все начальство» [4].

Более разнообразными и доступными повседневные развлечения становились летом. Именно в этот период интенсивно устраивались народные гулянья в саду, приезжали с гастрольями труппы артистов и циркачи и пр. Так, например, корреспондент «Сибирского вестника» так охарактеризовал ситуацию лета 1895 г.: «В последнее время барнаульцам удовольствия как галушки валяются с неба: не успеет убраться один увеселитель, как является второй, третий» [5]. Действительно, программа повседневных развлечений была разнообразна: спектакли труппы Брагина, выступление канатоходца

г. Блондана, гастроль цирка г. Перешивкина, концерт военного оркестра 4-го Западно-Сибирского линейного батальона и пр. [6].

Лето 1899 г. было также насыщено развлечениями в садах школьного общества и общественного собрания. Открытие сада школьного общества состоялось 9 мая народным гулянием: днем играл оркестр вольного пожарного общества, а вечером любителями была сыграна комедия «Мертвые души» Гоголя. Гулянья с музыкой проходили в саду два раза в неделю, за весьма скромную входную плату – не дороже 10 коп. Во время гуляний с музыкой в летнем театре, расположенном в том же саду, любителями драматического искусства давались спектакли в пользу школьного общества. Иногда во время антрактов в театре публику развлекал хор местных любителей под управлением А.Ф. Покровского [7]. Кроме этого в саду были кегли, тир, «плохонький» бильярд и чайный буфет, без продажи крепких напитков. Имелись и газеты с журналами для чтения [8].

Итоги «барнаульской Талии и Мельпомены» по сравнению с прошлыми годами были весьма занимательны. Корреспондент «Сибирского вестника» свидетельствовал: «В летописях нашего театрального мира еще не встречалось, чтобы Барнаул за одно лето посетило три труппы (братья Адельгеймы, труппа малороссов, труппа драматических актеров под руководством г. Арнольдова), кроме отдельно странствующих артистов, которых и перечесать трудно» [9]. Однако «разъехались артисты и некому теперь развлекать барнаульца. И погрузился он опять в свои карточно-бутылочные интересы.

Сплетни, карты и вино,
Да порой скандал в собрание,
Неизменное одно –
Нашей жизни содержание! [10].

Другое поэтическое произведение этого же корреспондента посвящено еще одной насущной проблеме – пьянству как альтернативе культурного времяпрепровождения:

Вот хлебный город Барнаул
У мутных вод Оби заснул.
В нем все идет однообразно;
Царит традиция веков,
На улицах темно и грязно,
И очень много кабаков! [11].

Карточные игры и кабаки, судя по корреспонденциям из алтайских городов, занимали весьма значительное место в повседневном досуге горожан. Особенно это было заметно в Бийске, Кузнецке и Колывани, где прочие увеселения не были представлены так широко, как в центре Алтайского округа.

Страсть бийчан к картам запечатлел в своих воспоминаниях Е.П. Клевакин: «Вчера было в собрании немного людей... По обыкновению играли в карты: купцы в стуколку в отдельной комнате, а в стенах собрания на два стола в винт и мушку... В общественном собрании, в танцевальные вечера, играют в комнатах собрания на три стола... Итак, игра и игра в карты, преобладающие развлечения общественные» [12].

Корреспондент из Кузнецка по поводу досуга горожан отмечал: «...все у нас как-то обособленно, ничего общественного, все и каждый по своим делам и домам... Вот наше обычное времяпрепровождение, вошедшее в пословицу у кузнечанина: за пазухой карты, за голенищем – просьба» [13].

Не остались в стороне от карточной болезни и колыванцы: «Винт в Колывани носит эпидемический характер; здесь играют старые и молодые; мужчины большинство, дамы почти все и даже барышни. Словом играют все... всегда и всюду. Именины ли то, званный ли вечер, свадьба или, наконец, просто-напросто завернули двое-трое из приятелей, пожалуйста – стол раскрыт, карты готовы...» [14].

Конечно, в упомянутых городах случались любительские спектакли, танцевальные вечера, маскарады, редкие гастроли приезжих артистов и пр., однако городские обыватели не всегда в полной мере пользовались возможностью культурного проведения повседневного досуга.

Примечания

1. Сибирский вестник. 1898. №248. С. 3.
2. Сибирский вестник. 1898. №261. С. 3, №217. С. 3.
3. Сибирский вестник. 1898. №252. С. 3.
4. Сибирский вестник. 1898. №248. С. 3.
5. Сибирский вестник. 1895. №90. С. 3.
6. Сибирский вестник. 1895. №90. С. 3, №97. С. 3 и др.
7. Сибирский вестник. 1899. №117. С. 3.
8. Сибирский вестник. 1899. №110. С. 3.
9. Сибирский вестник. 1899. №194. С. 3.
10. Там же.

11. Сибирский вестник. 1899. №181. С. 3.
12. ЦХАФ АК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 9. Л. 27 об, 38.
13. Сибирский вестник. 1895. №15. С. 4.
14. Сибирский вестник. 1898. №86. С. 3.

М.В. Шиловский
Новосибирский государственный университет
**ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
СИБИРИ XIX – НАЧАЛА XX в.**

Вплоть до конца XIX в. в сибирских городах преобладали деревянные строения. Современники, как бы сговорившись, сообщали одно и то же, вне зависимости от времени и места. Каинск (начало 60-х гг.): «Он состоял большею частью из старых лачуг, которые уныло выглядывали своими унылыми окнами на вечно грязные улицы. Хороших домов было очень немного, почти все они принадлежали местным купцам». Тюмень: «Деревянные низенькие дома, широкие пустыри, грязные и безлюдные улицы». Томск: «Вот и улица, немощеная, с деревянными мостками по бокам, вместо тротуаров, с низенькими невзрачными домами» [1].

Специфику жилищного строительства в них раскрывает в своих воспоминаниях Г.Н. Потанин на примере Омска: «...Большую часть города, исключительно деревянную, достраивает правленский писец или военный писарь, достраивает так медленно, что пока успеет в одном месте довести работу до конца, в другом месте старые постройки доживают свой век и из них образуются уже развалины. Этот строитель строит свои дома дешево, на свои скудные доходы, обделяя себя в еде и удовольствиях, ограничивая себя луковицей с квасом, да изредка рыбой, которую сам наловит... Такой строитель возводит свое жилище частями: нынешний год пристроит комнатку, на будущем собьется на крышу, на третий год перестелит полы или выстроит какую-нибудь службу; иногда десять лет пройдет прежде, чем терпеливый Акакий Акакиевич завершит свой труд» [2].

Основные типы деревянного жилья – клеть и пятистенки, получают в городах «развитую планировочную структуру, пристройки при входе, крыльца, дополнительные входы» [3]. Комнаты располагались вокруг печей с целью максимального использования тепла от них. Сооружались двухэтажные деревянные дома, дома с

мезонином, с лоджиями, верандами, различного рода прирубами для хозяйственных целей.

Поскольку большая часть интеллигенции, особенно чиновники, являлись временными жителями региона и очень часто по службе перемещались внутри него, то, как правило, они предпочитали снимать жилье у горожан в зависимости от достатка. Вот как описывает свое жилище Г.Н. Потанин, служивший в конце 50-х гг. младшим казачим офицером в Омске. Первоначально он снимал комнату у казака Бердникова в Казачьем форштадте: «Его низенький одноэтажный домик состоял из двух комнат. В одной помещалась кухня, по местному «изба» с русской печью; тут жил сам Фирсыч со своей женой Филиппьевной и маленькой дочкой Оней; другая половина называлась «горницей». В ней городская обстановка была представлена двумя-тремя стульями, и только; остальная мебель была заменена хозяйскими сундуками, наполненными домашним скарбом и прекрасными тюменскими «полозами» (коврами без ворса). Кровать и стол дополняли обстановку... За комнату со столом я должен был платить 3 руб. в месяц». Затем он переехал к писарю войскового правления за 6 руб. со столом. «Комната моя была светлая, – сообщает он, – окна на юг, а не на север, потолок высокий, вместо сундуков стулья, столики под скатерками» [4]. Совсем убого выглядело жилище сосланного в Иркутск профессора А.П. Шапова. «Он умер в домике Савицкого, – сообщает А.С. Маджаров, – что стоял неподалеку от Знаменского моста через Ушаковку. Пришедший проститься с покойным историком должен был подняться по самой приставной лестнице в пристройку – сарайную горницу – последнее пристанище Афанасия Прокофьевича. Его взору открывалась бы небольшая, с низким потолком оклеенная бумагой лачуга. Посредине стоял стол, на котором лежал покойный. Стулья и другая мебель отсутствовали. Лишь ящики, наполненные книгами, намекали на свое второе предназначение. Книги грудami лежали на полу, на подоконниках» [5].

В целом же жилище городских обывателей средней руки (чиновники, офицеры, интеллигенты) не отличалось особым комфортом. Так, из информации, взятой нами из романа И.В. Федорова-Омулевского «Шаг за шагом» (1870), события которого происходят в Иркутске, родители героя во главе с отставным надворным советником А. В. Светловым проживали в собственном «сереньком домике в пять окон на улицу». Его двоюродный брат мещанин

А.Л. Соснин квартировался «в небольшом домике в три окна на одной из самых глухих улиц города». Определенное для житья младшему Светлову помещение в родительском доме представляло «уютную, чистенькую комнатку в два окна с веселыми светло-зелеными обоями... На окнах стояли лучшие в доме цветы и висели простые, но чистые, как только что выпавший снег, белые полотняные шторы домашней работы. Перед окнами, в простенке, приютился письменный стол... Направо от стола помещался незатейливый, но только что перед тем перекрытый новой материей диван, а над диваном висело большое правильное зеркало, какие обыкновенно висят в гостиной в домах средней руки... Платяной шкаф красного дерева, выкрашенная под орех этажерка для книг, несколько плетеных стульев, да покойное кресло перед письменным столом заканчивали собой, правда, незатейливую, но зато совершенно удобную обстановку этой комнаты» [6].

Вообще, интерьер жилища в течение всего рассматриваемого времени не отличался разнообразием. Поселившийся в Томске в 1898 г. профессор И.А. Малиновский так описывал обстановку своей квартиры: «...Мягкая мебель, венские стулья, ковры, гардины, занавески, фотографии на стенах, пианино» [7]. К тому же из-за частой смены места службы, чиновничество старалось не обзаводиться дорогостоящей обстановкой. «Говорят, – замечал по этому поводу Г.Н. Потанин, – в Омске очень выгодно торговать мебелью; то, что сегодня очень сходно куплено у какого-нибудь отъезжающего, через неделю с барышом можно продать приехавшему на его место» [8].

Ситуация существенно изменяется с конца XIX в. В процессе первого витка индустриального развития, последовавшего после сооружения Транссибирской ж.д., меняется характер застройки и уровень комфортности жилья в наиболее крупных городах региона (Иркутск, Красноярск, Новониколаевск, Томск, Омск). На примере Новониколаевска суть произошедших изменений С.Н. Баландин определил следующим образом: «Со временем застройка городских кварталов изменялась, особенно в центральной части, где происходила концентрация коммерческих, зрелищных, церковных и учебных сооружений, а также доходных жилых домов и городских особняков. Стирается намеченное четкое разделение в кварталах на отдельные усадебные участки, они начинают плотно застраиваться по периметру; для разделения примыкающих друг к другу деревянных домов сооружаются кирпичные или каменные брандмауэрные

стены. В городском деревянном доме устраиваются входы с улицы – «парадные». Дома возводятся иногда с первым каменным этажом и вторым деревянным. Это были уже многоквартирные дома городского типа, помещения которых сдавались в наем» [9].

Рост численности и изменение архитектурного облика городов привели к появлению нового типа жилья – доходных домов и городских особняков, ставших главным местом обитания местной интеллигенции, прежде всего элитарной. В качестве примера особняков можно указать на собственный деревянный дом в три с половиной этажа архитектора А.Д. Крячкова в Томске (1910) и двухэтажный кирпичный дом архитектора К.П. Чикина в Тюмени (1910-е гг.)

Однако владельцами и обитателями особняков являлись по преимуществу предприниматели, высокопоставленные чиновники, элитарная интеллигенция, горные инженеры Алтайского округа. Роскошные условия жизни последних в течение всего XIX в. отмечали различные источники. В частности, Н.М. Ядринцев (1880) свидетельствует: «Надо отдать справедливость: где мы не заезжали в Алтайском горном округе, мы находили всегда в домах управителей казенным хозяйством самый изысканный комфорт, дорогую мебель, художественные произведения, прекрасных лошадей и т.д. Подобная жизнь стоила при выписке всего из столиц от 5 тыс. до 10000 рублей в год. О получаемом содержании мы не имеем понятия» [10].

Подавляющая часть служилых слоев сибирской интеллигенции и в начале XX в. проживала преимущественно в наемных квартирах. В частности, из 98 профессоров Томского университета, получивших это звание до 1917 г., лишь семеро являлись владельцами домов в Томске [11]. Причем эти частные домовладения отличались от шикарных каменных особняков местных капиталистов и представляли добротные деревянные дома, внутреннюю «начинку» которых подробно описала иркутская старожилка Л.И. Тамм: «Высокое крыльцо парадного входа, большие сени с чуланом и теплым нужником, отапливаемым голландской печью. Обширная прихожая, пол, который устлан цветастым линолеумом, производили впечатление солидности. Под вешалками стоял громадный сундук с зимними вещами. Массивные двери в спальню, зал и столовую плотно закрывались, поэтому в доме всегда была тишина». В зале, «в двух простенках уличных окон висели большие зеркала в резных рамках. Под ними стояли столики с тюлевыми скатертями. На столиках размещались вазы с шелковыми цветами, прикрытыми от

пыли большими стеклянными колпаками. По обе стороны ваз находились бронзовые подсвечники с хрустальными подвесками и рамки с фотографиями членов семьи». В столовой «стояли большой обеденный стол, покрытый скатертью, венские стулья, большие напольные часы с боем, черного дерева буфет, на стенах висели декоративные тарелки» [12].

Получавшие значительное денежное содержание профессора томских вузов (до 7–10 тыс. руб. в год) снимали квартиры повышенной комфортности в доходных домах. Так, упоминавшийся выше И.А. Малиновский после долгих поисков снял квартиру в доме Щепетова на Преображенской улице за 55 руб. в месяц. Она состояла из шести комнат, передней, ванной, кухни, комнаты для прислуги [13]. По данным С.А. Некрылова, наем одной комнаты в центре Томска обходился в 25–30 руб. в месяц, в прилегающих к центру города районах – 12–18 руб., в отдаленных кварталах – 8–10 руб. «В состав квартирных цен входили стоимость очистки клозетов, помойных ям и дымовых труб. Квартиры чаще всего сдавали не меблированными, так как это намного повышало стоимость их найма. После появления в Томске электричества и проведения его в частные дома стоимость такой квартиры вместе с водопроводом повышалась на 25%. Стоимость найма квартир в период с конца 80-х г. до 1913 г. практически не изменилась» [14]. Достаточно дорогим был рынок жилья в Новониколаевске. В 1910 г. плата за квартиру свыше 6 комнат здесь достигала 900 руб. в год, среднюю (4–6 комнат) – 800 руб., до 4-х комнат – 756 руб. [15].

Комфортность жилья повышалась за счет его телефонизации, электроосвещения, подключения к централизованной системе водоснабжения. Первую электростанцию в регионе построил в 1885 г. красноярский купец Базалов. Она освещала его дом, магазин, склады и рекламные объявления. В 1893 г. в Тюмени купец И.И. Игнатов построил электростанцию на городских пристанях. В ночь под новый 1896 г. выдала ток городская электростанция в Томске, мощностью в 88 киловатт. В Иркутске сооружение станции началось в 1906 г., в Омске – в 1913 г. В декабре 1912 г. в Новониколаевске сдается в эксплуатацию городская электрическая станция мощностью в 158,25 киловатт, к которой подключилось 540 абонентов с питанием 5,6 тыс. электроламп, в том числе в квартирах и гостиницах – 3,2 тыс. ламп. Электроэнергия была дорогим удовольствием. Домовладельцам 1 кВт/час обходился в 30 коп.

Довольно рано появилась в Сибири телефонная связь. Уже в сентябре 1886 г. в Томске П.И. Макушин телефонизировал передачу информации между своей квартирой, книжным магазином и типографией. В 1892 г. открывается городская телефонная станция в Иркутске, в 1893 г. – в Томске. Эксплуатация последней привела к увеличению числа абонентов с 97 в год открытия до 1370 в 1917 г. В Иркутске из 293 абонентов городской телефонной станции – более 100 частные лица [16].

Примечания

1. Цит. по: Матханова Н.П. Мемуары и публицистика В.И. Вагина как источник по истории Каинска и Каинского округа // Между прошлым и будущим. Вопросы истории и исторического образования. Новосибирск, 2000. С. 80; Станюкович К.М. В дальние края // Станюкович К.М. Собр. соч.: В 10-ти т. М., 1977. Т. 1. С. 309, 331–332.

2. Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири (ЛНС). Новосибирск, 1986. Т. 7. С. 216–217.

3. Беседина О.Н. Особенности исторической жилой среды городов Восточной Сибири // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. Новосибирск, 1998. С. 192.

4. Потанин Г.Н. Указ. соч. // ЛНС. Новосибирск, 1983. т. 6. С. 75, 76.

5. Маджаров А.С. Афанасий Шапов. Иркутск, 1992. С. 214.

6. Омелевский И.В. Шаг за шагом. Иркутск, 1983. С. 11, 17–18, 51.

7. Машинописная рукопись воспоминаний И.А. Малиновского // Архив музея истории ТГУ. Личный фонд И.А. Малиновского. С. 49.

8. Потанин Г.Н. Указ. соч. Т. 7. С. 217.

9. Баландин С.Н. Сибирский архитектор А.Д. Крячков. Новосибирск, 1991. С. 44–45.

10. Ядринцев Н.М. Сибирская Швейцария // ЛНС. Новосибирск, 1979. Т. 4. С. 116.

11. Профессора Томского университета: Биографический словарь. Томск, 1996. Вып. 1; Некрылов С.А. Материально-бытовое положение и культурная среда дореволюционной томской профессуры (на примере Императорского Томского университета) // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Томск, 1999. С. 37.

12. Тамм Л.И. Записки иркутянки. Иркутск, 2001. С. 29–30.

13. Машинописная рукопись воспоминаний И.А. Малиновского. С. 49.

14. Некрылов С.А. Указ. соч. С. 41.

15. Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Цепляев Л.Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 99.

16. История электросвязи Томской области (от прошлого к настоящему). Томск, 2000. С. 47; Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск, 1993. С. 378.

Ю.М. Гончаров

Алтайский государственный университет

**МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
ГОРОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА СИБИРИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.***

В последние годы история православного духовенства России привлекает все большее внимание историков. Вышел ряд интересных публикаций по этой теме [1]. Однако необходимо признать, что история духовного сословия дореволюционной России остается еще мало изученной. Среди прочих аспектов интересным моментом является материальное положение духовенства.

Еще в XVIII в. высшая страта белого духовенства – священники – приближалась по своим юридическим правам к личному дворянству. Но в отношении доходов от службы они сильно различались. Так, чиновники на гражданской службе, имевшие чины IX–XIV классов в конце XVIII в. получали ежегодное жалованье от 100 до 400 руб. в год; военный, имевший самый младший офицерский чин, – 200 руб., а средний годовой доход священников в городе составлял от 30 до 80 руб., а в деревне и того меньше – 25–40 руб.

В XIX столетии духовенство, составлявшее одну из самых малочисленных сословных и профессиональных групп горожан, также не отличалось высокими доходами. По подсчетам Б.Н. Миронова, в середине XIX в. приходское духовенство уступало по уровню доходов младшим чиновникам и офицерам в 1,5–2 раза [2, с. 153–158]. И. Дитятин отмечал: «Можно... утверждать, не рискуя впасть в грубую ошибку, что городское духовенство в огромном большинстве случаев, с точки зрения экономического благосостояния, стоит вообще не очень высоко» [3, с. 330].

Приходское духовенство состояло из трех основных групп – священников, дьяконов и причетников. Представители каждой

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант №01-01-00067а.

группы имели различный духовный статус и соответственно ему разные обязанности при исполнении церковных обрядов: священник выполнял главную роль, без него вообще не могло совершаться никаких обрядов и таинств, дьякон помогал священнику, а причетники служили для создания пышности, торжественности службы. Священники и дьяконы относились к священнослужителям разного ранга, а причетники – к церковнослужителям, не имевшим статуса священства. Священник являлся главой причта и обладал административной властью над остальными его членами. Для занятия соответствующей должности существовал возрастной ценз: минимальный возраст составлял для священника 30 лет, дьякона – 25, причетника – 15 лет. Во второй половине XIX–начале XX в. священники составляли от 37 до 50% приходского духовенства, дьяконы – 11–14%, причетники – 41–56% [4, с. 108].

Жалование духовенства было невысоким. В конце 1860-х гг. настоятель городской церкви в Тобольской губ. получал в среднем 180 руб. в год, помощник настоятеля – 120 руб., псаломщик – 60 руб.; в Березовской соборной церкви протоиерей получал 200 руб. в год, священник – 180 руб., дьякон – 100 руб., причетник – 70 руб.; в остальных церквях: священник – от 90 до 160 руб. в год, дьякон – 70 руб., причетник – от 30 до 36 руб. [5].

Повышение материального уровня духовенства стало одним из главных направлений церковной реформы 1860–1870-х гг. В 1862 г. было создано Присутствие для улучшения быта православного белого духовенства, которое должно было находить способы для увеличения средств материального обеспечения приходского духовенства. В адрес присутствия направлялись многочисленные послания клириков с жалобами на плохое обеспечение. Так, духовенство церковью г. Березова в 1868 г. ходатайствовало о «скорейшем назначении им более возвышенных окладов жалования, так как при существующей на все дороговизне, получаемые ими средства к содержанию совершенно недостаточны, почему они поставлены в самое страдательное положение и в настоящее время ходатайствуют принять участие в их плачевном положении и ускорить распоряжение о скорейшем изыскании средств к более лучшему обеспечению материального их быта» [6].

Подобных обращений было немало. Так, в 1864 г. сходная просьба была направлена из Тобольска, при этом в ходатайстве были

указаны размеры действительного жалования причта кафедрального собора в Тобольске и минимально необходимого (см. табл.).

Получаемое и запрашиваемое жалование
духовенства Тобольска в 1864 г.

Должность	Получаемое жалование	Запрашиваемое жалование
Кафедральный протоиерей	171 руб. 60 коп.	500 руб.
Ключарь	142 руб. 95 коп.	430 руб.
Священник	114 руб. 30 коп.	360 руб.
Протодиакон	114 руб. 30 коп.	360 руб.
Диакон	85 руб. 80 коп.	180 руб.
Псаломщик, пономарь	57 руб. 15 коп.	90 руб.
Сторож, звонарь	42 руб. 90 коп.	60 руб.
Просфорня	42 руб. 90 коп.	70 руб.

Источник: РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Д. 65. Л. 1.

Так как в таких городах, как Березов и Тобольск, прихожане были бедны, купечества было немного, чиновники в своей массе очень бедные, духовенству этих городов жилось несладко, о чем говорят многочисленные прошения: «просим... по крайней мере удвоить оклад жалования духовенству городов Тобольска и Березова. Так как известно самому правительству, что города эти самые бедные в Сибири, как удаленные от трактовой дороги, не имеют никаких местных произведений, населены бедными жителями, где торгующий класс людей находится в самом незавидном положении» [7]. Духовенство также просило наделить их домами, землей и угодьями.

Судя по прошениям 1860-х гг., приходское духовенство поверило в свое скорое и достаточное обеспечение. Однако священно-церковнослужители не обращали внимания на оговорку, что казна не располагает денежными средствами для осуществления реформы и рассчитывает решить проблему иными способами. Предполагалось увеличить казенное жалование, которое находилось в прямой зависимости от класса церкви, за счет укрупнения приходов и сокращения состава причтов. Все это привело в итоге к значительному уменьшению численности священно-церковнослужителей. Только на рубеже 1880-х гг., в связи со сменой прави-

тельственного курса, вновь начинается разукрупнение приходов и увеличение штатов [8, с. 22].

В 1864 г. были учреждены церковно-приходские попечительства. Попечительства из прихожан должны были заведовать церковными делами прихода и содействовать улучшению материального положения духовенства. Однако на деле эта помощь в лучшем случае ограничивалась строительством общественных домов или их ремонтом. Тем не менее открытие церковно-приходских попечительств дало значительный толчок для частной благотворительности прихожан.

Изменения происходили и в пенсионном обеспечении духовенства. В ходе церковных реформ 1860–1870-х гг. пенсионный капитал церкви был передан в государственное казначейство, т.е. духовенство практически перешло на государственное пенсионное обеспечение. Заштатному священнику за 35 лет службы полагалось 90 руб., вдове священника с детьми – 65 руб., без детей – 55 руб. в год [9, с. 410]. Размеры пенсий были увеличены дважды: в 1866 и 1878 гг., причем не только священникам: с 1876 г. пенсиями обеспечивались протодьяконы, а с 1880 г. – и дьяконы. Увеличение пенсий касалось и семей духовных лиц, потерявших кормильца [10, с. 361–362].

Получаемым жалованьем доходы духовенства не ограничивались. По указу Святейшего Синода от 24 мая 1873 г. к дополнительным (кроме жалованья) средствам содержания духовенства были отнесены: «доброхотные даяния» от прихожан за исполнение треб; церковная земля или церковное довольствие, которое прихожане платили вместо отвода узаконенного церковного участка; проценты с предназначенных в пользу причтов вечных вкладов и доходы с церковных оброчных статей. Большинство духовенства получало основной доход непосредственно от паствы за исполнение обрядов – венчания, отпевания, крещения и т.п.

Кроме того, обычной была практика приема причта в дни важнейших религиозных праздников. Обходы домов приходским духовенством имели давнюю традицию. Посещение домов прихожан в дни религиозных торжеств сопровождалось угощением и денежным подношением, составлявших в богатых купеческих домах уездных городов в середине XIX в. 5 руб. серебром [11, с. 38]. Доходы членов причта заметно отличались, так как по обычаю они делились между священником, дьяконом и всеми причетниками в пропорции 4:2:1 [4, с. 108]. Однако эти доходы были отнюдь не

гарантированы, связаны с унижениями и сильно различались от местных условий.

Во второй половине XIX–начале XX в. у приходского духовенства появились дополнительные статьи дохода: средства за аренду церковных лавок; государственные субсидии на вновь открываемые православные приходы на окраинах России; пожертвования состоятельных прихожан. Нужно отметить, что реальные доходы духовенства в России росли, чему немало способствовала государственная политика. По подсчетам Б.Н. Миронова, реальные доходы приходского духовенства с 1714 по 1913 г. выросли не менее чем в 3 раза [2, с. 153–158]. Однако, по мнению самих священно-церковнослужителей, их материальное обеспечение оставалось «весьма скудным» или в лучшем случае «посредственным».

Примечания

1. Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск, 1990; Освальт Ю. Духовенство и реформа приходской жизни. 1861–1865 // Вопросы истории. 1993. №11–12; Мангилева А.В. Духовное сословие на Урале в первой половине XIX в. (на примере Пермской епархии). Екатеринбург, 1998.

2. Миронов Б.Н. Американский историк о русском духовном сословии // Вопросы истории. 1987. №1.

3. Дитятин И. Устройство и управление городов России. Т. II: Городское самоуправление в настоящем состоянии. Ярославль, 1877.

4. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. СПб., 1999. Т. 1.

5. РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Д. 108. Л. 35 об., 70.

6. Там же. Л. 1–1 об.

7. Там же. Д. 65. Л. 2 об.

8. Бабушкина О.Ю. Приходское духовенство Южного Зауралья в 60-е годы XIX–начале XX вв.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Курган, 2002.

9. Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1988.

10. Русское православие: вехи истории. М., 1989.

11. Куприянов А.И. Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М., 1995.

Ж.Г. Кузнецова

Иркутская государственная сельскохозяйственная академия

МЕДИЦИНСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДУХОВЕНСТВА

В ИРКУТСКОЙ ЕПАРХИИ

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

После реформ Александра II в России стала более актуальна проблема взаимоотношений приходского духовенства и верующих. Нужно было укрепить доверие прихожан к своим духовным пастырям, поднять авторитет священнослужителей в глазах населения. Особое значение придавалось отношению крестьян к духовенству, так как правительство искало способы компенсировать уходящий в прошлое контроль помещиков над крестьянами и стремилось укрепить среди самого многочисленного слоя населения верноподданические чувства.

Уже в первой половине XIX в. обер-прокурор Протасов, уделяя особое внимание подготовке будущих сельских священников, искал способы углубления доверия крестьян к служителям культа за счет обучения семинаристов агрономии и медицине. Это позволяло священнику ближе общаться с прихожанами и помогать им в житейских нуждах. В условиях российской деревни второй половины XIX в. проблемы медицинского обслуживания населения стояла весьма остро и церковное руководство стремилось использовать эту ситуацию.

В марте 1881 г. обер-прокурор Победоносцев направил главе епархий циркуляр №3992, в котором отметил участвовавшие жалобы в периодической печати на отсутствие медицинской помощи в селе и потребовал предоставить сведения о духовенстве, оказывающем такую помощь прихожанам. Подобная деятельность священнослужителей в циркуляре была названа «...заслуживающей всякого внимания, поощрения и поддержки» [1, л. 1].

Духовенство Иркутской епархии, согласно предоставленным в консисторию сведениям, в ряде случаев этим занималось, однако степень участия была различной и зависела от многих факторов. Восемь благочинных в своих отчетах отметили, что в их округах духовенство медицинской помощи прихожанам не оказывает. Одиннадцать благочинных указали на различную степень участия духовенства своих округов в этом деле: от 1–2 человек до почти всех. Однако в основном подразумевалось то, что священники дают

прихожанам советы медицинского и гигиенического характера, рекомендации по применению общедоступных домашних средств и отчасти делятся с ними лекарствами из собственной аптечки, а также убеждают их в сложных случаях побыстрее обратиться к врачу. Почти все благочинные отметили, что крестьяне часто обращаются к священникам за медицинскими советами и лекарствами, однако большинство духовных лиц испытывают затруднение в оказании такой помощи из-за отсутствия достаточных познаний в медицине и средств на лекарство, так как крестьяне обычно рассчитывают на безвозмездную помощь. Поэтому те священники, которые систематически лечили свои прихожан сами, заготавливали лекарственные травы и использовали их. Среди применяемых ими медицинских средств значительное место занимало «...все то, что находится под руками и что только можно достать в деревне» [1, л. 16]. Это черемуховый настой, отвар байхового чая, крахмал, селитренная вода, тертый картофель, настой лаврового листа, водка, мыло с солью, мед, горчица, муравьиный спирт, скипидар, различного рода припарки, примочки и компрессы. Помимо этого, однако названы и аптечные медикаменты: касторовое масло, хинин, глауберова и бертолетова соль, карболовая кислота, мятные и гофманские капли, йод [1, л. 10–16]. Упомянуто также и использование различных гомеопатических средств.

Отдельные священнослужители имели некоторые познания в медицине, так как изучали ее в старших классах духовной семинарии. Пополнению этих знаний способствовало чтение соответствующей литературы – медицинских справочников, народных лечебников, статей из периодической печати (например, из «Иркутских епархиальных ведомостей», где такая информация часто публиковалась). Некоторые священники заводили специальную тетрадь, куда выписывали из периодики медицинскую информацию, а также покупали специальную литературу: «Лечебник» Лоевского, «Школа здоровья» Андреевского, «Самопомощь в болезнях» Воскресенского, «Больное дитя» Киенко. Кроме того, духовенство Иркутской епархии в ряде случаев (особенно в период эпидемий) разъясняло своим прихожанам необходимые санитарные и гигиенические меры, способы предохранения от инфекций.

Активно занимавшихся медицинской деятельностью священников в указанный период в Иркутской епархии было немного: в лучшем случае 1–2 – человека в округе. Некоторые делали это достаточно успешно, снискав тем самым глубокую признатель-

ность прихожан. Например, крестьяне Читканской волости в Забайкалье выдали письменную благодарность священнику местной Христорождественской церкви С. Миронову за его постоянную безвозмездную медицинскую помощь прихожанам и попросили епархиальное начальство отметить его какой-либо наградой [1, л. 42]. Больше всего занимались этим миссионеры, так как для них особенно важно было привлечь к себе симпатии и доверие людей. Отчеты миссионеров показывают, что руководство побуждало их по мере сил оказывать своей пастве медицинскую помощь хотя бы раздачей лекарств и снабжало их для этого необходимыми средствами. В этом смысле простым сельским священникам было сложнее, так как они такой материальной поддержки не имели. Поэтому среди основных препятствий на пути расширения своей медицинской деятельности священнослужители Иркутской епархии указывали не только отсутствие необходимых знаний, но и недостаток средств на лекарство. «В том-то и беда, что нет средств завести аптеку, и горе нам, если откроется у нас эпидемия», – писал в консисторию благочинный 1 участка Киренского округа протоиерей К. Малков [1, л. 24]. Интересный пример решения этой проблемы показал священник Усть-Кяхтинской церкви, побудивший прихожан собрать около 100 руб. на приобретение медикаментов для содержавшейся им аптеки в которой он, по указанию местного фельдшера, выдавал лекарства бедным бесплатно, а зажиточным – по умеренным ценам. Однако этот опыт не был широко распространен [1, л. 45].

Более благоприятные возможности имели монастыри. Но в Иркутской епархии в указанный период заметную активность в этом смысле проявлял только Вознесенский монастырь, где ежегодно медицинскую помощь разного рода получали от 70 до 200 человек. По данным его настоятеля архимандрита Вениамина, за 1866–1881 гг. это составило более 2200 человек разных сословий – в основном крестьяне и «инородцы», а также духовенство, поселенцы, казаки, военные, чиновники, мещане и купцы [1, л. 3–4]. Сам Вениамин активно занимался лечением еще со времен своей бытности селенгинским миссионером в 60-е гг., жители Иркутска и окрестностей охотно обращались к нему. Знаменский женский монастырь имел свою больницу, но она была только для сестер.

Конечно, духовенство помогало в основном при простых травмах и заболеваниях, а в серьезных случаях убеждало обратиться к врачу. Зачастую крестьян приходилось долго уговаривать сделать это, так как они предпочитали знахаря. Следует отметить, что в тогдашних российских условиях рассмотренная выше медицин-

ская деятельность приходского духовенства была востребована и приносила реальную пользу. Однако она не могла широко развиваться только на основе личной инициативы священников без поддержки светских и духовных властей, которой реально не было. Синод в основном ограничился рассылкой по епархиям некоторого количества изданных им медицинских справочников Черепнина и Боголюбова для раздачи «...лицам духовного сана... наиболее ревностным в деле охранения народного здоровья» [1, л. 55]. В Иркутскую епархию в 1884 г. поступил 81 экземпляр, книги были разосланы благочинным и розданы миссионерам. В дальнейшем слишком активного интереса к этой проблеме Синод и епархиальные власти не проявляли.

Примечания

1. ГАИО. Ф. 50.Оп. 1. Д. 9162.

В.С. Чутчев

Алтайский государственный университет

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МЕЩАНСКОГО СОСЛОВИЯ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX в.

Некоторые значительные слои городского населения долгие годы оказывались вне внимания исследователей, что касается прежде всего мещанства. Мещанство являлось самым массовым сословием Российской империи после крестьянства. К началу XX в. в России насчитывалось более 13 млн мещан (10,7% всего населения) [1, с. 219]. Именно мещанство являлось основным носителем городской культурной традиции.

Сложности изучения социально-правового положения горожан второй половины XIX–начала XX в. определяются несколькими обстоятельствами: 1) сложностью существовавшего законодательства, 2) пестротой городского населения и 3) интенсивностью процессов разложения сословий и формирования классового общества [2, с. 84].

Происхождение городского сословия своими корнями уходит в XVII в., когда его представители назывались посадскими людьми. Во время Петра I продолжалась систематизация правового положения горожан. По Уставу Главного магистрата 1721 г. все

городское население России было поделено на три «части»: первую и вторую гильдию и «подлых» людей.

Сословная организация горожан окончательно была оформлена в результате городских реформ 70–80-х гг. XVIII в., которые положили начало новой сословно-податной системе в городах [3, с. 87]. «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» («Жалованная грамота городам»), утвержденная 21 апреля 1785 г. определила состав городского населения и регламентировала деятельность органов городского самоуправления. В соответствии с этим законодательным актом все горожане объявлялись «городовыми обывателями». Горожане делились на шесть разрядов и вносились в городскую обывательскую книгу, имевшую шесть частей. Основная масса горожан, посадские и ремесленники, относившиеся к третьему и шестому разряду, получили наименование «мещане».

По Жалованной грамоте городам наименование «мещане» имело три значения: «городовые обыватели», «среднего рода люди», мелкие торговцы и ремесленники. Принадлежность к мещанству оформлялась записью в городской обывательской книге. Это звание было наследственным и потомственным [4, с. 11].

Мещане считались отдельным сословием городских жителей – «мещанским обществом». Для причисления в мещане необходимо было иметь в городе недвижимую собственность, заниматься торговлей и ремеслом, нести податные обязанности и исполнять городские общественные службы. При соблюдении этих условий записаться в мещане города мог каждый желающий. А вот лишить прав мещанина мог только суд или мещанское общество. По Жалованной грамоте городам мещане получили право корпоративного объединения и сословного самоуправления (мещанские управы). Судились мещане особым мещанским судом. Мещане обязаны были приписаться к определенному городу, они платили подушную подать, внутренние городские сборы, отбывали рекрутскую повинность. Мещане, регулярно занимавшиеся ремеслом, переходили в разряд цеховых. Цеховые в сибирских городах не были замкнутой корпорацией: доступ в цех и выход из него не представлял особых затруднений.

Во второй половине XIX в. в правовом положении горожан происходят значительные изменения. Отмена крепостного права, буржуазные реформы 60–70-х гг. и перемены в социально-экономической жизни общества неизбежно повлекли за собой из-

менения в правовом статусе городского населения. Причина в том, что многие реформы, хотя и принимали во внимание различия между сословиями, но в то же время были лишены строгого сословного начала – таковы судебная, военная, полицейская реформы. Благодаря этому в пореформенное время сословия стали постепенно утрачивать свои специфические права и в правовом положении сближаться друг с другом.

Вступление России в период модернизации после буржуазных реформ 60–70-х гг. XIX в. предопределило и изменение роли мещанства. В 1865 г. мещане были освобождены от телесных наказаний. Отмена подушной подати и круговой поруки у мещанства разрушили сословную городскую общину. В ходе судебной реформы были ликвидированы сословные суды. По Городовым положениям 1870 и 1892 гг. они сохранили свое право на участие в городском самоуправлении, но их избирательные права были ограничены высоким имущественным цензом, что давало преобладание в городских органах дворянам, купцам и почетным гражданам.

В пореформенный период, с одной стороны, мещане получили широкий доступ к государственной службе, из их среды выходят лица «свободных профессий», интеллигенция, они выступают одним из источников формирования буржуазии и пролетариата. С другой стороны, сословные права и привилегии мещанства все больше утрачивают свое значение. Как отметил Б.Н. Миронов, «с потерей сословного самоуправления и монополии на профессию, с упадком сословной общины, с заменой сословного суда всесословным, а рекрутской повинности всесословной воинской обязанностью от городского сословия практически ничего не осталось, кроме имени и формального названия сословием» [5, с. 113].

По данным 1880 г. численность мещан в городах региона (в границах Томской и Тобольской губ., а также Омского уезда учрежденной в 1868 г. Акмолинской обл.) достигла уже 68580 чел., что составляло 43,7% городского населения (156911 чел.). Можно отметить быстрый рост численности сибирского мещанства в пореформенное время. Одним из важных источников роста было переселение. Так, только в течение 1879 г. в томские мещане перечислилось 476 человек разного звания. В состав барнаульских мещан с 1865 по 1878 г. перечислилась 421 семья переселенцев из Европейской России, к бийскому мещанскому обществу с 1875 по 1879 г. таких переселенцев причислилось 1337 человек [6, с. 113].

По первой всеобщей переписи 1897 г. в городах Западной Сибири насчитывалось уже 121,5 тыс. мещан, они составляли 48,1% от численности городского населения региона (252,7 тыс.). Большое число мещан проживали в крупнейших городах региона: в Томске (23089), Бийске (13987), Омске (13929), Барнауле (12941), Тюмени (10696) [7].

Формирование мещанского сословия в городах региона имело свои особенности, связанные с тем, что Сибирь являлась местом ссылки. Административные ссыльные, находясь под надзором полиции, записывались в городское сословие «с причислением к обществу без согласия оно́го». Доля ссыльных в сибирских городах была довольно значительной. Так, по данным однодневной переписи 16 марта 1880 г. в г. Томске в общем числе мещан 14,5 тыс. чел., 973 человека, или 6,7% показаны перечислившимися из ссыльных. [8, с. 16].

В городах проживали далеко не все мещане. Так в Тобольской губ. в 1897 г. из 46465 мещан в городах жили 34729 (77,8%). В Томской губ. из 139003 лиц мещанского сословия к постоянному городскому населению относились только 72835 чел., или 54,3%. Остальные постоянно жили в сельской местности [9, с. 50].

К началу второго десятилетия XX в. численность мещанства в городах региона превысила 200 тыс. человек и продолжала расти. В Томской губ. рост численности мещанства происходил не только за счет старых городов, но также и в результате образования новых. В начале XX в. статус города получили: Ново-Николаевск, Камень, Боготол, Тайга, Татарск. И хотя в быстрорастущем Ново-Николаевске мещане составляли в 1913 г. всего 26% жителей, только в этом городе их было более 23 тыс. человек [10, с. 286].

Внутренний состав мещанского общества не был однородным и устойчивым. Принадлежность мещан к одному сословию не означала их социальной однородности: одни мещане входили в состав мелкой буржуазии, другие становились наемными рабочими. Мещане занимались мелкой торговлей, извозом, содержанием постоянных дворов, харчевен, трактиров, домашним хозяйством (скотоводство, огородничество, заготовка сена), служили у купцов приказчиками, доверенными, работали по найму на торговых складах, мануфактурах, пушных и рыбных промыслах.

Часть мещан прилагала свои силы в коммерции, торгуя самостоятельно (по закону – только в розницу) или нанимаясь приказчиками и торговыми агентами к купцам. В течение всего време-

ни своего существования мещанство являлось одним из основных источников пополнения купечества. Наряду с купечеством, мещанство было самой динамичной социальной стратой западносибирского общества.

Последним законодательным актом, затрагивавшим городские сословия, был большевистский декрет от 11 ноября 1917 г., упразднивший сословное деление общества.

В городах в условиях более быстрого, чем в деревне, развития капитализма интенсивно шли процессы классовообразования. В городе рушились сословные перегородки, на рубеже XIX–XX вв. на первый план все отчетливее выступало деление не по сословиям, а по занятиям, по способу извлечения дохода и заработка [11, с. 319], последствия великих реформ разрушали сословный строй Российской империи. Однако, несмотря на то, что сословия в пореформенное время постепенно утрачивают свои специфические сословные привилегии, несмотря на активно протекавшие в обществе процессы образования классов буржуазного общества, сословная организация городского населения имела важное значение. Городские сословия являлись объектом пристального внимания со стороны государства.

Примечания

1. Россия. 1913 г.: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995.
2. Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX–начала XX в. Барнаул, 2002.
3. Рындзюнский П.Г. Сословно-податная реформа 1775 г. и городское население // Общество и государство феодальной России. М., 1975.
4. Мыш М.И. О мещанских и ремесленных управлениях. СПб., 1896.
5. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1.
6. Гончаров Ю.М. Мещанское сословие Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. №3.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 78: Тобольская губ. СПб., 1905. С. 46–47; Т. 79: Томская губ. СПб., 1904. С. 40–41; Т. 81: Акмолинская область. СПб., 1904. С. 2.

8. Костров Н. Однодневная перепись населения города Томска 16 марта 1880 г. Томск, 1880.

9. Гончаров Ю.М. Сословный состав городского населения Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Города Сибири XVIII – начала XX вв. Барнаул, 2002.

10. Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Цепляев Л.Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX–начало XX в.). Новосибирск, 1978.

11. Иванов Л.М. О сословно-классовой структуре городов капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971.

И.А. Якимова

Алтайский государственный университет

**ВОЛОСТНЫЕ ПИСАРИ В СИСТЕМЕ
МЕСТНОГО КРЕСТЬЯНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
НА АЛТАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.**

Существенной причиной многих недостатков в организации волостного крестьянского самоуправления было засилие волостных писарей. Последние, хотя и не пользовались по закону никакой властью, в реальной жизни нередко имели решающее влияние во всех делах волостного управления. Роль волостного писаря была так значительна потому, что иногда он являлся единственным грамотным человеком в волости, который вел все делопроизводство волостного правления и волостного суда, неплохо разбирался в законах и распоряжениях администрации, одновременно был знаком с крестьянскими традициями. Современники часто отмечали большое влияние писаря на волостное правление, волостной суд, старшину (в 1882 г. из 52 старшин в крестьянских волостях Алтайского округа только семь человек были грамотными, а трое – малограмотными) [1, подсчет]. Близко знакомый с крестьянским бытом в России Н.М. Астырев писал о деятельности волостного писаря: «Этот человек... ведет денежные и прочие книги волости, которых более 30 штук, пишет разные приговоры, выдает паспорта, составляет разного рода акты, состоит секретарем (и, скажу в скобках, главным заправилой) в волостном суде, производит статистические описания и исследования..., составляет ежегодные списки для отбывания воинской повинности..., производит проверку торговых документов и преследует всякие нарушения закона в области тор-

говли и промышленности, опекает сирот, следит за делом обучения в школах, за оспопрививанием..., за санитарным состоянием населения..., производит описи, аукционы, судебные взыскания, ... получает в год до тысячи входящих и выпускает до двух тысяч исходящих бумаг» [2, с. 137–138].

Подобное положение дел, несомненно, было характерно и для волостей Алтайского горного округа. Здесь, по замечанию одного из чиновников по сбору аренды, «волостные управления, коллегиальный состав которых существует только на бумаге, превратились в низшую административно-канцелярскую инстанцию. Деятельность старшины и правления проявляется в деятельности волостного писаря и его канцелярии..., что придает огромное значение писарям, как грамотным людям среди неграмотного населения. Личный же надзор волостного старшины за порядком и подведомственными ему по закону сельскими старостами почти нигде не существует» [3].

Такое широкое поле деятельности служившего по найму волостного писаря, при безграмотности населения, предоставляло массу возможностей для злоупотреблений с целью личной наживы. Невозможность со стороны крестьянского самоуправления организовать действенный контроль за работой волостных писарей вызвала в 1871 г. высочайшее повеление «О принятии мер к более тщательному наблюдению за благонаравием личного состава волостных писарей», в котором окончательное устранение писарей от должности предоставлялось мировым посредникам, без всякого участия крестьянского общества или схода [4].

Фактов злоупотребления со стороны волостных и сельских писарей немало содержится в художественной и исследовательской литературе по истории сибирского крестьянства второй половины XIX в. Поэтому, на наш взгляд, интересно привести несколько примеров положительного влияния на организацию волостного управления честных, деловых, сочувствующих интересам крестьянского самоуправления писарей. Таким примером может служить деятельность Павла Школдина, автора «Статистического описания Бурлинской волости» [5]. В середине 60-х гг. XIX в. он раскрыл немало злоупотреблений в работе Бурлинского волостного правления и деятельности в волости мирового посредника: употребление волостных сотников для домашних услуг волостными начальниками, вымогательство денег с крестьян, незаконная передача подря-

дов на ямскую гоньбу. Школдин был выходцем из крестьянской среды, учился в Барнаульском горном училище, затем работал волостным писарем. После того как его жалобу на злоупотребления мирового посредника Сенат признал недействительной, он был отстранен от занимаемой должности. Мировой посредник и волостной старшина, желая отомстить писарю, безуспешно попытались вытребовать у крестьянского общества, в котором проживал Павел Школдин, приговор об удалении его из селения. Для рассмотрения сути дела на месте томское губернское правление прислало в волость особого чиновника, который также подтвердил злоупотребления мирового посредника Васильева. Только после этого губернские власти отстранили мирового посредника Васильева от дел [6].

В начале 90-х гг. XIX в. чиновники по крестьянским делам на Алтае, по примеру чиновников Тобольской губ., начали практиковать периодические съезды волостных старшин и писарей своего участка для обсуждения основных вопросов волостного делопроизводства. Большинство этих съездов имели чисто формальный характер и занимались решением дел сугубо канцелярского свойства.

Совсем иное направление приобрел съезд, созданный в 1891 г. в Бийске чиновником по крестьянским делам первого участка Бийского округа, который объединял 11 волостей. Здесь писари после продолжительного обсуждения решили несколько вопросов неканцелярского свойства, связанных с насущными проблемами общественной и хозяйственной жизни волости. Так, рассмотрев частые земельные споры между обществами и внутри обществ, съезд рекомендовал перейти к уравнильно-душевому пользованию земель в общинах. Чрезвычайно обременительную повинность по исправлению дорог предложили отбывать не натурой, а путем денежного сбора на этот предмет с соответствующих обществ. Съезд рекомендовал волостным старшинам и писарям склонять крестьянские сходы к принятию аналогичных решений, а также к учреждению сельских банков, общественных питейных заведений и т.д.

Благодаря стараниям писаря Ануйской волости, расположенной высоко в горах, результаты съезда заметно сказались на жизни этого отдаленного глухого уголка. На нескольких волостных сходах были приняты приговоры об устройстве школы с ночлежным приютом для учеников, приходящих из дальних селений (для этого ассигновано 900 руб. из волостных сумм), об открытии общественной лечебницы тоже на средства из мирского капитала. Вме-

сто исполнения дорожной повинности натурой крестьяне перешли к денежному найму, при этом оказалось, что раньше на ремонт тракта натурой в волости тратилось 7–8 руб. на работника, а в результате денежного найма с каждого работника было собрано по 14 коп. с души [7].

Долгое время крупные скотопромышленники успешно эксплуатировали крестьян Ануйской волости, наживаясь на посредничестве в продаже скота. По предложению писаря, который обследовал условия перегона скота по Монголии и сбыта его в Енисейской и Иркутской губ., крестьяне общества открыли специальный сельский банк для финансирования созданных из общественников скотопромышленных артелей, которые на выгодных для крестьян условиях перегоняли бы скот в Енисейскую и Иркутскую губ. для продажи. Артельщики выбирались на сельском сходе, получали 10–15% от вырученной суммы, в дороге артель управлялась выборными лицами, которые затем отчитывались перед сельским банком и общественниками. В результате возможности для эксплуатации крестьян волости крупными скотопромышленниками были существенно ограничены [8].

Но подобных фактов положительного влияния волостных правлений на хозяйственную и общественную жизнь в крестьянских обществах округа встречается немного. Объективной причиной этому служила значительная территория большинства волостей округа, когда эффективное руководство со стороны волостного правления местным управлением в нескольких десятках сельских общин волости осуществить было практически невозможно. Деятельность волостного правления часто вынуждено ограничивалась формально-бюрократическим ведением делопроизводства подконтрольного чинам местной полиции и губернской администрации. Сельское же общинное самоуправление продолжало функционировать в основном на неформальном уровне, избегая жесткого административно-полицейского надзора за своей деятельностью.

Примечания

1. Ваганов Н.А. Хозяйственное статистическое описание крестьянских волостей Алтайского округа. СПб., 1886. Ч. 1–3.
2. Астырев Н.М. О волостных писарях: Очерки крестьянского самоуправления. СПб., 1886.

3. ЦХАФ АК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 787. Л. 29.
4. ГАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 8591. Л. 1.
5. Школдин П. Хозяйственно-статистическое описание Бурлинской волости // Журнал заседания МОСХ. 1863. Кн. 1. С. 35–50.
6. ГАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11096. Л. 323–324 об.
7. Сибирский вестник. 1892. №49, 85.
8. Сибирский вестник. 1892. №85.

А.В. Карманов

Томский государственный педагогический университет

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО МЕНТАЛИТЕТА ЗАПАДНОСИБИРСКОГО КУПЕЧЕСТВА В XIX в.

В современной исторической науке уделяется большое внимание изучению предпринимательства как явления, оказывающего значительное влияние на экономическое, политическое, социальное развитие общества и государства в целом. Объектом исследования являются чаще всего купечество и буржуазия как основные представители частного предпринимательства и носители «предпринимательского духа» в сословно-бюрократической дореволюционной России. Причем изучаются как купечество и буржуазия России в целом, так и имеющие свои особенности их региональные группы, в том числе и предприниматели Западной Сибири.

Предпринимательство является сложным и многоплановым социально-экономическим явлением и его можно и необходимо рассматривать с самых различных точек зрения – экономической, социально-демографической, хозяйственной, культурной.

К проблеме предпринимательства Западной Сибири в разные годы обращались Г.Х. Рабинович, М.М. Громыко, В.П. Бойко, В.Н. Разгон, В.А. Скубневский, А.В. Старцев, Ю.М. Гончаров и др. [1]. Однако данная проблема является актуальной и сейчас.

Одной из важных в изучении предпринимательства является тема социально-психологического облика и менталитета купечества, буржуазии и представителей других сословий, занимавшихся торговлей и промыслами.

Термину «менталитет» в исторической науке дают различные определения. На наш взгляд, наиболее интересно определение Д. Филда, который считает, что «менталитет – устойчивый склад ума, имеющий если не логическую форму, то системный характер,

который коренится в материальной жизни и широко распространен в значительной части населения (в нашем случае – в социальной группе. – *А.К.*) и который оказывает непосредственное влияние на экономические, социальные и политические отношения» [2].

Менталитет той или иной группы населения формируется под влиянием внутренних и внешних факторов. К внутренним факторам можно отнести: основной род занятий данной группы, систему морально-этических ценностей, материальных и духовных потребностей, взаимоотношения между отдельными представителями данной социальной страты, их отношения с другими группами общества, с государственной властью и т.д.

Внешними факторами являются общее экономическое состояние, в котором протекает жизнедеятельность группы, ее вовлеченность в общественно-политическую и экономическую жизнь государства, природно-климатические условия местности проживания и др.

Перечисленные факторы достаточно легко установить для такой предпринимательской группы, как купечество.

Купечество являясь сословно-определенной группой, всегда имело практически схожие ценности и интересы, духовные и материальные потребности. Основной потребностью сибирского купечества была потребность накопительства. Это вполне естественно – сама предпринимательская деятельность считается успешной лишь в случае получения прибыли. А по-настоящему успешный предприниматель тот, кто полученную прибыль превращает в оборотный капитал и направляет на получение новой прибыли и расширение своего дела. Это естественный закон предпринимательства, который действует в любом обществе [3].

Отношение к своей хозяйственной деятельности у предпринимателя может быть разным. Известный экономист М. Вебер разделяет предпринимателей на два типа. Первый – рациональный тип – стремится к регламентированному получению прибыли и ее рациональному использованию. Второй тип предпринимательства носит «иррационально-спекулятивный характер» и направлен на получение прибыли (наживы) любыми средствами. Хотя обоим типам свойственно стремление к денежной выгоде, они значительно отличаются друг от друга. Если первый обладает высокой моралью, ответственностью за свой капитал перед обществом, то вторым движет только стремление к обогащению, сиюминутной выгоде, неразборчивость в методах получения прибыли [4]. Надо сказать,

что на протяжении всего изучаемого периода среди сибирских купцов преобладал именно второй тип. Страсть к обогащению в грубых формах среди сибиряков отмечали многие современники. Известный областник Н.М. Ядринцев отмечал: «Деньги и нажива деморализовали сибиряка прежде, чем он получил развитие и составил себе понятие о других целях жизни» [5, с. 72].

Н.М. Чукмалдин описывал нравы тюменских торговцев: «Запрашивать больше, чем двойные цены, продавать товары с 30–40% пользы считалось столь нормальным, что продавец, умевший успешно это делать, был «на счету» и пользовался славой хорошего человека» [6].

Довольно часто, желая получить максимальную прибыль, сибирские купцы прибегали к обману покупателей, торгуя некачественным товаром. В 1879 г. при проверке питейного заведения томского купца А. Пастухова, расположенного в Мариинском округе Томской губ., были выявлены серьезные нарушения: при проведении контрольных замеров вина выяснилось, что его крепость составляет 34,5 градусов вместо положенных 40. На Пастухова было заведено уголовное дело [7].

В июне 1804 г. томский губернатор В.С. Хвостов обращался к городской думе с просьбой обратить внимание на «предосудительный поступок» местных купцов И. Сапожкова и М. Губинского, торговавших в мясном ряду испортившейся соленой говядиной [8].

Нередко торговцы использовали неправильные весы и гири, обсчитывая и обвешивая покупателей, а испытывая затруднения в своих коммерческих делах, прибегали и к более серьезным преступлениям, как, например, лжебанкротству. В 1867 г. томский купец Леонтий Хаймович объявил себя несостоятельным должником, объяснив свою неплатежеспособность пожаром, уничтожившим его товары и документы. Однако при разбирательстве выяснилось, что часть товара он припрятал задолго до пожара, а сам пожар произошел за четыре года до объявления Хаймовичем банкротства. Хаймович был объявлен злостным банкротом [9].

Общая направленность предпринимательского менталитета купцов была ориентирована на монополизацию как своих сословно-экономических привилегий (попытки различными способами ограничить торгово-промысловую деятельность предпринимателей из крестьян и других сословий), так и на монополизацию своего бизнеса. В.П. Бойко исследуя томское купечество, довольно подробно описал

«винную стачку» томских винозаводчиков в 1880-х гг. и монополизацию пароходных перевозок Западной Сибири в 90-х гг. XIX в. [10].

В процессах формирования буржуазного сознания и предпринимательского менталитета в Западной Европе и России можно найти много общего. Однако особенности российского самодержавия, придерживавшегося в экономике политики этатизма, обширность территорий, национально-конфессиональные особенности, геополитическое положение привели к формированию в России в конце XIX века иной предпринимательской этики, чем в России.

Предпринимательский менталитет, подобный менталитету западной буржуазии, с высокой степенью социальной ответственности с упором на честность, трудолюбие и бережливость, к началу XX в. в России только начал формироваться. Предприниматели, считавшие своим общественным долгом тратить средства на просвещение, культуру, внедрение в экономику новых средств производства, в России были немногочисленны. Еще меньше их было в Сибири. Этому есть вполне понятное объяснение.

Формирование буржуазного предпринимательского менталитета предусматривает определенный уровень образования, а он среди западносибирского купечества был невысоким. По данным переписи 1897 г., среди купечества Томской губ. начальное образование и выше получили 73,35% мужчин и 28,96% женщин, в том числе высшее – менее 1% [10, с. 220]. Высокая грамотность, стремление обучать детей в высших и среднеспециальных (коммерческих) учебных заведениях были распространены в семьях потомственных купцов. Однако современные исследователи отмечают, что семей с крупным капиталом и продолжительностью рода 2–3 поколения было немного [11].

Невысокой была и правовая культура сибирских предпринимателей. Помимо уже приведенных фактов, имеется немало свидетельств о рукоприкладстве со стороны купцов по отношению к своим рабочим и служащим, а также в отношениях между собой. Так, известен иск томского мещанина К.Н. Колотилова, служившего приказчиком у купца Я.И. Акулова и обвинявшего последнего в оскорблениях и побоях [12]. Правовой нигилизм западносибирского купечества был вызван в том числе и произволом чиновничьего аппарата, который связан, во-первых, с удаленностью от центральных органов, а во-вторых, наличием в экономике Западной Сибири значительного государственного сектора, вследствие чего местное чиновничество сдерживало, порой незаконно и не без выгоды для себя, раз-

витие частного предпринимательства, могущего создать конкуренцию государственным предприятиям. Н.М. Чукмалдин отмечал, что «в Сибири было неистребимо мнение, что чиновник или судья не мог не брать взятки и мог сделать правым виноватого и обратно. В случае если чиновник не брал «подарка», то подноситель объяснял это тем, что, «видно, мало», а не честностью чиновника» [6, с. 48].

Еще одним фактором, сдерживавшим развитие «предпринимательского духа», можно назвать подчиненное экономическое положение Сибири по отношению к Европейской России. Областники, выступавшие за экономическое и культурное развитие Сибири, прямо говорили о «колониальном положении» Сибири по отношению к России, «мануфактурном иге Москвы». И хотя они недооценивали уровень экономического развития региона, состояние сибирской промышленности, в некоторых оценках с ними можно согласиться. Например, за первую половину XIX в. сибирские откупа дали их арендаторам огромную по тем временам прибыль – около 50 млн руб. Эти денежные средства в большинстве «уплывали» на запад, в Европейскую Россию и за границу и лишь малая часть шла на экономическое развитие Сибири [13].

Большая часть промышленных товаров, потребляемых в Сибири в конце XIX в., ввозилась из-за Урала и зачастую была невысокого качества. В результате нехватка собственных финансовых средств, неразвитость кредитной системы не позволяли большинству предпринимателей расширять свои предприятия путем внедрения технических новшеств и, как следствие, приводили к сдерживанию развития капиталистического предпринимательского сознания. Вместе с тем объективно более сложные по сравнению с европейской Россией условия для ведения частного предпринимательства сформировали у западносибирского купечества более смелый, активный и предприимчивый характер, чем у их российских коллег. Этому способствовали и обширность территории, фактическое отсутствие помещичьего землевладения и крепостного права, переселения (вольные или невольные).

Однако недостаточность образования, отдаленность от культурных центров превратили этот предпринимательский дух в дух стяжательства и наживы, а не в капиталистический дух европейского купечества.

Анализ вышеперечисленного позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, формирование предпринимательского менталитета западносибирского купечества происходило под влиянием ряда

внешних и внутренних факторов, как общих для всего российского купечества, так и специфичных, имеющих значение только для купечества данного региона. Во-вторых, предпринимательский менталитет купечества Западной Сибири XIX в. значительно отличался от менталитета купечества Европейской России и Западной Европы, в силу особого географического и социально-экономического положения Сибири. В целом менталитет предпринимателей Западной Сибири является недостаточно исследованной темой и нуждается в дальнейшей проработке и изучении, в том числе и в сравнении с предпринимательским менталитетом, сложившимся в Западной Европе и Европейской России.

Примечания

1. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск, 1975; Громыко М.М. К характеристике социальной психологии сибирского купечества // История СССР. 1971. №3. С. 58–71; Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII–XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск, 1996; Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Барнаул, 1999; Скубневский В.А. Купечество Сибири по материалам переписи 1897 г. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Барнаул, 1997. Вып. 2. С. 45–54; Старцев А.В. Торгово-промышленное законодательство и социально-правовой статус предпринимателей в России в XVIII – начале XX вв. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Барнаул, 1995. С. 3–21; Старцев А.В., Гончаров Ю..М. История предпринимательства в Сибири (XVII – начало XX вв.). Барнаул, 1999.

2. Филд Д. История менталитета в зарубежной исторической науке. // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 8.

3. См. подробнее: Зомбарт В. Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М., 1994. С. 131–133; Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982.

4. См. подробнее: Вебер М. Протестантская этика. М., 1972.

5. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892. С. 72.

6. Чукмалдин Н.М. Записки о моей жизни. М., 1902. С. 84.

7. ГАТО Ф. 3. Оп. 4. Д. 892. Л. 11–12.

8. ГАТО Ф. 127. Оп. 1. Д. 247. Л. 699.

9. ГАТО Ф. 23. Оп. 1. Д. 18. Л. 340–344.

10. См. подробнее: Бойко В.П. Томское купечество конца XVIII–XIX вв. Томск, 1996.

11. Громыко М.М. К характеристике социальной психологии сибирского купечества XVIII в. // История СССР. 1971. №3.

12. ГАТО Ф. 21. Оп. 2. Д. 698. Л. 117–130.

13. Зиновьев В.П. Винные откупа в Западной Сибири (XVIII в. – 1863 г.) // Исторический опыт хозяйственного освоения Сибири. Томск, 1994. С. 50.

Н.Ю. Кошенова

Алтайский государственный университет

БАНКРОТСТВО КАК СПОСОБ НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА КУПЦАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Торговое сословие – важная составляющая общества. В разных странах к купечеству относились по-разному, во многом это зависело от того, каковы были взаимоотношения купечества с обществом. В Западной Европе развитие купеческого сословия и предпринимательства в целом являлось важным элементом в становлении капитализма. В России же отношение к купечеству на протяжении всей истории имело скорее негативный оттенок. Данный феномен заслуживает отдельного изучения. Цель настоящей публикации – рассмотрение одного из механизмов накопления капитала сибирскими купцами во второй половине XIX в. – банкротства. Это явление во многом определяло отношение общества к купечеству.

О пороках и достижениях общества того периода времени наиболее достоверно могут сказать только современники. Нами были использованы воспоминания, литературные заметки представителей разных сословий.

Уже во второй половине XIX в., когда купечество стало играть в экономике России видную роль, отношение к нему было не однозначным. Появляются знаменитые литературные образы купечества А.Н. Островского, в то же время существовало понятие «купеческое слово», что являлось образцом честности и добросовестности.

Купечество создавало себе капиталы всеми известными способами, большинство из которых выходили за рамки понятий «честность», «совесть», «порядочность». Общество винило в этом только купца и не хотело смотреть на это по-другому. А.С. Ушаков – из-

вестный бытописатель, работавший под псевдонимом «Русский купец», отмечал: «Почему у нас не любят купечество? Легко ли ему?

Придирки и стеснения того, что себя разумело под именем начальства, давало знать себя на каждом шагу... торговец должен был покупать каждый свой шаг, подкупать многое и многих, чтоб сколько-нибудь успешно вести свое дело.

Загляните в обличительную и не обличительную литературу, припомните театральные пьесы с сюжетами, взятыми из купеческого быта, кто там часто купец – или отребье общества, или плут, или смешен и является в таком виде, и говорит таким языком, как будто бы он из другого мира. Бывши купцом, невольно задумываешься над этим странным явлением в нашем, и именно только в нашем русском обществе» [1].

Использовать различные противозаконные способы в целях укрепления и развития своего торгового дела купца заставляла в том числе сложившаяся система бюрократии, о чем очень точно писал А.С. Ушаков.

В Сибири развитием торговли занимался купец. Он обеспечивал товарообмен как внутри Сибири, так и с регионами Европейской России, приграничными территориями. Купец в Сибири – это больше, чем представитель торгового сословия. Он занимался освоением торговых просторов, установлением торговых отношений с Китайской империей, способствовал обмену информации между людьми.

При этом было широко распространено мнение, что купцов в Сибири «уважение к старинной традиции заставляло придерживаться давнишнего «не обманешь – не продашь»... Правило это соблюдалось в Сибири свято...» [2].

Наряду с данным фактом, было распространено такое явление, как «сибирское банкротство», которое, как это ни странно, часто способствовало укреплению и росту благосостояния банкрота. Банкротство среди сибиряков было явлением заурядным. Связано это с тем, что большинство торговых операций в Сибири совершалось в кредит, только после реализации товара, который в условиях сибирского бездорожья еще необходимо было доставить до места, купец мог за него расплатиться с поставщиками. Взаимоотношения между купцом и поставщиком часто были лишены честности: «До чего редки честные расчеты сибиряков, показывает следующий случай. Некто Ку-в, по происхождению владимирец, с мо-

лодых лет отправляется в Восточную Сибирь; ему там повезло; скоро он стал именитым купцом, и обороты его торговли достигли миллионов. Долго он торговал с нижегородцами, расплачиваясь рубль за рубль, как вдруг его постигло несчастье: громадная партия чаю разбилась и утонула на Байкале, и пожар уничтожил у него большую часть товара. Дело было к ярмарке, и он поехал лично переговорить с кредиторами, когда он заявил, что платить не может и просит отсрочки платежей, то москвичи расхохотались: «Что ты за чудак, 15 лет берешь товар, а не знаешь, что нам ты давно уже заплатил года на 2 лишку!.. Другой на твоём месте раза три сделал бы сделку» [3].

«Жертвами сибирского банкротства» становились крупные поставщики на Ирбитской и Нижегородской ярмарках. Н.М. Ядринцев писал: «Жертва здесь простая: закредитовался, забрался и предлагает 20 коп. за рубль, а то и весь гривен. Обанкротился, опять начинает кредитоваться. Ничего, мануфактуристы дадут (не лежать же товару). Глядишь, и опять поднялся человек, и опять едет на ярмарку. Говорят, дело взаимное: и мануфактурист сыт, и его покупатель – купец тоже; голоден кто-нибудь другой» [4].

Банкротство далеко не всегда было связано с неудачами в торговых операциях. Тюменский мещанин Ф.В. Бузолин в отчете Российскому Географическому обществу писал: «Новый дворянский порядок в общежитии купца, завлек его в неуместность убийственных расходов, вынудило изгнать из себя совесть, как непотребное отребие, от чего лопнуло и ручательство... Банкротов так много, что судейские места завалены необъятными кипами векселей и разного рода обязательств... хотя и решают всегда почти в пользу несостоятельности, несмотря на страдательные конвульсии кредита и судороги коммерции...

Банкротской ямы не достаточно... он высидит урочный срок и делу квит! Потребны новые арестантские роты, где он должен работать за то, что обесчестил кредит, за то, что обманул и дворянился на счет чужой... Строго надо поступать с теми, которые за неделю перед банкротством открывают пышные балы, покупают дачи и надавали на себя огромные массы векселей. Здесь очевидно их мошенничество...» [5].

В данном случае банкротство являлось возможностью пожить некоторое время в роскоши, при этом имея небольшой капитал. Отсутствие строгой системы наказания приводило к достаточно широкому распространению данного явления.

Существовала другая цель и другой механизм банкротства, применяемый теми, кто стремился после банкротства успешно развить свое торговое дело. В данном случае банкротство являлось хорошо продуманной махинацией. Яркий пример подобной операции мы находим у Н.М. Ядринцева: «Забрал деньги, платить не хочется, ты эту музыку сочини... Нужно постараться, чтобы тебе сказали: «Не плати, милый друг, ничего тебе не будет...» Сколько раз иной у нас банкротился?!. Он банкротился, да у него же и миллионы под конец жизни. А как это сделано?!. Не будешь подводить механики, не будешь жить в ладу и ничего этого не добьешься. А то еще иной умудряется обанкротиться, других оберет, да еще казенные субсидии за это выпросит!.. Не ублажи он, не поклонись, какой дадут отзыв? «Да какая же этому мошеннику, скажут, может быть субсидия и за что он чужие деньги загреб, сколько сирот по миру пустил, не умел своего дела вести, и капитал свой сохранить, с чего же ему казенные деньги для растраты давать!.. А поклонись, покорми кого следует, будь ласков, тут заведут иное: «В снисхождении к неусыпной деятельности и промышленным заслугам, для поддержки коммерции в крае и развития заводского дела, в виду непредвиденного несчастья, происшедшего от всемирного потопа, землетрясения и прочих непредвиденных причин, выдать такому-то камаринскому сыну 200 000 руб. на поправку дел» [6].

Подобные механизмы обогащения способствовали тому, что в обществе складывалось представление о купце как человеке, единственной целью которого был рост собственного благосостояния любой ценой. Однако среди сибирского купечества были люди, для которых честь, доброе имя играли важную составляющую капитала.

Изучение деятельности представителей отдельных сословий – сложный процесс. За любой деятельностью стоит человек и его действия не могут быть оценены однозначно. Рассмотренный нами способ создания капитала – лишнее подтверждение того, что представители торговли Сибири, как и России в целом, во второй половине XIX в. широко использовали способы первоначального накопления капитала. Данный факт является предостережением от чрезмерного восхваления купечества, чем часто занимаются современные исследователи.

Распространение ложного банкротства – свидетельство серьезных пороков экономической и политической системы Российской империи. Купцы не смогли бы успешно осуществлять подобные ма-

хинации без поддержки со стороны высокопоставленных чиновников, хорошо подготовленных адвокатов и мягкой системы наказания.

Примечания

1. Ушаков А.С. Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны. М., 1865. Вып. 1. С. 4–5.
2. Сибирские очерки // Русский курьер. 1881. №103. С. 1.
3. Там же. С. 1.
4. Очерки общественной жизни и нравов// Восточное обозрение. 1889. №11. С. 12.
5. Архив РГО. Разряд 55. Оп. 1. Д. 39. Л. 3, 3об.
6. Ядринцев Н.М. Из летописи скорбящего града // Сборник избранных статей. Красноярск, 1919. С. 194–195.

А.М. Мариупольский

Алтайская академия экономики и права

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ПИТЕЙНЫЙ ВОПРОС. ДВА ФРАГМЕНТА ИСТОРИИ

То, что водка на Руси являлась и является неотъемлемой частью жизни и быта населения, вряд ли нужно кому-нибудь доказывать. То, что питейный вопрос практически с момента своего возникновения стал элементом государственной политики, особенно в сфере фискальных интересов, также не подлежит сомнению. На практике столкновение фискальных интересов и требований общественного порядка и безопасности принимало иногда острые формы. Государственная полиция и акцизное ведомство, а равно и их министерства, особых симпатий друг к другу не питали. Однако, по долгу службы, им нередко приходилось вступать в сотрудничество при решении той или иной проблемы. В настоящей работе предлагается кратко рассмотреть два случая подобного сотрудничества, информация о которых отложилась в фондах Государственного архива Пермской области.

30 сентября 1881 г. Департамент государственной полиции направил губернаторам ряда регионов России циркуляр за №5675, которые в свою очередь дали соответствующие распоряжения полицмейстерам и уездным исправникам (Циркуляр Пермского губернатора от 3 ноября 1881 г. за №711) [1]. Причиной для беспокойства государственных чиновников явилось следующее обстоятельство.

Департаментом государственной полиции было получено оперативным (негласным) путем сведение, что некие злонамеренные лица, именующие себя членами социально-революционной партии, в целях развития революционной борьбы с существующим государственным и общественным порядком открыли новую форму деятельности. Для более тесного сближения с народом они сосредоточили революционную пропаганду в питейных домах, которые старались приобретать на имена членов народнической партии. Данное обстоятельство не было плодом фантазии охранников закона и порядка. В делах Департамента полиции имелись документы, подтверждающие данные сведения, в частности, показания одного из осужденных по делу 1-го марта. Исходя из материалов дела директор полицейского департамента просил губернаторов усилить наблюдение за питейными заведениями и лицами, в них торгующими. Следует однако заметить, что при всей важности данного дела в полицейском циркуляре нет ни единого слова о каких-либо ограничениях по открытию питейных заведений либо дополнительных требований, могущим быть предъявленными к личности их владельцев. Это не компетенция Министерства внутренних дел, это сфера Министерства финансов, область фискальных интересов государства, которая не должна пострадать. Поэтому указания губернаторам носят исключительно рекомендательный характер.

Второй случай относится чуть более к позднему периоду времени. Жители Верхне-Уфалейского и Нижне-Тагильского заводов Екатеринбургского уезда приговором от 30 декабря 1890 г. ходатайствовали о закрытии в их селениях питейных заведений [2]. Губернское по питейным делам присутствие отказало в этом, так как в селениях, подходящих под действие ст. 450 Устава о питейных сборах издания 1887 г. питейная продажа воспрещена быть не может.

Практически одновременно с этим крестьяне Горского и Мякишевского сельских обществ Ирбитского уезда на сходе 21 декабря того же года просили местный притч (местное духовенство) ходатайствовать о закрытии питейных заведений и воспрещении навсегда питейной продажи в означенных селах в память избавления Государя Императора и Августейшего семейства от опасности при крушении поезда 17 октября 1888 г. По поводу последнего обращения Товарищ министра внутренних дел уведомил Пермского губернатора в письме от 16 июня 1891 г. об отказе министра финансов удовлетворить вышеприведенные ходатайства. В документе, в

частности, отмечалось, что «...не только ограничение числа мест продажи питей, но даже совершенное воспрещение открытия их не уменьшают развития пьянства, а только способствуют замене законно существующих питейных заведений местами тайной продажи питей» [2, л. 11]. Товарищ министра внутренних дел присоединился к мнению Министерства финансов, о чем и уведомил пермского губернатора в конце письма. Обращает на себя внимание факт солидарности двух ведомств. Несмотря на определенное сочувствие крестьянским просьбам, Министерство внутренних дел однозначно поддерживает своих коллег.

С точки зрения общественного порядка и благосостояния действия сельских обществ можно было бы только приветствовать. Но крестьяне посягнули на недопустимое, они позволили себе вторгнуться в сферу государственных интересов. А только государство в России могло решать, что целесообразно, а что нет. Тут уж не до межведомственных трений, здесь чиновники солидарны. Хотя можно привести массу примеров упорной борьбы двух министерств по тому же питейному вопросу. Но в них уже нет третьих лиц, тех же крестьян. В бюрократической игре, как и в любой другой, есть свои правила. Нарушения этих правил недопустимы.

Примечания

1. ГАПО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 1469. Л. 3.
2. ГАПО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 1472. Л.3.

А.К. Кириллов

Институт истории СО РАН, Новосибирск

ПРОБЛЕМЫ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ НАЧАЛА XX в. (НА ПРИМЕРЕ СИБИРСКОЙ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ)*

В фонде Департамента окладных сборов Министерства финансов хранится дело с длинным названием: «По вопросу об увеличении состава податной инспекции в губерниях Пермской, Оренбургской, Омской, Томской, Енисейской, Иркутской и Амурской, ввиду распространения на промышленные предприятия, добывающие золото, положения о государственном промысловом налоге» [1]. Дело это примечательно тем, что материалы его, посвященные, ка-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант №02-01-00348а.

залось бы, нескольким областям Азиатской России и Урала, характеризуют проблемы промыслового обложения (налогов с торговли промышленностью) в масштабе всей России начала XX в.

Последняя в истории императорской России крупная реформа промыслового обложения состоялась в 1898 г. Суть ее сводилась к усилению подоходной составляющей налоговой системы прежде всего путем введения дополнительных процентных сборов с капиталов и прибылей предприятий. Помимо разного рода общественных организаций, в список исключений из нового налога попали и такие явно коммерческие учреждения, как предприятия по добыче золота и платины, для которых сохранили прежнюю систему обложения. На эти предприятия новое положение о государственном промысловом налоге распространили лишь мнением Государственного совета, высочайше утвержденным 12 марта 1901 г.; еще спустя год расширили и штат податной инспекции в местностях, которых коснулся закон 12 марта.

Из особенностей применения Положения 1898 г. к данной отрасли можно отметить выведение из-под налога казенных предприятий и предприятий на казенных или кабинетских землях. Таким путем правительство пыталось уравнивать промышленников, работавших на частновладельческих землях, с теми, кому приходилось вносить подесятинную плату за пользование казенным землями или особый сбор за разработку площадей Кабинета. Таким путем правительство пыталось уравнивать платежи промышленников, работавших на частных, казенных и кабинетских землях. Особенностью золотопромышленности стало и то, что в качестве критерия отнесения предприятия к более или менее высокому разряду для уплаты основного промыслового налога избрали площадь арендованных земель (а не объем производства, не число рабочих и не размер производственных помещений). С одной стороны, это преследовало цель упрощения подсчетов, с другой – поощрения более активной разработки золотоносных земель.

Впрочем, самое интересное в данной реформе – не особенности применения общего закона, а вопрос о причине трехлетней задержки. Может быть, существовавшая система обложения золотопромышленности была настолько совершенной, что не требовала реформы? Представление в Госсовет 1901 г., подписанное, помимо прочих министров, С.Ю. Витте, опровергает это предположение. Объясняя неприемлемость существующего положения дел, авторы указывали, что золотые прииски облагаются горной податью (в

процентах от валовой добычи золота) и поземельной платой (по десятичной, от 1 до 10 руб.). При пересчете на прибыль платежи эти оказывались очень неравномерны, в разных районах колеблясь от 13,1 до 78,7% прибыли (по отдельным предприятиям разброс еще больше) [1, л. 25об.]. В качестве причины такого положения называлось взимание горной подати не от прибыли, а от валовой добычи золота. Как следствие – разработка предпринимателями лишь наиболее выгодных участков и, следовательно, несоответствие действительных объемов добычи золота запасам страны и возможностям добывающей промышленности.

Таким образом, и в золотопромышленности реформа уже в 1898 г. была остро необходимой. На причины ее задержки проливают свет рассуждения, приводимые в упомянутом представлении 1901 г. в качестве обоснования выбора формы реформированного налога. Размер налога, писали министры, должен возможно в большей степени соответствовать полученному доходу, однако он должен быть и простым по исчислению, каковому требованию «не вполне удовлетворяет окладная подоходная система обложения, хотя на первый взгляд она представляется наиболее правильною в отношении равномерности налога» [1, л. 26об–27]. При этом авторы представления ссылались на не одно десятилетие выдвигавшуюся противниками подоходного налога «непривычку населения обнаруживать свои прибыли» [1, л. 27], из-за которой окладной налог имеет смысл лишь при проверках подаваемых деклараций, что возможно сделать лишь для предприятий, обязанных публичной отчетностью (т.е. акционерных предприятий, обязанных вести бухгалтерию по установленному образцу). Но таких в золотопромышленном деле лишь несколько, а более чем 700 остальных пришлось бы заставлять вести обязательную бухгалтерию, что для них слишком обременительно.

В процитированном документе не объясняется, почему правительство не сочло возможным сразу применить к этим семи сотням систему, предусмотренную Положением 1898 г. для неотчетных (не подлежащих публичной отчетности) предприятий и действовавшую в отношении большинства российских предпринимателей. По реформе 1898 г., эти предприятия стали платить, помимо раскладочного сбора, еще налог «с излишка прибыли» (если их прибыль превышала 30-кратную стоимость выбранного ими промыслового свидетельства). При этом прибыль предприятий, не ведущих официальной бухгалтерии, определялась присутствиями по

промысловому налогу, состоявшими из нескольких представителей плательщиков и податного инспектора. По-видимому, такой приблизительный способ определения прибыли в сочетании с высокой удельной стоимостью золота и обусловил долгие размышления сотрудников Минфина о способах взыскания с промышленников возможно большей части их доходов.

Итак, применить к неотчетным предприятиям окладную систему не нашли возможности, а подводить золотопромышленность под действие раскладки долго не решались во избежание занижения прибыли промышленниками. И это лучше всего характеризует несовершенство раскладочной системы, не обеспечивающей равномерное распределение налогового бремени. Несовершенство, прекрасно осознаваемое самим Министерством финансов!

Так и напрашивается вывод: осознаваемое, но непреодолимое. Сопоставим, однако, приведенные выше рассуждения относительно невозможности у нас окладной системы с отрывком, изложенным буквально на следующей странице документа. Обсуждая признаки для обложения золотопромышленных предприятий, авторы документа высказали опять же общее для всего промыслового налога соображение о том, что «основной налог, взимаемый вперед в точно определенном размере, никогда не может вполне соответствовать изменчивой доходности предприятий и даже не преследует этой цели» [1, л. 28]. Он сделан небольшим для избежания переобложения; при недообложении положение выравнивается налогом с излишка прибыли. Основной налог рассчитан так, чтобы взимать примерно 3,3% прибыли; если прибыль превышает 30-кратную сумму основного налога, то взимаются, уже в чисто окладном виде, те же 3,3%. Поэтому, рассуждали авторы, при определении объекта основного налога главное – чтобы по этому объекту легко было определять и взимать налог, и не важно, позволит ли эта база полностью учесть доходы предприятия.

Таким образом, патентный сбор, основа раскладочной системы, ни кем иным, как министром финансов, рассматривается как фикция, лишь прикрывающая подоходный характер налога! Основная тяжесть лежит на дополнительном сборе с прибыли, который хоть и взимается с суммы, исчисленной весьма приблизительно, но все же имеет подоходный характер! Как соотносить такое преобразование промыслового налога с изложенными выше рассуждениями о невозможности введения окладного принципа ввиду неготовности к нему предприятий? Рассуждая об этом, надо учи-

тивать, что весь период от реформ Александра II до революции 1917 г. характеризуется стремлением Министерства финансов усилить в налоговой системе подоходные начала и столь же настойчивым противодействием этому консервативного большинства верхишки, опасющегося резкого увеличения собственных налоговых платежей в случае проникновения подоходного принципа во все составляющие налоговой системы. По-видимому, в случае с представлением 1901 г. мы имеем пример маскировки, к которой министр финансов вынужден был прибегать, скрывая от консерваторов свои подоходные устремления.

Изложенный материал показывает как насущные задачи, стоявшие в области реформирования налоговой системы в начале XX в. (прежде всего – повсеместное внедрение подоходного начала), так и причины, по которым эти задачи так и остались нерешенными до самого краха монархии в России.

Примечания

1. РГИА. Ф. 573. Оп. 20. Д. 257.

К.В. Лен

Барнаульский юридический институт МВД России

ГОРОДСКИЕ САМОУПРАВЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В БОРЬБЕ С ДОРОГОВИЗНОЙ НА ТОВАРЫ И УСЛУГИ (70–90-е гг. XIX в.)

В деятельности общественных управлений городов региона имели место попытки борьбы с дороговизной на продовольственные товары, жилье.

Известно, что в Томске, Кузнецке и Нарыме еще до введения городской реформы 1870 г. функционировали городовые хлебные магазины. «Особая комиссия» Томска, обсуждая проект городского положения, пришла к выводу, что работа хлебозапасного магазина улучшится, если к нему «присоединятся» лица «владельческого класса» (т.е. дворяне) [1]. Городовые хлебные магазины призваны были снабжать городское население хлебом по умеренной (ниже рыночной) цене, тем самым сдерживая рост рыночных цен на хлеб.

Продажа горожанам хлеба из городских магазинов стала возможной только после того, как городам России было разрешено формировать продовольственные капиталы взамен натуральных

запасов хлеба, известных еще с первой половины XIX в. Продовольственные капиталы образовывались обычно посредством денежной раскладки, которую платили все граждане города или в результате пожертвований частных лиц.

Продовольственные или хлебные капиталы позволяли городским самоуправлениям закупать зерно и молоть его в муку или приобретать муку в готовом виде, а затем с небольшой надбавкой продавать товар горожанам. Объем продаж обуславливался общей урожайностью зерновых культур в регионе, количеством подвоза хлеба, величиной его запасов в амбарах местных торговцев.

В зависимости от этих обстоятельств было неодинаковым количество проданной населению муки. К примеру, в 1881 г. городская управа Томска отпустила горожанам 13 437 пуд., в 1883 г. – уже 31 269 пуд. [2]. В октябре 1883 г. в Томске цена на рынке за ржаную муку поднялась до 80 коп. за пуд, городская управа же приглашала томичей покупать этот товар в хлебном магазине за 60 коп. (Прим. автора. – *К.Л.*)... мука выдавалась по ярлыкам управы не более 5 пуд. на человека). В это же время в Нарыме цена на муку колебалась от 80 коп. до 1 руб. за пуд, в хлебном магазине общественного управления мука отпускалась населению за 61 коп. К середине XIX в. жители городов считали обеспечение горожан дешевым хлебом одной из важнейших функций органов городского самоуправления. Так, томская городская дума в январе 1880 г. создает специальную комиссию о покупке в 1868 г. Д. Тецковым испорченной муки. Мещане Нарыма в 1883 г. жаловались губернатору на то, что городской голова мало закупил хлеба [3].

В борьбе с дороговизной городские самоуправления используют как административные, так и экономические методы регулирования ценообразования. К примеру, в октябре 1881 г. бийская городская дума принимает постановление, запрещающее прасолам скупать оптом хлеб, мясо, рыбу в базарные дни. В июне 1887 г. Томская городская дума запретила скупку «жизненных» припасов на базарах и на постоянных дворах до 12 часов дня. Гласные думы полагали, что запрет позволит малоимущим горожанам дешевле купить себе продовольствие. Реализация этого нормативного акта столкнулась с целым рядом трудностей, среди которых: расплывчатый характер постановления, не позволяющий точно определить, кто имеет право покупать, а кто нет, конкуренция со стороны «крестьян-кулаков»: «Они (кулаки) – народ юркий, своих лошадей

имеют, городу ничего не платят, их много, ни уловить, ни уследить», ограничения на оптовый скуп в течение всех семи дней недели. В конечном итоге городская дума постановляет запретить оптовый скуп продуктов только один раз в неделю (по пятницам). Общественное управление города запрещало также оптовую скупку рыбы с лодок поставщика до 12 часов дня и с 4 до 8 часов вечера [4]. В случае нарушения городская власть разрывала договор с арендаторами торговых рыбных лавок [5]. Борьба с оптовым скупом товаров первой необходимости имела место в Мариинске, где в 1890 г. окружной исправник требовал решительности в привлечении виновных к ответственности по закону, в Барнауле, особенно в 1882 г., когда в городе из-за усиленного «закупа» выросли цены на хлеб. Городская управа «подпиской» обязала Бергмана (самого крупного скупщика) прекратить закуп в городской черте. Правда, эта мера кардинально проблему не решила. На повышение хлебных цен оказывали влияние «кулаки», покупающие хлеб у крестьян на подъездах к городу [6]. Как правило, попытки административного регулирования цен были малорезультативными. Так, запрещая оптовый скуп продуктов на постоянных дворах, базарах, рынках, городские самоуправления не имели возможностей проконтролировать его на квартирах, в домах. К тому же, сильный принудительный нажим способствовал оттоку товаров в места более выгодной торговли, а значит способствовал росту цен. Аналогичные, только более тяжелые последствия наблюдались в Томске в период Первой мировой войны [7]. Известны случаи регулирования цен экономическими методами. Так, летом 1889 г. в разгар томской стачки мясоторговцев городская дума обсуждала вопрос о введении таксы на мясо. Большинство гласных отвергло идею таксы, выступая за стимулирование этого вида торговли: «Сегодня пригонят скот и мясо подешевеет, а нет скота и мясо дороже». Другой пример. В Кургане группа гласных возражала против ограничений скупа: «Вокруг города много базаров и базарчиков мы обязаны заботиться о рынках, а не разрушать их» [8]. В начале 90-х гг. XIX в. гласные городской думы Томска А.Ф. Жиль, А.И. Судаков, А.К. Завитков предлагали ряд мер, способствующих, по их мнению, понижению цен на жилье. Среди них было предложено земельные участки под жилищное строительство не сдавать в аренду, а продавать, городской управе внимательно следить за тем, чтобы между ними не оставалось пустопорожней земли. Городская дума посчитала, что

реализация этих предложений усилит «домостроительство», а значит, приведет к снижению цен на жилье [9].

Таким образом, в деятельности городских самоуправлений вырисовывались элементы социальной политики, направленной на удовлетворение интересов не только буржуазии, наиболее полно представленной в общественных управлениях, но и всех остальных групп населения.

Примечания

1. РГИА. Ф. 1287. Оп. 189. Д. 226. Л. 19.
2. Обзор Томской губ. за 1881. Томск, 1882. С. 17; Обзор Томской губ. за 1883. Томск, 1884. С. 14.
3. Сибирская газета. 1883. 27 ноября.
4. ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2888. Л. 15; Известия Томского городского общественного управления. 1887. 23 апреля. С. 8; 10 дек. С. 5–6.
5. Краткая энциклопедия купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 1997. Т. 3. Кн. 1. С. 119.
6. Иванченко Н.В. Сельское хозяйство во второй половине XIX в. // Алтай в эпоху капитализма. Барнаул, 1996. С. 62.
7. Дмитриенко Н.М. Дороговизна в Томске 1914–1917 гг. // Хозяйственное освоение Сибири XIX в. Томск. 1994. С. 89–99.
8. Восточное обозрение. 1889. 8 окт. ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 35. Д. 445. Л. 18.
9. ГАТО. Ф. 127. Оп. 2. Д. 659. Л. 1–2.

Л.Б. Ус

Институт истории СО РАН (Новосибирск)

О ФОРМИРОВАНИИ ЭЛЕМЕНТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В НАЧАЛЕ XX в.

**(на примере общественного самоуправления
г. Новониколаевска)**

В последнее время возрос интерес исследователей к проблемам гражданского общества. Обществоведы и представители общественности на разных уровнях обсуждают вопросы разработки механизмов диалога и равноправного партнерства между обществом и властью на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, а также необходимость обеспечения условий, гарантирующих независимое существование институтов гражданского общества.

Работа по укреплению и развитию гражданского общества невозможна без учета опыта, накопленного в истории. Поэтому важно изучить и оценить не только зарубежные примеры, но прежде всего элементы гражданского общества, получившие развитие в досоветский период истории нашего государства. Существуют различные точки зрения о том, когда в России складываются элементы гражданского общества, возможно ли вообще их развитие в условиях самодержавной монархии, какова степень их зрелости.

Ответить на вопрос о начале процесса формирования элементов гражданского общества очень сложно. В самой ее идее заложен переход от менее развитого состояния человека, общества и государства к более развитому и цивилизованному, понимаемому как процесс утверждения развитой человеческой индивидуальности во всем многообразии социальных связей с другими людьми, снятия отчуждения между индивидом, обществом и государством. Основными составляющими гражданского общества являются институты воспроизводства социальной жизни, которые призваны содействовать всесторонней реализации индивида, его интересов, целей, устремлений.

Как справедливо отметил М.В. Шиловский [1, с. 119], одним из наиболее важных элементов формирующегося гражданского общества в сибирских городах последней трети XIX – начала XX вв. становятся органы местного самоуправления – городские думы и управы.

Если в большинстве городов Западной Сибири органы общественного управления создавались в уже существующей городской структуре, то в Новониколаевске этот процесс имел специфические особенности. Начиная с 1896 г. жители поселка Новониколаевский активно ходатайствовали об учреждении какого-либо самоуправления: волостного, арендаторского или посадского и даже провели выборы старосты и «гласников». Но уже в декабре того же года в «Томском листке» появилось сообщение: «Земля наша велика и обильна, а порядку в ней нет, староста не признает выборных, собирает сходы из разного сброда и творит, что ему вздумается» [2, с. 37]. Поэтому вскоре должность старосты упразднили, а «гласников» распустили.

Главная причина требований преобразования поселка в город и введения общественного управления в нем состояла в следующем. Поселок Новониколаевский располагался на кабинетских

землях, арендные условия были настолько тяжелы, что препятствовали развитию промышленности и торговли. Сходы арендаторов отмечали полную невозможность развития промышленности при арендном праве на землю. В феврале 1901 г. депутация докладывала сходу арендаторов о результатах поездки в Томск к начальнику губернии. При рассмотрении прошения губернатор А.А. Ломачевский дал отзыв о преобразовании поселка в город на арендных правах городской земли, следующий губернатор князь С.А. Вяземский обещал поддержать ходатайство о выкупе поселковой земли в собственность перед Министерством Двора и Министерством внутренних дел [2, с. 42].

Неоднократные прошения, ходатайства, депутации увенчались успехом. 13 февраля 1903 г. император разрешил выкуп земли. Это был первый акт по отчуждению земель в алтайском городе. 28 декабря того же года был подписан указ о введении в поселке Новониколаевском городского общественного управления по Городовому положению 1892 г. в упрощенном виде. В соответствии с этим документом предписывалось произвести оценку недвижимого имущества в городе для определения прав жителей на участие в сходе домовладельцев для выбора уполномоченных [3, л. 1–1 об]. Вскоре создали особую оценочную комиссию, состав участников которой был избран на общем сходе жителей города. Председателем комиссии был утвержден пензенский мещанин Н.П. Литвинов, имевший в Новониколаевске свою типографию и торговавший по купеческому свидетельству канцелярскими товарами [3, л. 12].

Чтобы принять участие в городских выборах, домохозяин должен был не один год владеть имуществом, оцененным не менее 100 руб. Список лиц, имеющих право участвовать в избирательном собрании по выбору уполномоченных на первое четырехлетие по городу Новониколаевску опубликовали в Томских губернских ведомостях [4]. В соответствии со ст. 6 Инструкции по организации Городских упрощенных управлений городские обыватели могли заявить свои замечания об ошибках или неполноте списка. Горожане активно участвовали в формировании списка, сообщая об увеличении стоимости имущества или подавая жалобы на невключение в список.

Но Н.П. Литвинов был призван на действительную военную службу в качестве фельдшера ополчения, а вместо него председателем оценочной комиссии утвердили колыванского мещанина Л.И. Лапшина, представителя фирмы Жернакова [3, л. 66]. Первые

выборы в Новониколаевске назначили на 12 сентября 1904 г., число городских уполномоченных томский губернатор определил в 15 человек [3, л. 76]. В список избранных уполномоченных и кандидатов попали представители разных сословий: купцов, мещан, крестьян с имущественным цензом от 200 руб. до 20 770 руб. [3, л. 81]. Анализ списка не позволяет утверждать, что в орган городского общественного управления Новониколаевска были избраны лишь наиболее зажиточные горожане, во всяком случае имущественный фактор не был решающим. Председателем собрания городских уполномоченных единогласно избрали Л.И. Лапшина [3, л. 92]. Первым городским старостой был избран барнаульский купец И.Т. Суриков, который пробыл на этом посту лишь до сентября 1905 г. [3, л. 163]. Вместо него городским старостой избрали крестьянина З.Г. Крюкова [3, л. 167]. А Н.П. Литвинова избрали Новониколаевским городским старостой в марте 1907 г. [3, л. 187].

Среди проблем, которые пришлось решать только что сформированному органу, были вопросы формирования городского бюджета, благоустройства молодого города, медицинского обслуживания, включая ветеринарный надзор, народного образования, пожарной команды и др. Особое внимание уделялось возможности расширения городских земель за счет выкупа усадебных земель обывателями.

Собрание городских уполномоченных, конечно, имело весьма ограниченные права, его деятельность строго регламентировалась. Чего стоит тот факт, что оно не могло даже самостоятельно, без разрешения губернатора проводить довыборы кандидатов в уполномоченные. По российскому законодательству женщины не имели права участвовать в выборах. Только те, кто обладал имуществом и был включен в список домохозяев, могли уполномочить своих мужей, сыновей, зятьев проголосовать за того или иного кандидата.

Как начальная ступень общественного самоуправления городская управа имела, несомненно, положительное значение, даже несмотря на высокий имущественный ценз, который стал еще одним стимулом для деловых людей – купцов и предпринимателей – повысить уровень своих доходов. Это в свою очередь способствовало развитию городской экономики, усилению городской буржуазии, требующей от самодержавной власти предоставления ей все новых и новых прав.

Следует также обратить внимание на то, что наряду с политической властью, носителем которой является государство, в об-

пественно-политической системе существует множество других форм власти, заслуживающих отдельного анализа.

Примечания

1. Шиловский М.В. Факторы, влиявшие на общественно-политическую жизнь западносибирских городов второй половины XIX – начала XX в. // Города Сибири XVIII – начала XX в. Барнаул, 2001.
2. Справочник по городу Ново-Николаевску. Новосибирск, 1992.
3. ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 5.
4. Томские губернские ведомости. 1904. №16.

С.В. Макаrchук

Кемеровский государственный университет

ПОЛИТИЗАЦИЯ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СИБИРИ 1902–1914 гг.

Городское самоуправление в Сибири ведет отсчет с екатерининской «Жалованной грамоты» городам 1785 г., когда в сибирских городах появились ратуши. К середине XIX в. в крупных городах края были избраны городские думы. С тех пор гласные дум работали в многочисленных комиссиях, занимающихся вопросами городского благоустройства, санитарного состояния, строительства, народного просвещения и здравоохранения.

Долгое время городские думы занимались исключительно хозяйственной деятельностью и не касались политических вопросов, однако очередные перевыборы дум в 1902 г. дали значительное количество мест представителям либерально настроенной интеллигенции. По данным О.А. Харусь, в числе 38 гласных Красноярской городской думы, избранной на 1902–1905 гг., насчитывалось 14 человек, вступивших позднее в кадетскую партию и один будущий октябрист. Из 54 гласных Томской городской думы будущих кадетов было 9 и октябристов – 11. Двое гласных Барнаульской городской думы, в том числе городской голова, стали кадетами, а один – октябристом [1, с. 96].

Под влиянием развернувшегося в стране либерального движения интеллигенция стала ставить вопросы политического реформаторства и прежде всего реорганизации местного самоуправления. Уже Программа Союза Освобождения требовала «чтобы государственное устройство преобразованной России было утверждено на широком местном и областном самоуправлении»

[2, с. 463]. Программа конституционно-демократической партии заявляла о необходимости выборов органов местного самоуправления на основе всеобщего, равного, прямого, закрытого голосования и обеспечения их независимости от органов государственной администрации. Даже в более умеренной программе Союза 17 октября содержались требования расширения прав земского и городского самоуправления, придания ему самостоятельности и упразднения административной опеки.

Политические устремления либералов восточных регионов страны, где отсутствовали земства, были направлены на введение земского самоуправления и реорганизацию на демократических началах органов самоуправления городского. Сибирские кадеты рассчитывали, что будущее реформированное законодательство «предоставит городскому самоуправлению активную и самостоятельную роль» [3]. Лидеры и идеологи сибирских кадетов И.А. Малиновский, Н.Я. Новомбергский считали, что правовое государство не должно вмешиваться в сферу гражданского общества, к которому они относили и городское самоуправление. Необходимость его реорганизации они в свою очередь связывали с потребностями развития гражданского самосознания и становления гражданского общества. Профессор Томского университета Н.Я. Новомбергский в демократическом местном самоуправлении видел фундамент обновленной России. «Никакие декларации прав и конституционные хартии, – писал он, – не выведут нашего Отечества из переживаемого кризиса, если в основу преобразования не будет положена самая широкая реформа местного управления. Только в этой области нужно искать фундамента для обновленной России, иначе народное представительство окажется висящим в воздухе» [4, с. 122–127].

В период революции 1905–1907 гг. под влиянием либералов городские думы стали более активно включаться в политическое движение. Они взяли на себя инициативу разработки реформ по вопросам совершенствования государственного благоустройства и самоуправления на местах. О.А. Харусь приводит примеры того, как после опубликования рескрипта о Булыгинской думе доминирующей идеей в проектах гласных Томска, Красноярска Тобольска, Барнаула становится организация выборов народных представителей на основе всеобщего, равного избирательного права при тайной подаче голосов, а также полной свободе предвыборных собраний, слова и печати при гарантии неприкосновенности личности.

Гласные Барнаульской думы подняли вопрос о необходимости изменений в городовом положении. В проекте выдвигались требования устранения опеки со стороны губернской власти над органами городского самоуправления, их самостоятельности и ответственности только перед судом. На заседаниях Томской, Барнаульской, Тобольской, Красноярской, Енисейской и Минусинской дум были сформированы комиссии по подготовке проекта земской реформы. Красноярская городская дума в телеграмме на имя С.Ю. Витте отмечала, что «успокоение страны возможно лишь немедленной амнистии политических борцов за свободу, уничтожения военных положений, усиленных охран и исключительных полицейских полномочий товарища МВД, предоставления народу всеобщего, прямого и равного избирательного права с тайной подачей голосов» [1, с. 97–98, 99–101].

Думы стали откликаться и на политические события местного значения. Та же Красноярская дума избрала депутацию для выяснения обстоятельств происшедшего 10 августа 1905 г. столкновения между рабочими и полицией. Томская дума на заседании 18 октября 1905 г. высказала протест по поводу разгона и избияния полицией собравшихся около коммерческого училища учащихся. Городская дума Тюмени рассматривала вопрос о создании охраны из местного населения. Проект об организации самообороны был принят и Иркутской городской думой. Гласные городской думы Бийска в январе 1906 г. отправили томскому губернатору послание протеста против ареста мирового судьи Петрова, ветеринарного врача Яхонтова и Л. Ешина «за печатание и распространение листовок к.-д. характера». Покой в Бийске не будет нарушен, – заверяло послание, – если «к жителям гор. Бийска не будет применено каких-либо чрезвычайных репрессивных мер» [5].

Против политизации городских дум выступали монархически настроенные гласные, многие из которых впоследствии стали членами Союза русского народа. Зарегистрированный 7 августа 1906 г. Устав Союза заявлял, что деятельность властей, в том числе и местных, должна быть направлена на обеспечение свободы слова, собраний, союзов, «но с установлением правил, определяющих границы указанной свободы, дабы не нарушался государственный правопорядок» [6, с. 412]. Целям уничтожения зарождающегося гражданского общества в стране призван был служить циркуляр, направленный 30 сентября 1906 г. Советом СРН местным организациям черносотенцев. В нем сказано: «... союз основною своею целью

полагает уничтожение в стране всякой политической партийности, влекущей за собою взаимную вражду и ненависть» [6, с. 93].

Центральный орган СРН газета «Русское знамя» в своих статьях обрушивалась на «кадетское и кадетствующее самоуправление» [7]. Особенно нетерпимым стал ее тон после повсеместного возникновения в стране в 1909 г. обществ обывателей и избирателей, возглавляемых, как правило, либералами и призванных обеспечивать выдвижение в городские думы «прогрессивных кандидатов». Черносотенцы объявили общества обывателей и избирателей организациями, конкурирующими с органами городского самоуправления «в интересах второй революции», которые пытается захватить в свои руки «жидо-кадетская шайка» [8]. Даже умеренных октябристов, участвующих в работе обществ, газета объявила партий «политических иезуитов-предателей» [9]. По отношению же к кадетам родственная «Русскому Знамени» газета красноярских монархистов «Сусанин» писала: «Не верьте кадетам... Они давно морочат русский народ, именуя себя партией народной свободы, являясь же наоборот партией народной неволи» [10].

Антикадетская агитация черносотенцев сыграла свою роль. В числе 29 гласных Тюменской городской думы избранных до 1911 г. оказалось только 3 кадета. В Томске из 60 гласных избранных до 1910 г. всего 7 являлись представителями кадетской партии, а 19 принадлежало к октябристам. Только в городской думе Красноярска до 1909 г. кадетам принадлежало 20 из 46 мест гласных. Общества обывателей и избирателей прибавили места в городских думах «прогрессистам» – в основном либералам и отчасти правым социалистам. Так, при выборах 1909 г. «прогрессисты» Красноярска увеличили представительство в городской думе до 34 гласных, в то время как черносотенцы получили всего 19 мест [11].

После повсеместного закрытия во второй половине 1910 г. обществ обывателей и избирателей им на смену в 1913–1914 гг. пришло движение «прогрессивных групп», которые в некоторых сибирских городах противостояли монархистам. В том же Красноярске «прогрессивная группа» на выборах гласных противостояла правой группировке, сплотившейся вокруг газеты «Сусанин».

Постепенно в кампанию поддержки требований городских дум стали втягиваться социалисты. Совместно с кадетами умеренное крыло социалистических партий приняло участие в работе обществ обывателей и избирателей, прогрессивных групп. Некоторые из них успешно баллотировались в гласные городских дум. Кадеты

(особенно левые) демонстрировали солидарность с правыми социалистами, причем часто более тесную, чем с октябристами.

Социал-демократы повсеместно поддержали начавшееся в 1905 г. движение за выборы городских дум на основе всеобщего избирательного права, а также революционные требования, выдвинутые рядом городских дум. 18 октября вопрос о выборах городского самоуправления на принципах всеобщего избирательного права стоял на городском митинге в Томске. Эсдеки были в числе поддержавших эту идею. На следующий день прошли выборы в новое самоуправление, а 20 октября начался подсчет голосов. Во всех этих действиях принимал участие местный комитет РСДРП [12, с. 52]. Подобным же образом действовали социал-демократы в Красноярске, Чите и других городах.

Таким образом, органы городского самоуправления Сибири не остались в стороне от нарастающей политической борьбы. С началом выдвижения с их стороны политических требований к властям существующий в думах паритет между консерваторами и либералами нарушается в сторону последних. Политизация еще более усиливается с подключением к думской деятельности партийных социалистических элементов.

Примечания

1. Харусь О.А. Городские думы: замыслы реорганизации и реалии практической деятельности сибирских либералов в период первой российской революции // Революция 1905–1907 гг. и общественное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Омск, 1995.

2. Манифесты политических сил // Первый штурм. М., 1990.

3. Сиб. жизнь. 1905. 18 нояб.

4. Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века. Идеология и политика. Томск, 1996.

5. АОАБ. Ф. Д-1. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

6. Союз русского народа: По материалам чрезвычайной комиссии Временного правительства 1917 г. М., 1929.

7. Русское знамя. 1909. 3 ноября.

8. Подготовка второй революции // Русское знамя. 1909. 26 нояб.

9. См.: Русское знамя. 1909. 10 нояб.

10. Сусанин. 1907. 29 сент.

11. Сиб. жизнь. 1909. 28 нояб.

12. Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX века. Вып. 4: Социал-демократы. Новосибирск, 1997.

Т.А. Кискидосова
Хакасский государственный университет (Абакан)
**КООПЕРАТИВНЫЕ ОБЩЕСТВА
НА ЮГЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ
(конец XIX–начало XX вв.).**

В конце XIX в. в Енисейской губ. стали впервые появляться кооперативные общества. Они представляли собой различные виды: потребительские и сельскохозяйственные общества, кредитные товарищества, маслодельные, полевые, пчеловодческие артели и т.д. Эти организации сыграли существенную роль в экономическом развитии страны. Они были заинтересованы в укреплении крестьянских и рабочих хозяйств, способствовали росту производительности и стабильности цен, распространению передовых технологий, задействовали большое количество населения.

Кооперативные объединения и кредитные товарищества создавались для закупки промышленных товаров и сбыту сельскохозяйственной продукции. В кредитных товариществах сконцентрировались денежные сбережения многих крестьян. Кооперативы по закупке промышленных товаров и сбыту сельскохозяйственной продукции помогали крестьянам миновать перекупщиков товаров, что способствовало укреплению крестьянских хозяйств. Состоятельные хозяйства сбывали продукцию своего хозяйства и в значительном количестве приобретали промышленные товары [1, с. 462]. В 1892 г. началось кооперативное строительство на юге Енисейской губ. Первое общество потребителей было открыто в с. Дятлово (Шелаболинской волости Минусинского уезда). В 1903 г. в Минусинском уезде возникли еще шесть обществ потребителей: Шошинское, Жерлыкское, Березовское, Курагинское, Шелаболинское и Субботинское. С 1902 по 1909 г. потребительская кооперация была распространена только на юге Енисейской губ. – Минусинском и Ачинском уездах [2, л. 54]. Но кооперативные общества были недолговечны, так как они не умели пользоваться кредитами, не имели инструктирования и ревизий и т.д. [2, л. 54об].

К 1905 г. в Минусинском уезде насчитывалось восемь потребительских обществ и намечалось открытие еще трех. Они находились в Минусинске, Курагино, Таштыпе и других местах уезда. Деятельность этих обществ была направлена на выдачу ссуд и приема вкладов, торговлю смешанными товарами первой необходимости по удешевленным ценам для своих членов [2, л. 54].

Первое кредитное товарищество на юге Енисейской губ. появилось в 1907 г. – Сыдинское крестьянское Товарищество Минусинского уезда. С 1907 по 1914 г. рост кредитных товариществ составлял: в Ачинском уезде на 14, в Минусинском уезде на 8 товариществ [2, л. 5]. Кредитные общества объединяли в основном состоятельных крестьян. Для того чтобы стать членом кредитного товарищества, необходимо было внести пай и иметь значительное имущество как гарантию своей платежеспособности. Так, например, размер пая, установленного обществом потребителей деревни Таскиной, составлял 5 руб. на 1909 г. [3].

Как правило, число членов потребительских обществ было ничем не ограничено. В общество принимались лица, изъявившие согласие, без различия пола и сословия. Ограничения вступления в общество были для воспитанников учебных заведений; военных; подвергшихся ограничению прав по суду, но допускались лица, сосланные на поселение в районе местности, где находилось общество и т.д. Делами общества управляли Правление и общее собрание членов. Общество могло быть закрыто по распоряжению министра внутренних дел [4]. Кооперативное движение в Енисейской губ. развивалось главным образом среди старожилов и той части переселенцев, которые осели в старожильских селениях или в районах, непосредственно примыкавших к таковым. Больше всего кооперативов было в Минусинском уезде, так как там старожильское население было наиболее многочисленным, чем в каком-либо другом уезде губернии [1, с. 500].

Сельскохозяйственное общество занималось распространением новых семян и машин, проводились мероприятия в области улучшения и обработки земли, в области животноводства и других отраслей сельского хозяйства. В 1915 г. в Ачинском уезде возникло первое сельскохозяйственное общество – Балахтинское, оно имело пробно-показательный участок и пункт случки (быка и мериносовой овцы) [2, л. 48 об]. Случные пункты находились в селах Ермаковском, Аскизе, Бее и Каратузском. Всего в Минусинском уезде насчитывалось 11 сельскохозяйственных обществ [2, л. 50].

Часто сельскохозяйственные общества занимались коммерческими операциями. Например, Ачинское сельскохозяйственное общество в 1912 г. организовало комиссионно-справочное бюро, которое торговало молочной посудой, маслодельными принадлежностями и огородными семенами [5, с. 128].

В 1914 г. кооперативы Минусинского и Ачинского уездов стали объединяться для совместных закупок и сбыта. В Минусинском уезде кредитные товарищества объединялись для совместных закупок сельскохозяйственных машин и орудий, для совместного сбыта хлеба кредитным товариществам Ачинского, Канского, Енисейского и Минусинского уездов [2, л. 5].

Маслодельных артелей было меньше, чем потребительских обществ, но в своей деятельности они были более активными. С 1911 г. маслодельные артели стали получать ссуды от правительства. За это они были обязаны строить для заводов специальные здания [1, с. 497]. В 1914 г. в Минусинском уезде насчитывалось 15 маслодельных артелей. Наиболее высокое количество выработанного масла в Енисейской губ. составил Минусинский уезд. В 1914 г. на 15 минусинских артелей было выработано 2301 п. 15 ф. масла [2, л. 43].

Если сельскохозяйственные общества преследовали цели улучшения приемов в разных отраслях сельского хозяйства в районе их деятельности, то городские были следующего характера: организация кооперативного сбыта, посредничество, изучение экономики края, внешних рынков, кооперативного строительства и т.д. [2, л. 56]. Например, Минусинская артель портных была создана для совместного производства личным трудом, использования заказов разного рода изделиями и их торговли. Ее членам запрещалось изготавливать и продавать продукцию вне артели. Артель имела различные виды капиталов: оборотный, запасной и вспомогательный. Не запрещалось иметь другие виды капиталов, такие как основной, страховой и т.п. [6].

События Первой мировой войны оказали неблагоприятное влияние на развитие кооперации не только Енисейской губ., но и всей страны. В 1915 г. стало уменьшаться количество возникших кооперативов, замирает деятельность артелей [2, л. 49]. Архивные данные свидетельствуют о необходимости кооперативных объединений для общества в дореволюционной России, они получили широкую поддержку среди населения.

Примечания

1. Степанин В.А. Колонизация Енисейской губ. в эпоху капитализма. Красноярск, 1962.

2. ГАКК Ф. 596, Оп. 1. Д. 19.

3. ГАКК Ф. 595. Оп. 7. Д. 408. Л. 6.

4. ГАКК Ф. 595. Оп. 7. Д. 405. Л. 10 об.
5. Обзор деятельности правительственной агрономической организации в Сибири и Туркестане в 1911 г. СПб., 1912.
6. ГАКК Ф. 596. Оп. 3. Д. 1329. Л. 3.

О.М. Леттецкая

Томский государственный университет

ИНОРОДЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО НАРЫМСКОГО КРАЯ В НАЧАЛЕ XX в.

Нарымский край, входивший в начале прошлого века в состав Томского уезда Томской губ., занимал 4/5 его территории и превосходил по площади каждый из таких уездов губернии, как Барнаульский, Бийский, Каинский, Кузнецкий и Мариинский [1, с. 1].

С начала XX в. набирает темп переселенческое движение в Сибирь, в том числе и в Томскую губ. С 1893 по 1906 г. количество водворившихся здесь составило 83,3 тыс. душ мужского пола, а только за один 1907 г. переселилось 48 тыс. д.м.п. [2, с. 17]. Всего за десятилетие (с 1894 по 1904 г.) в губернию прибыло 509 523 д.о.п., что в 3,8 раза больше, чем приняла Тобольская, и в 4,3 раза больше, чем Енисейская губ. [3, с. 51]. С развитием переселенческого движения и неминуемым сокращением запаса земель в традиционно земледельческой зоне Томской губ. в колонизационные планы правительства попадает и Нарымский край [4, с. 1–3]. Именно о таких территориях, как Нарымский край, было справедливо замечено: «Земли, состоящие в казенном ведомстве, земли крестьянские и инородческие, земли занятые и пустопорожные занимают в Сибири огромные пространства... В сравнении с немногими миллионами, составляющими в настоящее время население Сибири, эти пространства кажутся бесконечными, и невольно рождается мысль, что Сибирь может дать место еще многим десяткам миллионов населения, может на многие десятки, а то и сотни лет обеспечить Европейскую Россию от перенаселения и служить как бы запасным резервуаром, способным принять из малоземельных губерний все их избыточное население» [5, с. 106].

С 1910 г. в связи с необходимостью определения новых переселенческих районов началось почвенно-ботаническое обследование Нарымского края [6, с. 108–110]. Комплексное статистико-экономическое изучение огромной территории площадью в 20647 900 десятин было проведено в 1910–1911 гг. В ходе исследования

определялись границы районов сосредоточения населения, составлялись списки населенных мест с учетом численного состава и происхождения населения (коренное русское, инородцы, пришлый элемент), выяснялся культурный уровень (грамотность, степень оседлости и обруселости туземцев), устанавливался тип хозяйств и выяснялись размеры и формы хозяйственной деятельности населения в различных местностях края [7, с. I–II].

Всего было зарегистрировано и обследовано 538 населенных пунктов, в которых было зафиксировано 4096 хозяйств, в том числе 187 селений инородцев (877 хозяйств) и 351 селение, основанное русскими (3219 хозяйств). Население края – 22168 д.о.п. было сгруппировано по следующим категориям: 1) русские – старожилы, 2) русские – новоселы, 3) туземцы. Старожилы составляли 14213 д.о.п. от общего числа проживающих в крае (64,11%), новоселы – 4310 д.о.п. (19,44%) и аборигены – 3 645 д.о.п. (16,44%) [7, с. IV].

Независимо от типа хозяйственной деятельности и распределения по группам населения преобладали хозяйства с одним работником м.п. У инородцев было 642 (73,20%) таких хозяйства, у новоселов – 692 (76,97%) и у старожилов – 1364 (58,79%). Хозяйств с 2–4 работниками у инородцев было в 5,8 раза меньше, чем у старожилов, и в 1,2 раза меньше, чем у новоселов, всего 141 хозяйство. При этом только 4 хозяйства инородцев имели в своем составе по четыре работника м.п., 21 хозяйство – по три работника. Эти данные не расходятся с показателями посемейного состава этих категорий населения. Если у старожилов средний состав семьи составлял 6,13, у новоселов он равнялся 4,79, то у аборигенов – 4,16 д.о.п. [7, с. 616].

По занятиям и наличности пашенных угодий в наделах населенных мест все обследованные хозяйства подразделялись на земледельческо-промысловые (пашенно-промысловые) и промысловые [7, с. III–IV].

Земледелие возникло в Нарымском крае по рекам Обь, Парабель и Кеть уже в XVII в. Характеризуя Верхотуро-Тобольский район в этот период, В.И. Шунков писал: «Значительно более чем на 1000 км от Тобольска вниз по Иртышу и от его впадения вверх по Оби не было ни одной крестьянской деревни. Лишь у Нарыма образовался более или менее устойчивый земледельческий островок. Государева десятинная пашня на притоке Оби – Парабели была заведена не позднее 30-х гг. XVII в. ... Вторым, и также одиноким, земледельческим пунктом... был Кетск» [8, с. 57–58]. Обсле-

дования 1910–1911 гг. показали, что и в XX в. земледельческий район в крае занимал сравнительно небольшие территории, непосредственно прилегающие к р. Оби, по Парабельскому кряжу, по р. Ягодной и бассейну р. Чаи, по рекам Кенге и Чузику и по Кетскому кряжу [7, с. III]. Собственно земледельческим даже этот небольшой район не обозначался, ибо все хозяйства здесь занимались не только хлебопашеством, но и вели промысловую деятельность.

И в этой земледельческо-промысловой зоне Нарымского края инородческих хозяйств, занимавшихся земледелием, было незначительное количество. Несмотря на то, что здесь было сосредоточено 510 из 877 хозяйств аборигенов, к разряду пашенно-промысловых исследователи отнесли лишь 17 (19,38% от общего числа). В то же время среди 2320 хозяйств старожилов таких оказалось 1495 хозяйств (64,43%), а из 899 хозяйств новоселов – 601 (66,85%). При этом площадь пашни в инородческих хозяйствах была в 2 раза меньше, чем у старожилов, и в 1,7 раза меньше, чем у новоселов [7, с. 604, 606]. Примечательна констатация факта существования земледелия в Нарымском крае в «Обзоре Томской губернии за 1882 г.». В этом документе указывалось: «В Нарымском крае только государственные крестьяне Кетской и Парабельской волостей занимаются хлебопашеством, и то в самом незначительном количестве, остальные же жители и инородцы существуют исключительно рыболовством и звероловством» [9, с. 4]. Крестьяне также обращали внимание властей на ограниченные возможности в занятиях земледелием, направляя в Управление земледелия и государственных имуществ Томской губ. и на имя губернатора прошения о выделении им для промысла рыболовных угодий. Так, в 1906 г. приговор крестьян Костаревского и Вяловского сельских обществ Парабельской волости гласил: «Хлебопашество у нас самое ничтожное, едва дает прокормление себе и семейству...» [10]. Данные, полученные в 1910–1911 гг., показали, что только 38 хозяйств новоселов и 11 хозяйств старожилов (6,52% и 0,73% соответственно) получали доход от продажи хлеба. Инородцы же хлеб вообще не продавали [7, с. 606].

Основной доход коренные жители края в хозяйствах, определенных статистическими исследованиями как пашенно-промысловые, получали от продажи скота, рыболовства, охоты. 16 из 17 земледельческо-промысловых хозяйств аборигенов содержали скот. И хотя средний показатель по его наличию в одном хозяйстве

у инородцев был ниже, чем у старожилов (15,87 и 28,68 голов на хозяйство соответственно), это не мешало инородцам получать доход, практически равный доходам старожилов. Если у инородцев на одно продающее скот хозяйство приходился доход в 39,67 руб., у старожилов этот доход равнялся 39,84 руб. У новоселов этот показатель был несколько выше и составлял 58,24 руб. на продающее хозяйство. Продажей продуктов скотоводства (молока, масла и пр.) инородцы не занимались [7, с. 605–606]. Рыболовством занималось 10 из 17 хозяйств (58,82%), а охотой – 13 хозяйств (76,47%). Старожильческих хозяйств, занимавшихся рыболовством, было больше, чем инородческих, – 84,32%. Охотничий промысел преобладал у инородцев. Занимавшихся охотой земледельческо-промысловых хозяйств старожилов насчитывалось 492 (32,91%), у новоселов таких хозяйств было 376 (52,58%) Доход от охотничьего промысла на одно добывающее хозяйство у инородцев в среднем составлял 104,69 руб. Этот показатель у старожилов и новоселов был намного скромнее: 31,46 руб. и 61,29 руб. [7, с. 107]. Средняя доходность от промыслов и заработков у инородцев не уступала крестьянским хозяйствам. На одно хозяйство у инородцев приходился доход в 204,94 руб., у старожилов он составлял 203,51 руб., у новоселов – 166,62 руб. [7, с. 609].

Таким образом, даже в пашенно-земледельческом районе Нарымского края небольшую часть хозяйств аборигенов можно назвать земледельческо-промысловыми только потому, что они имели опыт хлебопашества. Учитывая источники доходов инородцев, эти хозяйства несомненно относились к промыслово-скотоводческому типу. В первые десятилетия XX в. инородческое хозяйство земледельческо-промысловой полосы Нарымского края оставалось традиционным, трансформация происходила очень медленно.

Примечания

1. Нарымский край (5 стан. Томского уезда Томской губ.): Историко-статистический очерк. СПб., 1901.
2. Переселение и заготовка земель для переселенцев (Важнейшие цифровые данные за последние годы). СПб., 1907.
3. Клеменц Д. Население Сибири // Сибирь: ее состояние и ее нужды. СПб., 1908.
4. Нарымский край: Сводка отчетных данных по обследованию в 1908–1909 гг. чинами Томской Переселенческой организации левобережной – по Оби – части Нарымского края. Томск, 1910.

5. Сибирь и Великая Сибирская железная дорога. СПб., 1893.
6. Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. и отчет по переселению и землеустройству за 1910 г. СПб., 1911.
7. Нагнибеда В.Я. Нарымский край: Материалы статистико-экономического исследования 1910–1911 гг. Томск, 1927.
8. Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век. М., 1956.
9. Обзор Томской губ. за 1882 г. Томск, 1883.
10. ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 486. Л. 47–47 об.

Л.И. Шерстова

Томский политехнический университет

ФАКТОРЫ ОБОСТРЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЮЖНОЙ СИБИРИ НАЧАЛА XX в.*

На рубеже XIX–XX вв. усиливается государственный интерес к сибирским инородцам степной и лесостепной полосы от Урала до Байкала, что отражало назревшую необходимость общероссийского решения аграрной проблемы путем организации массового переселения избыточного крестьянского населения из Европейской России на восток. Однако результативность нового этапа колонизации напрямую зависела от быстрого проведения административной и землеустроительных реформ в аборигенной среде. Важнейшую роль в этом направлении сыграли два законодательных акта: закон от 23 мая 1896 г. «О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской» и «Положение о поземельном устройстве крестьян и инородцев, водворившихся в Алтайском округе на землях Кабинета Е.И.В.» от 31 мая 1899 г. Оба акта относились как к русским крестьянам – старожилам и переселенцам, – так и к инородцам оседлого и кочевого разрядов, вводя одинаковый для всех пятнадцатидесятинный душевой надел. Причем по закону «кочевые инородцы при выдаче им отводных записей перечисляются в оседлые» [1]. Таким образом, они неизбежно меняли свой разряд, несмотря на остававшееся в силе Положение об инородцах» 1892 г., 26 статья которого утверждала сугубо добровольный порядок смены разрядов.

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ, грант 03-01-00 359 а.

С конца XIX в. основным критерием и аргументом в пользу назревшей ликвидации особых сословных прав сибирских аборигенов становится степень их русификации. В 1892 г. Томский губернский совет отмечал: «На юге губернии проживают оседло (инородцы), не подчиняясь учреждениям, образованным 19 февраля 1861 г. «Положением о крестьянах». ...Между тем эти последние инородцы, оказавшись постепенно в среде крестьян, подверглись постепенному обрусению, а значительное их число, приняв веру, обычаи и язык местных крестьян, совершенно утеряли те племенные особенности своего быта, которые, в отношении дарования отдельного управления, имели основания при издании особых для сибирских инородцев учреждений» [2]. Складывается впечатление, что административная реформа начала XX в. и необходимость упразднения инородческого сословия словно бы обосновываются теоретически: раз аборигены обрусели, то должны и в административно-управленческом плане слиться с русскими крестьянами. Исходя из особенностей государственной идеологии России, «пропитавшись русским духом», аборигены становились теми же русскими. Естественно, они в этом случае не должны были иметь каких-то особых прав и внутренней организации социума, которые бы отличали их от крестьянства.

Такая политика сословного выравнивания крестьян и инородцев диктовалась необходимостью создания из изъятых «лишних» угодий колонизационного фонда для переселенцев. Тем не менее противоречивая ситуация, когда одновременно действовали два взаимоисключающих закона, давала аборигенам юридические основания для пассивного сопротивления реформаторско-землеустроительным намерениям властей. Вместе с тем наметились и новые, более жесткие приемы противоборства. В частности, в 1901 г. возникло «недоразумение» в связи с отказом инородцев Телеутской инородной управы Томского уезда исполнить «законные требования со стороны землеустроителей. Последние вынуждены были обратиться за содействием к крестьянскому начальнику, но и это не привело к нужным результатам. Землеустроительные работы были замедлены на год». В августе 1900 г. произошло «острое столкновение» при землеустроительных работах с населением Мало-Корюковской инородной управы. Дело о сопротивлении инородцев разбиралось в Томском окружном суде, поскольку подвергалась опасности сама жизнь землемерных чиновников. В связи с таким риском заведующий землеустройством Алтайского округа возбудил в Томском губернском управлении ходатайство об учреждении осо-

бой полицейской стражи для охраны землеустроителей. С 1901 г. в Томском уезде решением губернатора была учреждена конная стража, лишь под прикрытием которой удавалось провести необходимое межевание уездных земель. Каждая попытка властей предрержащих провести те или иные преобразования вызывала в аборигенном обществе панический, мгновенно распространявшийся вширь ужас, и никакие доводы администрации не могли его утишить.

Непростую обстановку постоянно подчеркивали крестьянские начальники, осуществлявшие на практике реформу: «Никакие разъяснения, что при перечислении их (кочевых инородцев) в разряд оседлых и введения среди них суда и административного управления как у крестьян их положение не ухудшится и что сохранится льгота по воинской повинности, не имели успеха». При этом «они заявляли, что если их переведут в оседлые, то они все равно уйдут в чернь» и некоторые уже приводят в исполнение свое заявление – продают дома и земли и переселяются в тайгу» [3, л. 83]. Словно бы возвратились тревожные первые десятилетия XVII в., когда «блуждали» целые волости. Такова была всплывшая из этнического подсознания реакция аборигенов на нестабильность своего положения, связанную теперь не с присоединением к России и обретением собственного места в государственной структуре, а с трансформацией и уточнением этого места. При подготовке конкретного реформирования инородцев кочевого разряда в Кузнецком уезде выяснилось, что «исчезли» целые улусы: Унгурепский в Тагабской 2-й половины, Тостоковский, Курлуганский, Кичековский в Кондомо-Итеберской управах. Документы по этому поводу добросовестно отмечают: «За выездом всех инородцев (поселения) более не существуют» [3, л. 24].

Ментальные особенности восприятия социально-экономических отношений побуждали тюркоязычных аборигенов к стремлению застопорить или даже повернуть вспять динамику собственного хозяйства. Четко увязывая пушной ясак с незыблемым укладом и привычными, сделавшимися удобными сословными правами, даже изрядно обрусевшие инородцы желали непременно оставаться ясакоплательщиками, пусть и в ущерб собственному материальному положению. В 1906 г. томская губернская пресса отмечала, что кузнецкие инородцы стараются сдавать ясак пушниной, хотя делать это «деньгами было бы для них выгоднее, но инородцы почему-то убеждены, что тогда их будут брать в солдаты. Бывает, что им приходится даже покупать пушнину, чтобы сдать в ясак». При

этом они переплачивали стоимость мехов, а приемная комиссия их обманывала [4]. На взгляд аборигенов все было более чем понятно: если бывшие ясачные станут платить подати деньгами, как крестьяне, то их самих переведут в крестьяне, а значит лишат ментально закрепленных особых прав и сословной обособленности, куда входила и выплата специфической натуральной подати.

Юридически оформленное в 1822 г., подтвержденное в 1892 г. и закрепленное в инородческой среде «особое положение» аборигенов, как и представление о нем, в начале XX в. стало едва ли не определяющим компонентом их менталитета вообще. Даже у сильно русифицированного, забывшего свой язык, происхождение, этноспецифику населения сама принадлежность к сословию инородцев в условиях четко стратифицированного общества превратилась чуть ли не в краеугольный камень общественного и индивидуального сознания. С помощью этой ментальной установки подчеркивалась специфика собственного социального состояния взамен напроць утерянных к началу XX в. былых этнических характеристик. Именно сохранение «особых прав» как неотчуждаемого достоинства и главного признака должно было, по убеждению аборигенов, оградить их от все возрастающего притока переселенцев, серьезно ущемлявшего жизненно важные интересы сибирских инородцев через введение земельного устройства и земельных ограничений. Сам по себе приток массы новопоселенцев существенно трансформировал этническую ситуацию и межэтнические отношения на юге Сибири. То и другое осложнилось не только из-за численного роста выходцев из Европейской России, так как уже с начала XVIII в. русские преобладали по всей Западной Сибири. Изменился национальный и региональный состав переселенцев, их целевая ментальная настроенность. Если прежнюю ориентацию пришлого населения можно упрощенно назвать сельскохозяйственно-промысловой, то теперь она сделалась определенно земледельческой, направленной на максимальную эксплуатацию южносибирской природной ниши через хлебопашество и сельское хозяйство вообще. Вольно или невольно, переселенцы резко усилили давление на местных тюрков, стремясь вытеснить конкурентов из той сферы жизнедеятельности, которую те успешно осваивали с древних времен.

Важно, что на рубеже XIX–XX вв. основное поле столкновения интересов русских и аборигенов окончательно переместилось в сибирские степи и лесостепи. Среди мигрантов теперь резко преоб-

ладают не северорусские уроженцы, а выходцы из Малороссии (24,2%), Черноземья (24%), Новороссии (17,4%), западных губерний (15,8%) [5, с. 47]. С этнокультурной точки зрения это был новый для Сибири тип, ибо развитие и этноформирование русских в «метрополии» определялись несколько иными внутренними и внешними факторами и этническими процессами, нежели в «колонии». В отличие от мигрантов XVII и даже XVIII вв., переселенцы начала XX в. испытывали подсознательный страх перед «необъятной неведомой страной», труднее вписывались в сибирскую природно-климатическую среду и приспосабливались к ней. Они не имели опыта и традиций повседневного общения с иноэтничным населением, а потому чаще всего относились к аборигенам с опаской и пренебрежением, видя в них «непонятных конкурентов». Словом, новая переселенческая волна не обладала сколько-нибудь заметным следом «евразийского ментального наследия», которое отличало первых русских в Сибири, способствуя скорому установлению толерантных межэтнических отношений, не оставляя места страху или, напротив, высокомерию в восприятии аборигенов.

В то же время эти новопоселенцы имели более оформленное этническое самосознание, особенно малороссы с их стремлением к известной внутренней замкнутости и устойчивым этнокультурным стереотипом. В новой обстановке то и другое лишь усугублялось, а развернувшиеся еще в местах исхода процессы этнической консолидации русских или украинцев заметно усилились в Сибири, обостряя оппозицию «свой-чужие». Прибавим сюда и этносоциально неоднородный состав переселенцев: среди них оказалось немало маргиналов, «ловцов удачи», отчаявшихся людей; по сравнению с прежними временами, новопоселенцы были более полиэтничны – русские, украинцы, чуваша, поволжские финны и др.

Выразительно и точно рисует обострившиеся отношения между русскими переселенцами и аборигенами Отчет Алтайской духовной миссии за 1912 г.: «Здесь русский смотрит на алтайца как на предмет наживы. Он для него мразь, ничтожество, орда дикая, которую не грех обижать и даже убить... Решение переселенческого вопроса принесло Алтаю только вред. Алтай стал заселяться подонками русского общества. Пьянство, воровство, убийство, грабежи – вот плоды «просвещения» переселившихся на Алтай «культуртрегеров-русских»... Притесняются даже (русские) старожилы. С нескрываемым презрением относятся переселенцы к ино-

родцам, называя их в глаза «собаками». Такое отношение новоселов к инородцам, недовольных к тому же нарезкой земли, вызвало среди инородцев недоверие к русским вообще» [6].

С другой стороны, у новопоселенцев еще не размытая этнокультурная пестрота Южной Сибири вызывала растерянность, раздражение, рост неприязни к «не нашим», обостряя любые контакты не только с инородцами, но и русскими старожилами. Набиравшая силу межэтническая нестабильность вела не только к распространению ксенофобских, шовинистических настроений в широких слоях русскоязычного населения, но и к организационному их оформлению на местах. К 1916 г. в переселенческих крестьянских волостях образовалась целая сеть отделений Союза Михаила Архангела, что беспокоило даже губернские власти, – в Романовской, Черно-Ануйской и других волостях Бийского уезда Томской губ., например. По существу это был побочный социальный эффект введенных в действие аграрных законов 1896–1899 гг., отзвук несовершенной земельно-административной реформы в Сибири, весьма заметно изменившей общую социально-политическую, да и этническую, ситуацию в ее южной части в начале XX в.

Обострение межэтнических отношений в Южной Сибири начала XX в. наглядно выразилось в изменении понимания и трактовки термина «инородец». В XVII–XIX в. главное отличие сибирских аборигенов от прочих социальных страт России усматривалось прежде всего в специфике их податного состояния, и вошедший в широкое употребление после 1822 г. термин «инородец» был прямой калькой понятия «ясачный», т.е. акцентировал сословную принадлежность. Крестьяне, мещане, сибирские инородцы, казаки, дворяне, духовенство – суть качественно равнозначимые российские сословия, «*Sint gua non*» государственной и общественной структуры. Хотя рассматриваемое понятие несло в себе амбивалентный смысл («не русские», но и сословие, равное по статусу крестьянам), вплоть до XX в. социально-экономически значимым было второе значение, и именно так термин понимался при употреблении – во всяком случае, по преимуществу. Какого-либо оценочного смысла слово «инородец» не несло [7, с. 220–240].

В ходе административно-землеустроительных преобразований и столыпинского переселенческого движения все более явно стал внедряться, осознаться и акцентироваться именно этнический аспект и самого термина, и обозначаемого им сословия – «нерусскость». Тем самым в межэтнические отношения вносился опас-

ный критерий оценки человеческих популяций с позиции «уровня этнокультурного развития», «степени цивилизованности». При этом в качестве идеального эталона априори брался произвольно усредненный вариант собственной культуры (в данном случае – «русской крестьянской»), что не могло не исказить, а в дальнейшем и разрушить естественно складывавшуюся с XVII в. межэтническую толерантность в Сибири, и по своей сути было явлением чуждым для ее изначально полиэтнического населения, этносы которого веками сосуществовали друг с другом без крупных конфликтов.

Примечания

1. Полн. собр. законов Российской империи. Т. XIX. №16991.
2. ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 289. Л. 15.
3. ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 990.
4. Сибирская жизнь. 1906. 18 июля.
5. Русские // Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М., 1997.
6. Томские епархиальные ведомости. 1913. №14.
7. Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в XVII–XIX веках. Томск, 1999.

П.Ф. Никулин

Томский государственный университет

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛЬНЫХ И ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ТИПОВ КУЛЬТУР В КРЕСТЬЯНСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НАЧАЛА XX в.*

В настоящее время в изучении экономики дореволюционной деревни утверждается системный социокультурный подход. Он требует рассматривать крестьянское хозяйство как целостную культурную систему, а сам процесс его эволюции – как процесс развития и взаимодействия входящих в него форм хозяйственной культуры. И в этом плане весьма интересно проследить и оценить результаты взаимодействия в сибирской деревне начала XX в. традиционной (натуральной) и товарной форм хозяйствования.

В прежней марксистской трактовке, которая господствовала в советской аграрной истории, данный процесс интерпретировался линейно – как разрушение патриархального уклада и его перерас-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект №03-01-00878а.

тание в товарно-капиталистическое производство [1]. Это была явно упрощенная и искусственная схема. В действительности крестьянское хозяйство России и Сибири начала XX столетия развивалось как устойчивая культурная система, представляя собой результат взаимодействия постоянно воспроизводящейся традиционной культуры и новой системы экономических отношений, навязываемой сельским хозяевам рынком. Необходимо выяснить, в какой форме происходил этот «диалог» (взаимодействие) хозяйственно-культурных укладов. Настоящая работа и является такой попыткой.

Источниковой основой работы стала типическая выборка подворных материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Томской губ. [2]. В качестве системного метода использована математико-статистическая методика корреляционного измерения силы взаимосвязей [3] между существенными сторонами крестьянского хозяйства. Были измерены взаимосвязи между социальными и производственными компонентами. Результаты оказались следующими.

Во-первых, сразу же обнаружили очень тесные взаимосвязи (выше 0,70) между производственно-техническими показателями: лошадьми, коровами и посевом. Это яркое свидетельство включенности крестьянского хозяйства Томской губ. в рыночные, товарно-денежные отношения. В начале XX в. в сибирской деревне определенно сформировалась рыночная система хозяйствования [4].

С другой стороны, связи социальных показателей (размер семьи и количество семейных работников обоего пола) с производственными признаками оказались слабыми: приблизительно на уровне 0,30. Это указывает на то, что характерного для господствующего товарного хозяйства рационального соотношения между размерами производства и числом семейных работников в начале XX столетия еще не возникло. Гораздо теснее была взаимосвязь между количеством семейных работников и величиной семьи. Ее уровень – 0,65. Из этого вполне очевидно следует, что в крестьянском хозяйстве Сибири рассматриваемого периода господствовала основанная на семейном труде и традиционной культуре натуральная система хозяйствования. Об этом свидетельствует низкая доля найма (не более 20% даже в зажиточных дворах) и господство полунатуральных форм оплаты труда сельскохозяйственных наемных рабочих.

Таким образом, в процессе взаимного слияния и «диалога» двух хозяйственных культур господствующую, системообразующую роль играла традиционная, натурально-потребительская сис-

тема хозяйствования. Традиционная культура хозяйствования в процессе втягивания сибирской деревни в товарно-денежные отношения не разрушалась. Она сохраняла свою целостность и устойчивость, поскольку сохранялась ее главная опора – семейная рабочая сила и крестьянская трудовая (духовная) культура. Товарная же форма хозяйствования не замещала прежнюю систему. Она лишь естественным путем включалась в традиционную крестьянскую систему хозяйствования, несколько видоизменяя ее. Товарно-денежная система как бы надстраивалась над традиционной культурой, рационализируя только производственно-техническую сторону крестьянского хозяйства. Главная, социокультурная сторона его функционирования и развития от рынка практически не зависела. Крестьянское хозяйство по-прежнему несло на себе традиционные функции воспроизводства семьи (народонаселения), крестьянской культуры и тягло перед государством. Работа на рынок имела для него вспомогательное значение. Это обуславливало сохранение и господство в целостной системе крестьянского хозяйства традиционной культуры.

В общем, в начале XX в. рынок не смог разрушить социально-трудовой основы крестьянского хозяйства. Это предопределило устойчивость традиционной деревенской экономики. Товарная форма хозяйственной культуры лишь интегрировалась в старую, патриархальную систему, модифицируя ее в потребительски-товарную форму.

Примечания

1. См.: Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966; История Сибири. Л., 1968. Т. 3.; Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983; Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Солунская Н.Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1988; и др.

2. Предварительные итоги всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Вып. 3: Степной край, Сибирь и Дальний Восток. Поуездные, погубернские и порайонные итоги. Пг., 1917; Алтайско-Томская часть Сибири по данным с.-х. переписи 1916 года: Материалы с.-х. переписи 1916 года, собранные и разработанные под руководством и ред. В.Я. Нагнибеды. Томск, 1927; ГАТО. Ф.239. Оп.16. Д. 1–211.

3. См.: Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979. С. 303–316; Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984. Гл. 6.

4. Подробнее см.: Никулин П.Ф. Рыночный фактор в функционировании крестьянского хозяйства Западной Сибири в начале XX века // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири. XVIII–XX вв. Томск, 1994. С. 107–120.

Т.К. Щеглова

Барнаульский государственный педагогический университет

**ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЯРМАРОЧНОЙ ТОРГОВЛИ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ
КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
НАЧАЛА XX в.: К ВОПРОСУ О ЕЕ ТЕМПАХ
В ЦЕНТРЕ И НА ОКРАИНАХ**

В современных условиях, когда российское общество принимает очередную попытку перехода к господствующим в западных странах нормам экономической жизни, особое значение приобретает исследование исторического опыта модернизации России. В современной отечественной и зарубежной историографии особенно обострилась проблема определения критериев оценки уровня модернизации в аграрном секторе в начале XX в. По представлениям Ю. Палло, сущностным содержанием аграрной модернизации России являлось преобразование крестьянского хозяйства в рыночное, подчинение сельскохозяйственного производства рынку: «...аграрная Россия должна была перестраиваться, дабы обеспечить появление производителей рыночной продукции» [1]. В этом ракурсе особое значение имеет решение вопроса эволюции форм торговых предприятий и рыночных связей между городом и деревней. Темпы модернизации аграрной России определялись новациями в сельской экономике, уровень и формы развития которой влияли на модернизационные процессы. Особенности российского рынка являлось «видовое разнообразие торговли»: сочетание чисто капиталистических типов торговых предприятий с архаичными формами, зародившимися в средневековье. Вместе с тем, архаичные формы претерпевали ряд качественных изменений, наполнялись новым содержанием. Главной формой реализации рыночных связей между городом и деревней в Западной Сибири при преобладании сельского населения в рассматриваемый период, не-

смотря на развитие бирж и института коммивояжеров, являлись ярмарки.

Динамика развития ярмарочной торговли показывает повсеместный рост оборотов и количества ярмарок. Тенденция расширения ярмарочной сети происходила за счет ее уплотнения в регионах с сельским населением и учреждения новых ярмарок на окраинах России. За десять рубежных лет (1894–1904 гг.) число ярмарок на территории России увеличилось с 17743 до 18452, привоз товаров – с 637 млн руб. до 1098 млн руб. [2]. О сохранении значения ярмарок свидетельствовал факт опережающего роста оборотов (на 58%) над их числом (3,8%). К 1913 г. было учреждено в России еще 11356 ярмарок (всего 29808 ярмарок) [3]. По сравнению с 1904 г. их количество увеличилось на 61,9%. В целом с 1894 г. число ярмарок увеличилось в 1,7 раза. За этот же период число ларьков выросло в 1,3 раза (253,7 тыс. в 1895 г. и 342,2 тыс. в 1912 г.), торговых пунктов с мелочной торговлей в 1,8 раза (с 344,8 тыс. до 608,1 тыс.) [4]. Таким образом, темпы роста пунктов стационарной торговли в России, по данным Струмилина, имели примерно такие же показатели роста (в 1,3 и 1,8 раза), как и ярмарочная торговля (в 1,7 раза).

Высокие показатели ярмарочной торговли поддерживали аграрнопроизводящие районы. На первое место вышла Украина (с 1894 г. по 1904 г. число ярмарок увеличилось на 397); Южный район – на 271; Среднеземледельческий – на 205. Сибирь в этот период и абсолютно (по числу ярмарок) и относительно (относительно ее территории) имела меньше всего ярмарок 501 и 629. Но в Сибири темпы роста ярмарочной сети были выше, их число увеличилось на 20% [5]. При этом преимущественное расширение ярмарочной сети Сибири происходило за счет Западной Сибири.

Перемещение ярмарок на юг Западной Сибири происходило в регионы с развитым аграрным сектором. Это подтверждает сравнение ярмарочных систем Томской и Тобольской губ. На рубеже XIX–XX вв. Тобольская губ. по числу ярмарок и общему ярмарочному обороту занимала первое место. Однако их рост наблюдался только в начале периода: в 1897 г. было разрешено к открытию 24 ярмарки и 27 торжков, в 1898 г. – 28 ярмарок и 59 торжков, в 1899 г. еще 15 ярмарок и торжков. Всего в Тобольской губ. в 1897 г. насчитывалось 560 ярмарок, в 1898 г. – 648, в 1899 г. – 672. Затем число ярмарок сократилось до 541 в 1902 г., 557 – в 1904 г., 456 – в 1906 г. и до 379 в 1910 г. с некоторым ростом к 1914 г. Но обороты

ярмарочной торговли с некоторыми колебаниями продолжали расти. В 1911 г. оборот 466 ярмарок составил 31 млн 115 тыс. руб., в 1913 г. на 558 ярмарках – 37 млн 38 тыс. руб. и в 1914 г. на 568 ярмарках – 35 млн 828 тыс. руб. В целом, количество ярмарок сократилось на сотню, а их оборот увеличился в 2 раза с 17,5 млн до 35,8 млн руб. [6].

Динамика ярмарок Томской губ. была выше. По темпам роста она вышла на первое место в Сибири. В 1899 г. на ее территории проходило 165 ярмарок, в 1910 г. – 434 ярмарки, в 1911 г. – 449, в 1912 г. – 563 ярмарки. К 1910 г. общий ярмарочной оборот, также как и число ярмарок в двух губерниях, сравнялся, а затем ярмарочные обороты Томской губ. превысили показатели: в 1913 г. ярмарочный оборот Тобольской губ. равнялся 37037865 руб., Томской губ. – 39543463 руб. Причина видится в формировании на ее территории «производителя рыночной продукции» за счет Алтайского округа. В целом высокие тенденции развития ярмарочной сети Западной Сибири нивелировали ее отличие от черноземно-земледельческих регионов России (однотипность процессов в центре и на периферии).

Вместе с тем между центром и сибирской окраиной существовала принципиальная разница, которую можно выявить при анализе среднестатистических оборотов. В России в 1894 г. по средним размерам торговли одной ярмарки на первом месте стоял Среднеазиатский район (за счет Акмолинской и Семипалатинской областей) с привозом более 200 тыс. руб., Сибирь стояла на пятом месте с привозом 63 тыс. руб. В общем, показатели значительно отличались: в Европейской России – 36 тыс. руб., в Азиатской России – 87 тыс. руб., в Сибири – 63 тыс. руб. В 1904 г. средний привоз товаров на одну ярмарку составил соответственно 56 тыс. руб., 116 тыс., 79,5 тыс. руб. В целом среди российских регионов на первом месте стояли ярмарки Степных областей – 308 тыс. руб., затем сибирские губернии, на третьем месте Урал – 73 тыс. руб., Украина – 60 тыс. руб. Это говорит о расширении модернизационных процессов на окраинах, где развитие ярмарочной торговли отражало рост аграрного производства. Однако их глубина в европейской части России была выше так как вместо традиционных оптовых ярмарок стало увеличиваться число мелких сельских ярмарок с розничным характером торговли. По подсчетам В.И. Денисова, в 1904 г. около 87% числа ярмарок России составляли торги с оборотом от 1 до 10

тыс. руб., 12% приходилось на ярмарки средних размеров (с оборотом по продаже товаров от 10 тыс. до 100 тыс. руб.), стоящие между розничной и оптовой торговлей, и лишь немного более 1% (свыше 1 млн руб.) ярмарки, имеющие характер временных оптовых торговых центров (от 100 тыс. руб. до 1 млн руб. и более) [7]. В 1913 г. разрыв между розничными и оптовыми ярмарками в России увеличился. По данным И. Канделаки, на долю мелких сельских ярмарок местного значения с продаж до 50 тыс. руб. приходилось до 94,5% (28183), свыше 500 тыс. руб. – 0,1% (38) и свыше 1 млн руб. – 0,1% (37 ярмарок). В последних группах на Сибирь и Степной край приходилось по 9 ярмарок (что составляло 24% их общего числа). В целом ярмарки Сибири и Степного края, составляя от общего числа ярмарок России около 5%, сосредоточили на своей территории 24% всех оптовых ярмарок. В 1911 г. средний показатель ярмарок Тобольской губ. соответственно вырос до 66,8 тыс. руб., в 1913 г. – 66,4 тыс., а в Томской губ. в 1900 – 1904 гг. 70–72 тыс. руб. и в 1912 г. – 70 тыс. руб. [8].

Однако выявленное отставание модернизационных процессов в азиатской части несколько корректируется анализом соотношения городской и сельской ярмарочной торговли. Особенно это важно в оценках эволюции ярмарок Тобольской губ. Для нее характерно развитие оптовых городских ярмарок, которые давали от трети до половины всех оборотов. Объясняется это тем, что Тобольская губ. занимала ведущее место в ввозно-вывозной торговле. Ее города находились на пути прямого и обратного движения между Европейской Россией, Уралом, Сибирью и Степным краем. Ярмарки в Тюмени, Кургане, Ишиме, Омске, Ялуторовске выполняли сборно-распределительные функции и в начале XX в. приобрели всероссийское значение. В 1905 г. обороты ярмарок двух городов – Тюмени и Ишима – составили 27% от всего ярмарочного оборота Тобольской губ. (9 млн 66 тыс. руб.), в 1906 г. – 27,13%. В 1911 г. на них (включая Курган) приходилось более половины оборотов – 18 млн 367 тыс. руб. из 31 млн 115 тыс. руб., в 1913 г. – 57% (21 млн 123 тыс. из 37 млн 38 тыс. руб.) [9].

Среди сельских ярмарок Тобольской губ. также выделилась группа крупных ярмарок (Усть-Ламенское, Абатское) с продаж свыше 500 тыс. и свыше 100 тыс. руб. Последние составили в 1902 г. 29% (155 из 541), 1906 г. 27,2% (124 из 456), в 1909 г. – 20,5% (109 из 533). Обороты остальных сельских ярмарок соответствовали пока-

зателям Европейской России и стояли ближе к базарной и не превышали 10 тыс. руб. Но именно на них сосредоточивалась внутренняя сельская торговля, приводившая к высокой социальной мобильности товаропроизводителей. В 1902 г. таких торгов насчитывалось 541, в 1904 г. – 554, в 1907 г. – 477, в 1908 – 446. Утверждение тенденции роста социальной мобильности подтверждает тот факт, что расширение ярмарочной сети шло за их счет. К 1914 г. они составили 568 (в 1907 г. – 446). Активизацию мелкого товаропроизводителя иллюстрирует то, что инициировались крестьянами (во второй половине XIX в. чаще инициатива исходила от купцов). Крестьяне обосновывали тем, что ярмарки «давали возможность, без затраты продолжительного, подчас очень дорогого в летнюю страду времени на дальние поездки... сбывать продукты собственного производства и приобретать все необходимые для себя» [10]. Именно в этом смысле они имели «гораздо большее значение, чем городские ярмарки для сельского населения». Таким образом, сельское население Тобольской губ. активизировалось через архаичные формы торговли, что способствовало формированию нового человека.

О происходящих изменениях в традиционных оптовых формах свидетельствует размывание группы ярмарок с оптовой розничной торговлей (с оборотом свыше 10 тыс. руб.): от 10 до 50 тыс. руб. с 56,1 до 24,8%; от 10 до 100 тыс. руб. – с 124 в 1902 г. до 61 тыс. руб. в 1909 г. (80,5 до 56%). Тогда как число розничных ярмарок с торговлей до 10 тыс. руб. выросло с 70% в 1902 г. до 73% в 1906 г. и почти 80% в 1909 г. Одновременно происходил рост группы оптовых ярмарок (с оборотами свыше 100 тыс. руб.) с 31 в 1902 г. до 48 в 1909 г., или с 19,1 до 45% [11]. Такая поляризация отражала двуединый противоречивый процесс: рост ввозно-вывозной торговли, укрепившей значение аграрной экономики региона в народнохозяйственном механизме России, и расширение ярмарочной розничной торговли.

Ярмарочная сеть Томской губ. перестраивалась медленнее, происходил более равномерный рост объемов торговли на ярмарках. На первый взгляд это говорит в большей степени о количественных изменениях, но анализ торговых показателей распределения ярмарок между городом и деревней позволяет говорить о качественных изменениях в развитии рынка товаров.

В начале XX в. крупные ярмарки проходили в таких городах, как Барнаул, Бийск и Ново-Николаевск. Их обороты по сравнению

со второй половиной XIX в. выросли: Барнаульской – в 5–8 раз, бийских (их стало 3) – в 10 раз. А Ново-Николаевская началась сразу с многомиллионных оборотов. Развитие городской ярмарочной торговли являлось новым явлением для Томской губ. Но относительно общих оборотов их обороты в 1910 г. составляли не больше 20%: 4 млн 247 тыс. руб. из 24 млн 879 тыс. руб. (17,1%), в 1912 г. – 6 млн 549 тыс. руб. из 39 млн 543 тыс. руб. (16,6%.) Их рост происходил за счет развития регионального сельскохозяйственного производства, тогда как для тобольских прежде всего вывозом из Казахстана.

Этим объясняется взрыв развития региональной сельской ярмарочной сети с высокой долей торгов с оборотами от 25 до 80 тыс. руб., что в целом было выше общероссийских показателей. Вместе с тем анализ средних данных отражает общероссийские тенденции утверждения розничной торговли на ярмарках. В 1910 г. среднестатистический оборот ярмарок Бийского уезда по привозу составлял 16,6 тыс. руб., в 1912 г. – 24,5 тыс., Томского уезда – 13,6 и 25,1 тыс. руб. Барнаульского – 19,8 и 22,9 тыс. руб., в Змеиногорском – 15,1 и 20,8 тыс. руб., в Каинском – 145,1 и 42,4 тыс. руб., в Кузнецком – 55,8 и 17,4 тыс. руб., Мариинском в 1911 г. – 12,9 и 1912 – 36,5 тыс. руб. Приведенные данные подтверждают вывод о включении окраин в процессы модернизации. Об этом говорят и темпы роста ярмарок Томской губ., их число увеличилось с 68 в 1895 г. до 563 в 1912 г., в 8 раз. Приоритет ярмарок в сельской местности с эволюцией от оптовых к розничным торгам объясняется их адаптированностью к природно-географическим условиям и социально-демографическому состоянию региона. Вместе с тем они являлись фактором, разрушающим традиционное хозяйство.

Большое влияние на эти процессы оказывало усиление межрегиональных связей и развитие всероссийского рынка. Рост объемов ярмарочной вывозной торговли менял ситуацию в социально-экономическом развитии регионов-производителей. Из общей суммы вывоза товаров из Сибири в 1908 г. (современники определили в 134 млн руб.) [12] через ярмарки Западной Сибири проходило не менее 20% экспортной массы, тогда как в Европейской России около 10%. Это позволяет говорить о большом значении внешнего фактора в модернизации торговли Сибири. Эволюция ярмарок от оптовых периодических товарных пунктов к розничным периодическим пунктам проходила за счет увеличения в одном населенном

пункте числа ярмарочных торгов за счет уменьшения оборотов на каждом из них. Но это не уменьшало, а наоборот, увеличивало их значение в модернизации, так как улучшало условия для участия в торговле самого производителя и свидетельствовало об активизации социальной мобильности.

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. Рост числа ярмарок (в 1894 г. на территории Сибири проходило 3,7% ярмарок в России, в 1912 г. – 5%), отражали экстенсивность модернизационных процессов. Мелкие ярмарки удовлетворяли нужды крестьян и осуществляли найм рабочей силы. Крупные региональные ярмарки аккумулировали прибавочный сельскохозяйственный продукт, удовлетворяли потребность в промышленных товарах.

2. Интенсивность модернизационных процессов была выше в Европейской России. На ее территории значение крупных ярмарок упало в связи с развитием транспортной инфраструктуры, банковской системы, распространением брокерских операций и системы коммивояжеров. В то же время краткосрочные ярмарки процветали и даже численно росли. Они выполняли роль розничных магазинов промышленных товаров и были своеобразными пунктами торговли сельхозпродуктами. Их число с 1894 г. увеличилось с 75 до 90% в 1912 г. На территории Западной Сибири показатели отставали.

Вместе с тем отмеченная поляризация ярмарочной торговли Западной Сибири на группу крупнооптовых и розничных ярмарок с высокой динамикой последней группы показывает, что на ее территории также формировались условия для участия в торговле мелких производителей. Отмечалось более благоприятное соотношение ярмарочной сети относительно территориально-демографических показателей: продажа товаров на ярмарках в пересчете на одного человека увеличилась с 11,1 руб. до 17,6 руб., в пересчете на 1 версту составила 30,4 руб., что превысило показатели 1896 г. в 2 раза (15,5 руб.). Однако рост пунктов периодической торговли в начале XX в. отставал от роста населения: на одну ярмарку в начале XX в. приходилось 3776 человек, тогда как в 1896 г. – 2983,2. Причиной тому являлись массовые переселения в Сибирь. Это говорит о том, что рост торговой сети, вызванный в том числе и массовым переселением, все же отставал от потребностей, тем самым стимулируя ее дальнейшее развитие, что выльется в бурное повсеместное развитие ярмарочной розничной торговли в 1920-е гг.

Вместе с тем необходимо отметить, что расширение ярмарочной сети для сезонного аграрного сектора экономики Западной Сибири создавало условия для втягивания рядового производителя в рыночные процессы, способствовало перестройке их хозяйства, воспитывало рациональное мышление товаропроизводителя.

3. Сохранение традиционной торговли на ярмарках Западной Сибири не могло не повлиять на общероссийские показатели модернизации. Сделанные историками выводы о том, что в Европейской России биржи существенно потеснили ярмарки в оптовой торговле (Нижегородская ярмарка, по словам Гостанда, действовала в качестве выставки, биржи товаров), тогда как в розничной торговле роль ярмарок осталась значительной, применимы к Азиатской России с оговорками (процесс эволюции межрегиональных ярмарок Западной Сибири – предмет для самостоятельного разговора). Это нельзя не учитывать при определении критериев и темпов аграрной модернизации России начала XX в.

Примечания

1. Поткина И.В., Селунская Н.Б. Россия и модернизация в прочтении западных ученых // История СССР. 1990. №4.

2. Подсчитано по: Денисов В.И. Ярмарки (К вопросу о подъеме экономических сил России). М., 1911; Струмилин С.Г. Очерки советской экономики. Ресурсы и перспективы. М.; Л. 1928.

3. Канделаки И. Роль ярмарок в русской торговле. СПб., 1914. С. 3–4.

4. Подсчеты стационарной торговли произведены: Струмилин С.Г. Указ. соч.

5. Подсчет производился по данным ЦСК за 1894 г. и результатам обследования МФ в 1904 г. Необходимо учитывать, что они могут расходиться. По региональным данным в 1894 г. в Томской губ. насчитывалось 68 ярмарок, в Тобольской губ. – 507, т.е. всего 575. В 1904 г. только в Тобольской губ. было 557 ярмарок. В Томской губ. около 200 ярмарок, т.е. более 700. Данные показывали общую тенденцию.

6. Сост. по: Обзор Тобольской губ. за 1903, 1904, 1907, 1908, 1911 гг. Тобольск, 1904, 1905, 1908, 1909, 1913; Дунин-Горкавич А.А. Справочная книжка Тобольской губ. Тобольск, 1904.

7. Денисов В.И. Указ. соч. С. 4.

8. Составлено: РГИА. Ф. 23. Оп. 7. Д. 301. Л. 46–49.

9. Подсчитано по: Памятные книжки Тобольской губ.; Обзоры Тобольской губ.

10. Обзор Тобольской губернии за 1911 г. Тобольск, 1913. С. 17.
11. Составлено: Дунин-Горкавич А.А. Справочная книжка Тобольской губ. Тобольск, 1904; Памятная книжка Тобольской губ. на 1906, 1909 г. Тобольск, 1906, 1909.
12. Сибирская жизнь. 1908. №5.

Ю.Н. Москвитин

Барнаульский юридический институт МВД РФ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1867–1917 гг.

В российском законодательстве второй половины XIX – начала XX вв. круг деятельности полиции не был четко обозначен. В ее обязанности входило решение целого ряда административных, судебных, уголовных, хозяйственных вопросов. На широкий спектр полномочий российской полиции указывали высшие правительственные чиновники, отечественные ученые-правоведы, зарубежные историки [1].

В Сибири, кроме общепринятых обязанностей, полиции приходилось выполнять и специфические задачи. Официальные власти признавали, что «...полицейские власти в Сибири несут такие сложные и ответственные обязанности, а вместе с тем имеют такие разнообразные права, что население до последнего времени привыкло смотреть на них как на главное и почти единственное начальство» [2, с. 47].

Реформа 1867 г. модернизировала принцип устройства административного аппарата полиции Томской губ., но в то же время не внесла в ее деятельность каких-либо кардинальных изменений. По-прежнему в ее обязанностях оставалось проведение следственных мероприятий при расследовании преступлений. В то время как в центральных губерниях России еще в 1860 г. появился закон о судебных следователях, согласно которому следственные действия полиции передавались специально назначенным министром юстиции по представлению губернского начальника судебным следователям, которые осуществляли проведение всех следственных мероприятий в отношении подозреваемых лиц [3, с. 72].

Насколько обременительными оставались для нее эти задачи, можно судить по материалам периодических губернских ревизий окружных полицейских управлений, когда из-за большого количе-

ства дел, находящихся на разбирательстве у полицейских чиновников, проведение следствия затягивалось даже по таким тяжким уголовным преступлениям, как убийства [4].

Ситуация изменилась только к концу XIX в., когда на Сибирь была распространена судебная реформа и полиция была освобождена от проведения следственных мероприятий.

Другая особенность в деятельности губернского полицейского аппарата связана с наличием в регионе ссыльных по политическим преступлениям в связи с увеличением количества ссыльных в губернии после подавления польского восстания 1863 г. В МВД в 1865–1866 гг. рассматривался вопрос о ссыльнопоселенцах, и в итоге Министерством внутренних дел было принято решение увеличить состав полицейских чинов и повысить им денежное содержание [5]. В выполнении задачи по надзору за политическими ссыльными общая полиция дублировала политическую полицию – жандармерию. Это выражалось в организации наружного наблюдения за ссыльными, перлюстрацией поступающей корреспонденции. Такая параллельная деятельность двух правоохранительных структур продолжалась до 80-х гг. XIX в., когда произошла реформа политической полиции, и она была подчинена МВД.

Отличительные особенности в деятельности томской полиции на протяжении рассматриваемого периода времени не оставались неизменными. В конце XIX – начале XX вв. в ее обязанностях стали проявляться новые отличительные черты, которые мы связываем с развитием переселенческого движения в Сибирь, переориентацией хозяйственной деятельности Кабинета на территории Алтайского округа и активизацией внешнеполитической деятельности государства на дальневосточном рубеже.

Быстрый рост городского населения в начале XX в. обострил проблему санитарного состояния городской жизни, обеспечение которой по закону возлагалось на полицию. С началом массового переселенческого движения, вызвавшего быстрый рост народонаселения, в городах увеличилась опасность возникновения инфекционных заболеваний. Жители быстрорастущих городов Томска, Барнаула, Бийска, Новониколаевска из-за отсутствия канализации и централизованных городских свалок вынуждены были свозить отходы к берегам рек, в результате чего весной создавалось экологически бедственное положение, когда вместе с талым снегом в реки смывалось все, что накапливалось за зиму на их берегах. Последовали распоряжения томского губернатора, специальные постановления

городских властей о мерах по соблюдению правил уборки дворов, тротуаров, дорог, в которых жителям городов категорически запрещалось загрязнять проезжую часть дороги и берега рек отходами бытовой деятельности. Городской полицейской команде предписывалось осуществлять наблюдение за соблюдением этих правил, а также штрафовать тех жителей, которые нарушали эти правила [6].

Другую сферу приложения сил полиции в XX в. составляла охрана лесных ресурсов Алтайского округа. Она велась в двух направлениях. Первое – это непосредственное участие в организации тушения лесных пожаров. Второе – это защита леса от незаконных порубок. Для выполнения последней задачи Кабинет содержал специальный штат лесной стражи. Складывалась ситуация, когда по закону полиция должна была охранять кабинетские леса, но на деле этим не занималась, полагаясь на ведомственную лесную стражу. Тем не менее полиции приходилось оказывать содействие управляющим имениями округа по охране лесов от бесконтрольных порубок. Лесные чины нередко обращались за помощью к полицейским исправникам, когда требовалось задержать злостных порубщиков. Полиция являлась реальной силой в уезде, способной оказать содействие ведомственным властям при наведении порядка в лесопользовании. Острота ситуации в вопросе обеспечения правопорядка на территории губернии достигла своего апогея в годы первой русской революции. Массовое неповиновение крестьян существующему законоположению проявилось при незаконной вырубке леса [7].

С началом русско-японской войны в обязанности полиции добавились работы по выполнению военно-мобилизационных мероприятий, связанные с переброской русской армии на дальневосточный театр военных действий. Полицейские чиновники были обязаны контролировать прибытие, размещение и своевременную отправку на восток формируемых воинских подразделений.

Таким образом, в деятельности полиции Томской губ. в последней трети XIX – начале XX вв. существовал ряд особенностей по сравнению с другими регионами России. Объяснение этому скрыто в ограниченном характере, по сравнению с европейскими губерниями России, проведения реформ второй половины XIX в., увеличением контингента политических ссыльных, развитием переселенческого движения в Сибирь, изменениями в хозяйственной деятельности Кабинета в Алтайском округе в конце XIX в. и дальневосточным кризисом во внешней политике государства.

Примечания

1. См.: Краткая объяснительная записка к заключению междуведомственной комиссии под председательством сенатора А.А. Макарова по преобразованию полиции в Империи. СПб., 1911. С. 103.; Тарасов И.Т. Полиция в эпоху реформ. М., 1885. С. 3–4.; Гессен В.М. Лекции по полицейскому праву. СПб., 1907–1908. С. 55.; Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 402–403.
2. Азиатская Россия: В 3-х т. Т. 1: Люди и порядки за Уралом. СПб., 1914.
3. Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж, 1989.
4. ЦХАФ АК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 2. Л. 4 об., 16, 19 об., 20.
5. РГИА. Ф. 128. Оп. 25. Д. 1556. Л. 26–31, 66–68.
6. ЦХАФ АК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 608. Л. 47.
7. Крестьянские волнения в Алтайском округе 1905–1907 гг. Барнаул, 1951. С. 32–35, 56–57.

М.О. Тяпкин

Алтайский государственный университет

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ НАРУШЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОХРАНЕ ЛЕСОВ ОТ ПОЖАРОВ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Борьба с лесными пожарами является первоочередной задачей лесоохранных структур и включает в себя реализацию предупредительных мер, ликвидацию очагов возгорания и преследование виновных в умышленном или случайном поджоге леса и других нарушениях. Среди причин пожаров значительную часть составляли умышленные поджоги и неосторожное обращение с огнем в лесах. Последнее во многом обуславливалось несколько небрежным отношением сибиряков к лесным богатствам, в особенности им не принадлежавшим. В такой ситуации роль предупредительных и карательных мер возрастала. Снизить число умышленных и случайных поджогов можно было лишь поселив уверенность в населении, что виновные неотвратимо понесут наказание, а это, к сожалению, не всегда удавалось. Взыскания за нарушение правил предосторожности в лесах, хотя бы и не приведшее к возникновению пожара, по мнению законодателя, не могли не оказывать воспитательного влияния на население [1].

Преследование всех лесонарушений, в том числе и связанных с лесными пожарами, представляет собой последовательность

действий от обнаружения преступления, составления необходимых документов, предварительного дознания, ведения следственных действий до административного или судебного рассмотрения, вынесения решения и приведения его в исполнение. Меры предосторожности от лесных пожаров были указаны в Лесных и Пожарных уставах, подзаконных актах общероссийского и местного значения, распоряжениях, приказах, циркулярах министерств и ведомств, по роду деятельности соприкасавшихся с охраной лесов. Ряд действий законодательно был категорически запрещен, например, выжигание полян внутри лесов. Выжигание травы и кустарника, раскладка костров, сидка смолы и т.д. были разрешены на определенных условиях, нарушение которых каралось законом.

На протяжении всего рассматриваемого периода обязанности по тушению пожаров лежали на жителях селений, расположенных рядом с лесными массивами. До начала второго десятилетия XX в. труд принимавших участие в тушении пожара никак не оплачивался, за исключением прибывших с расстояния 15 и более верст.

Спецификой преследования нарушений мер пожарной безопасности в лесах было то, что виновных в поджоге, случайном или умышленном, обнаружить и привлечь к ответственности, было чрезвычайно сложно. Отказы являться на пожар и опоздания на несколько дней получили очень широкое распространение и массовый характер. Процент раскрываемости поджогов был низок, несмотря на то, что законодательно была закреплена практика наказания чинов лесной стражи и пожарных старост, избираемых из крестьян, в виде обязанности возместить убытки от пожара, произошедшего по вине неизвестных лиц, оставшихся ненайденными [2].

Порядок преследования нарушений норм лесоохранного законодательства в кабинетских и казенных владениях был тождественен, что оговаривалось в «Учреждении об управлении Колывано-Воскресенскими горными заводами» 1828 г. и Лесных уставах 1842 и 1857 гг. [3]. В 1850-е гг. на Сибирь были распространены положения Лесного устава о наказаниях за поджоги казенных лесов. После судебной реформы, в 1866–1868 гг. на Томскую губ. были распространены «Временные правила о нарушениях узаконений о лесах, состоящих в ведомстве лесного и горного управлений». До введения Временных правил от 13 мая 1896 г. о применении судебных уставов в Сибири, в Томской губ. работала следственная и судебная процедура преследования лесонарушений, действовавшая в Европейской России еще до 1864 г.

При обнаружении виновных в совершении поджога (умышленного или случайного) уполномоченные агенты лесоохраны должны были составить протокол и обеспечить сбор и сохранность улики. По другим проступкам, как, например, нарушение правил пожарной безопасности в лесах, неявка на лесной пожар и др., а также когда лесные пожары происходили по вине неизвестных лиц, составлялись акты. Составленные протоколы и акты представлялись лесничему (управляющему имением) для внесения его в наблюдательный реестр.

Вплоть до 1897 г. лесная администрация не имела права решать дела о нарушениях пожарной безопасности в лесах своей властью. Практически каждое дело о нарушении Лесного устава, носящее уголовный характер, требовало производства формального следствия. Следствие по делам о лесонарушениях в казенных лесах вели становые приставы, представлявшие уездную земскую полицию. В своих действиях они сотрудничали с лесными чиновниками и волостными головами. В Алтайском горном округе при обнаружении виновного в поджоге леса доставляли в ближайшую Горную контору, к управителю, лесничему или лесной страже. Следствие производилось не земской, а горной полицией, а в деревнях, где проживали приписные крестьяне, – земскими управителями или чиновниками, командированными от горного ведомства. В случае успешной работы следствия обвиняемому предъявлялся иск в размере двойной стоимости поврежденного леса по таксе. Дальнейшее разбирательство происходило в Алтайском горном правлении, которое, рассмотрев материалы следствия, при неумышленном поджоге утверждало наложенное на виновного взыскание, а при умышленном – отсылало дело, в зависимости от места совершения преступления, предмета дела, звания и сословия, в военный или окружной суды, магистрат или ратушу.

В казенных лесах в обязанности полиции, волостных и сельских начальников входила проверка представленных лесными чинами сведений о преступлении и сообщение о факте нарушения судебному следователю или мировому судье. Поскольку полиция во второй половине XIX в. не имела права возбуждать дела по лесным нарушениям, совершенным в казенных лесах, то результаты дознания, произведенного по требованию лесных чинов, передавались в местное УГи, а не в суд.

В 1896 г. на Сибирь была распространена судебная реформа. Дела о лесных поджогах и других лесонарушениях рассматрива-

лись в мировых судах, если цена поврежденных лесных материалов не превышала 300 руб., и в окружных судах при превышении указанной суммы.

После принятия закона от 7 апреля 1897 г. лесной администрации казны и Кабинета было дано право решать, в числе прочих лесонарушений, дела о поджогах лесов с обвиняемым по обоюдному согласию, не доводя дела до судебного разбирательства. В случае отказа обвиняемого от добровольной уплаты денежного взыскания, дела по преступлениям, предусмотренным ст. 92, 95, 96, 98 Уст. о нак., налаг. мир. суд., подлежали рассмотрению в судебных учреждениях.

Возбуждение судебного преследования было возможно только после согласия лесной администрации. При представлении дела мировому судье лесная администрация вместе с протоколом должна была указать обвиняемого и свои доказательства, обстоятельства, увеличивающие или уменьшающие вину, а также размер причитающегося в пользу казны взыскания, причем не в виде итоговой цифры, а с подробным ее исчислением. С виновного в неумышленном поджоге взыскивалась не вся стоимость поврежденного леса, а лишь разница между таксовой стоимостью до пожара и после него. При этом горелый лес не мог присуждаться в пользу обвиняемых.

Приговор суда считался вступившим в силу в день оглашения в зале суда. Копия судебного решения присылалась на соглашение в УГИ, которому давалось право обжаловать его в течение двух недель со дня получения у прокурора окружного суда. Лесничий, как наиболее близкий представитель УГИ к уездным отделениям окружного суда, должен был явиться ко дню рассмотрения дела.

Законодательно были определены взыскания разного рода: за умышленный поджог, неосторожное обращение с огнем, приведшее к пожару (неумышленный поджог), неувка на тушение пожара, самовольное оставление места тушения. За умышленный поджог леса, считавшийся тяжким преступлением, ст. 1613 Улож. о нак. угол. и исправит, предполагала наказание в виде лишения всех прав состояния и отдачи в исправительные отделения сроком до 6 лет. При наличии отягчающих обстоятельств – совершении поджога несколькими людьми, в пожароопасное время, приведшее к гибели людей или строений, – наказание за поджог значительно повышалось.

В отношении лиц, нарушивших правила пожарной безопасности в лесу, применялась ст. 95 Уст. о нак., налаг. мир. суд., пред-

полагавшая в виде наказания за все виды нарушений денежный штраф в размере до 10 руб. К нарушению правил пожарной безопасности в лесах относилось разведение костров в непопложенном месте, в непопложенное время и с отступлениями от указанных в Лесных уставах инструкций [4]. Также в ст. 95 были указаны преступные случаи оставления огня незатушенным, выжигания кустарников и травы (кроме расположенных на полянах внутри лесных дач), сидки смолы и дегтя, углежжения без соблюдения правил и т.п. Один из параграфов ст. 95, предусматривавший наказание за курение в лесу в пожароопасный период законом от 21 декабря 1876 г., был трансформирован в самостоятельную ст. 92 того же Устава, при этом размер взыскания остался прежним. За совершение проступков, предусмотренных ст. 92–95 Уст. о нак., налаг. мир. суд., в результате которых произошел неумышленный поджог леса, виновные подвергались, согласно ст. 98 того же Устава, аресту до одного месяца или денежному взысканию до 100 руб.

Неявка на тушение пожара и самовольный уход с него без уважительных причин являлись предметом ст. 96. Преступным недеянием считалось необъявление о пожаре полиции (ст. 97). Санкции по этим двум статьям заключались в денежных штрафах до 10 руб.

Одним из видов внесудебных санкций по отношению к селениям, близ которых произошел лесной пожар, была инициатива начальника Алтайского округа, предлагавшего прекратить отвод для крестьян делянок из пострадавшей дачи [5].

Таким образом, в Томской губ. в середине XIX – начале XX в. преследованию нарушений правил пожарной безопасности отводилось значительное место в системе борьбы с лесными пожарами. Вместе с тем трудности изобличения преступника, медленность судопроизводства, незначительность наказания (преимущественно в виде штрафов), отсутствие оперативности при приведении приговора в исполнение и ряд других факторов позволяли виновникам лесных пожаров оставаться безнаказанными.

Примечания

1. Сборник правил, приказов и циркуляров по Алтайскому округу. Барнаул, 1913. Т. I. С. 691.

2. Свод законов Российской империи. Изд. 1857 г. Т. 8. СПб., 1857. С. 269.

3. Учреждение об управлении Колывано-Воскресенскими горными заводами 1828 г. Б.м., б.г. С. 19. Ст. 160; ЦХАФ АК Ф. 2. Оп. 2. Д. 7212. Л. 27.

4. Неклюдов Н. Руководство для мировых судей: Уставы о наказаниях. Изд. 2-е. СПб., 1874. Т. 2. С. 447.

5. ЦХАФ АК Ф. 4. Оп. 1. Д. 4093. Л. 37.

С.А. Абрамитов

Иркутский государственный университет

**К ИСТОРИИ ПОПЫТОК ВВЕДЕНИЯ ИНСТИТУТА
ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ
В ИРКУТСКОМ ОКРУЖНОМ СУДЕ
(1897 – февраль 1917 гг.)**

Публикаций на тему попыток введения института присяжных заседателей в Иркутском окружном суде нет. Дореволюционная, советская и постсоветская историография и авторы юридических исследований вообще не ставили перед собой подобной задачи. В данном исследовании на основе делопроизводственных материалов Государственного архива Иркутской области (ГАИО): фонд 243 – Иркутский окружной суд, фонд 245 – прокурор Иркутской судебной палаты и фонд 246 – Иркутская судебная палата, проанализированы сведения о работе совещаний и комиссий, обсуждавших вопрос о возможности и желательности введения в Иркутской губ., территория которой входила в округ Иркутского окружного суда, суда присяжных заседателей, что позволило оценить уровень готовности губернии к введению суда присяжных.

20 ноября 1864 г. в Российской империи были приняты Судебные уставы, которые провозгласили принципиально новую организацию судебных органов в стране, принципиально новые формы судопроизводства. Судебные уставы предусматривали создание института присяжных заседателей, которые участвовали в рассмотрении уголовных дел в окружном суде. Судебные учреждения нового устройства в различных местностях создавались в разное время, причем допускались существенные отступления от уставов 1864 г. В 1896 г., через 32 года после утверждения Судебных уставов императором Александром II, правительство приняло решение о распространении их на территории губерний Сибири. 13 мая 1896 г. императором Николаем II было утверждено мнение Государственного совета «О применении судебных уставов к губерниям и областям Сибири и об утверждении временных штатов судебных установлений названных губерний и областей и временного дополни-

тельного штата Казанской судебной палаты», которым были введены в действие «Временные правила о применении судебных уставов к губерниям и областям Сибири», «Временные штаты судебных установлений в губерниях и областях Сибири», а также «Расписание окружных судов по округам Казанской и Иркутской судебных палат». После введения данного закона в действие в Иркутске был учрежден окружной суд. «Журнал министерства юстиции» сообщил, что 2 июля 1897 г. были открыты Иркутская судебная палата и входящие в ее округ Иркутский окружной суд, а также Тобольский, Томский, Красноярский, Читинский, Благовещенский, Владивостокский, Якутский окружные суды, с прокурорским надзором, мировыми и нотариальными установлениями [1]. Присяжные заседатели никакого участия в деятельности открытых окружных судов, в том числе Иркутского окружного суда, не принимали. Правительство не стало вводить этот институт в Сибири. Это, как и ряд других отступлений от общих постановлений Судебных уставов, было обусловлено обширностью сибирских губерний и областей, редкостью населения и отсутствием устроенных путей сообщения [2].

Впервые вопрос о введении суда присяжных заседателей в округе Иркутской судебной палаты, в том числе в Иркутском окружном суде, был поставлен на обсуждение в 1898 г. комиссией при министерстве юстиции по пересмотру законоположений по судебной части. В составленной старшим председателем Иркутской судебной палаты Г.В. Кастриото-Скандербек-Дрекаловичем записке, представленной директору первого департамента министерства юстиции в декабре 1899 г., признавалось введение суда присяжных заседателей в Сибири невозможным, ввиду малонаселенности Сибири и, в частности, малого числа лиц, соответствующих условиям установленного законом ценза для присяжных, громадности расстояний и вытекающей отсюда тяжести повинности присяжных заседателей для населения [3]. Отвечая на вопрос о возможности введения суда присяжных непосредственно в Иркутской губ., старший председатель Иркутской судебной палаты охарактеризовал степень грамотности населения губернии, экономические условия жизни населения, а также состав населения. По мнению Кастриото-Скандербек-Дрекаловича, народное образование в Иркутской губ., за исключением города Иркутска, было развито слабо: в 1892 г., при населении 465428 человек, было всего 427

учебных заведений, учащихся – 11112. Ко всему населению губернии учащиеся составляли 2,1%, к населению городов 7,7%, округов – 1,2%. В Иркутской губ. одна школа приходилась на 11779 человек. Исходя из того, что закон требовал от присяжных знания русского языка и умения читать по-русски, старший председатель Иркутской судебной палаты заключил, что значительная часть населения, в особенности сельского, была не в состоянии выставить в составе суда присяжных достаточный контингент своих представителей.

Характеризуя соответствие населения Иркутской губ. имущественному цензу, который ставился условием для участия населения в присяжных заседателях, Кастриото-Скандербек-Дрекалович отметил, что недвижимая собственность, как фактически, так и юридически, находилась еще в процессе образования и в виду крайней неопределенности правового и экономического положения ее не могла быть подвергнута правильному учету и надлежащей оценке. Меры, принимаемые правительством для упорядочения крестьянского землепользования, были еще не закончены. Так, пространство Иркутской губ. (до 90%) было не обмежевано. Фабричная и заводская промышленность была не в состоянии удовлетворить даже местный спрос. Что же касается торговли, то таковая хотя была и развита в губернии, но торговые пункты были сосредоточены исключительно по Московскому тракту, по линии железной дороги.

Характеризуя состав населения Иркутской губ., старший председатель Иркутской судебной палаты отметил, что переселенческое движение не успело обнаружить положительных результатов в даче здорового в нравственном отношении элемента населения, поскольку заселение края главным образом производилось ссыльными административно и по суду. Так, по данным, относящимся к 1892 г., в Иркутской губ. ссыльнопоселенцев и водворяемых рабочих числилось 29218, поселенцев из ссыlnокааторжных – 5441. По мнению Кастриото-Скандербек-Дрекаловича, ссыльный элемент имел определяющее значение при оценке нравственной благонадежности местного населения, в состав которого входили ссыльные. Местное население было не в состоянии отнестись беспристрастно к оценке совершаемого в его среде ссыльным преступления. Старший председатель отметил и то, что значительное пространство губернии было заселено инородцами, которые харак-

теризовались низкой степенью культурного состояния, большинство из них не владело русским языком и не имело прочной оседлости. Так, по данным 1892 г., в Иркутской губ. числилось инородцев: оседлых – 14178, кочевых – 103633, бродячих – 2085. Исходя из вышеназванных характеристик старший председатель Иркутской судебной палаты Г.В. Кастриото-Скандербек-Дрекалович заключил, что введение суда присяжных в Иркутской губ., за исключением города Иркутска, невозможно. Только в Иркутске нашлось достаточное количество лиц, удовлетворяющих требованиям предъявляемых к присяжным. В Иркутске оказалось таких 1647 человек. Но, по мнению старшего председателя Иркутской судебной палаты, введение суда присяжных для одного только Иркутска было нецелесообразно, поскольку поставило бы его обывателей в более привилегированное положение по сравнению с населением губернии, проживающим вне Иркутска [4].

Повторно вопрос о возможности введения суда присяжных ставился министерством юстиции перед старшим председателем Иркутской судебной палаты в 1904 г. Старший председатель Иркутской судебной палаты Н.П. Ераков в своем заключении дал отрицательный ответ, ввиду того что условия общественной жизни и состав населения Сибири за истекшие пять лет с момента ответа на запрос комиссии по пересмотру законоположений по судебной части почти не изменились и при введении суда присяжных заседателей в Сибири возникли бы непреодолимые затруднения при образовании составов присяжных в сессии окружных судов вне губернских или областных городов, в частности возникли бы затруднения при образовании состава присяжных заседателей в каждую сессию Иркутского окружного суда вне города Иркутска [5].

В 1908 г. старший председатель Иркутской судебной палаты письменно доложил министру юстиции И.Г. Щегловитову свое мнение о возможности и желательности введения суда присяжных заседателей в Иркутском судебном округе, мотивируя это тем, что изменились условия сибирской жизни вследствие притока переселенцев, развития промышленности и общего подъема культуры в крае [3, л. 1]. В 1909 г. по приказанию министра юстиции, статс-секретаря И.Г. Щегловитова вопрос о введении суда присяжных был поставлен перед губернаторами Иркутской и Енисейской губ. и Забайкальской области [3, л. 4]. В Иркутской и Енисейской губ., а также в Забайкальской области были образованы комиссии для со-

ставления списков лиц, удовлетворяющих условиям установленного законом ценза для присяжных заседателей и созданы под председательством губернаторов с участием председателей и прокуроров окружных судов совещания для обсуждения вопроса о возможности и желательности введения суда присяжных [3, л. 91]. В Иркутской губ. губернатором было сделано распоряжение о собрании по уездам сведений о числе лиц, отвечавших имущественным, служебным цензам и прочим условиям, установленным законом для включения в списки присяжных заседателей. Сбор этих сведений в Иркутской губ. был возложен на особые местные комиссии, образованные в каждом уезде под председательством одного из местных участковых мировых судей, по назначению общего собрания отделений Иркутского окружного суда, в составе участковых мировых судей, крестьянских начальников, уездного исправника, городского головы или городского старосты, местного товарища прокурора Иркутского окружного суда и местного судебного следователя Иркутского окружного суда, а также податного инспектора [6]. По получении сведений от местных комиссий, иркутским губернатором было образовано особое совещание, которое под его председательством и при участии председателя Иркутского окружного суда Н.А. Татаровского и прокурора Иркутского окружного суда В.В. Туношенского, обсудило вопрос о возможности и желательности по местным условиям введения в губернии суда присяжных. Особое совещание высказалось за возможность введения в Иркутской губ. суда присяжных заседателей. Сомнение вызвал только Киренский уезд. Особое совещание в заседании, проходившем 18 октября 1910 г., отметило, что при трех предполагаемых выездных сессиях Иркутского окружного суда в городе Киренске, в котором рассматривались дела, возникшие в Киренском уезде, число лиц, имевших право быть присяжными заседателями, в этом уезде было недостаточно, а именно количество лиц, имевших право быть присяжными заседателями, – 168 человек, а для каждой сессии суда было необходимо 60 человек. Совещание просило для Киренского уезда число присяжных в сессию Иркутского окружного суда в Киренске уменьшить до 40 человек [3, л. 93]. Особое совещание не признало возможным исключить Киренский уезд из числа местностей с судом присяжных в целях исключения нежелательной «пестроты» в отправлении уголовного правосудия, которая была бы неизбежна при функционировании в одной и той же гу-

бернии коронного суда и суда присяжных. Все совещания, образованные в губерниях и областях Восточной Сибири, высказались за возможность, своевременность и желательность введения в крае суда присяжных заседателей. К этому мнению отрицательно отнесся Иркутский генерал-губернатор Л.М. Князев. В декабре 1910 г. Князев в своем заключении, с которым согласился Совет министров в январе 1912 г., признал введение суда присяжных в указанных выше местностях Иркутского генерал-губернаторства возможным, с точки зрения наличия достаточного количества лиц, могущих исполнять обязанности присяжных заседателей, но несвоевременным. Иркутский генерал-губернатор в качестве мотивов несвоевременности введения суда присяжных указал крайнюю разбросанность и редкость населенных мест в крае, при почти совершенной, за недостатком полицейской охраны, необеспеченности имущественной и личной безопасности населения при наличии чрезвычайного скопления в Сибирском крае ссыльных, которые имели громадное нравственное влияние на местных жителей и в результате чего эти последние под давлением ссыльнопоселенцев и из опасения мести могли выносить несправедливые вердикты [3, л. 4]. Благодаря заключению иркутского генерал-губернатора Князева введение суда присяжных в Восточной Сибири было отложено на неопределенное время.

В мае 1909 г. состоялось введение суда присяжных в части Сибири, в округе Омской судебной палаты. В этнографическом и культурном отношении округ этот находился в одинаковых условиях с Иркутским судебным округом. Иркутский генерал-губернатор Л.М. Князев после личных переговоров со старшим председателем Иркутской судебной палаты Н.П. Ераковым и Иркутским, енисейским и забайкальским губернаторами в письме от 30 апреля 1914 г. статс-секретарю И.Г. Щегловитову высказался за своевременность и желательность введения в Иркутской и Енисейской губ., в Забайкальской области суда присяжных заседателей. Л.М. Князев мотивировал свою позицию тем, что бытовые и экономические условия жизни в некоторых местностях Сибири настолько изменились к лучшему, что повлияли существенным образом на культурное развитие местного населения и что в этом отношении весьма важным фактором явились большие размеры переселенческого движения в Восточной Сибири [3, л. 4, 91]. Министерство юстиции в июне 1914 года вошло с предложением к иркутскому,

енисейскому и забайкальскому губернаторам по образованию таких же, как и в 1909 г., комиссий и совещаний для рассмотрения вопроса о возможности и желательности введения суда присяжных [3, л. 91–92]. Учрежденные таким образом комиссии работали в 1914–1915 гг. Результаты работы этих комиссий представлялись в Министерство юстиции вместе с заключениями губернаторов о том, насколько в зависимости от притока переселенцев, от развития местной торговой и промышленной жизни, от распространения грамотности и других условий поднялся культурный уровень населения и насколько это население является подготовленным к несению обязанностей присяжных заседателей. Поставленный министерством юстиции вопрос, как и в 1909–1910 гг., разрешался везде утвердительно. Как и в 1910 г. Иркутская комиссия высказала сомнение в возможности осуществления реформы только в Киренском уезде, исходя из крайней малочисленности населения вообще этой местности и лиц, могущих быть призванными к отправлению обязанностей присяжных заседателей в частности. Все же комиссия признала желательным и возможным введение суда присяжных для Киренского уезда и для Иркутской губ. в целом, обосновывая свою позицию тем, что в таком важном деле, как отправление уголовного правосудия, недопустимо иметь какую-то «пестроту», в силу которой в одной и той же губернии в одно время будет действовать суд присяжных и коронный суд [3, л. 5]. По получении с мест затребованных сведений министерство юстиции предполагало выработать и внести в законодательные органы соответствующий законопроект, но по причине начавшейся Первой мировой войны и последовавшей затем Февральской революции дело по введению института присяжных заседателей в Иркутском окружном суде не получило дальнейшего движения.

Таким образом, с июля 1897 г. по февраль 1917 г. вопрос о возможности введения в Иркутской губ., территория которой входила в округ Иркутского окружного суда, суда присяжных заседателей, ставился перед высшими иркутскими судебными и административными властями четыре раза. Ответом на вопрос, который был поставлен в 1898 и 1904 гг., стало признание того, что достаточное количество лиц, удовлетворяющих требованиям, предъявляемым к присяжным, оказалось только в месте постоянного пребывания Иркутского окружного суда, в городе Иркутске. Это исключало образование составов присяжных в выездные сессии ок-

ружного суда, следовательно, и исключало возможность введения института присяжных заседателей в Иркутском окружном суде. Ответом на вопрос, который был поставлен в 1909 и 1914 гг., стало признание возможности введения суда присяжных на всей территории Иркутской губ., а значит и в окружном суде. Можно говорить о том, что только с 1909–1910 гг. по экономическим условиям жизни и степени грамотности населения Иркутская губ. стала готова к введению института присяжных заседателей в Иркутском окружном суде.

Примечания

1. Открытие Иркутских судебной палаты и окружного суда // Журнал министерства юстиции. 1897. №7. С. 121, 134.
2. Домерщиков М.П. Временные правила о применении судебных уставов в губерниях и областях Сибири, с законодательными мотивами и разъяснениями. СПб., 1897. С. III.
3. ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 476. Л. 1.
4. ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 81. Л. 12–13, 16–18.
5. ГАИО. Ф. 246. Оп. 6. Д. 11а. Л. 45–47.
6. ГАИО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 564. Л. 298.

Д.А. Глазунов

Алтайский государственный университет

О СОЗДАНИИ СУДА ПРИСЯЖНЫХ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

(к вопросу о предпосылках появления института)

Современная историография наиболее последовательно изучила принципы судоустройства и судопроизводства второй половины XIX – начала XX в., выявила их динамику и региональную специфику. Проблемы организации и деятельности органов правосудия такого обширного региона, как Сибирь, во многом решены благодаря работам С.В. Чечелева, Е.А. Крестьянникова [1]. Тем не менее, несмотря на наличие диссертационных исследований, перед учеными осталось много дискуссионных и нерешенных вопросов. Среди прочих особое место занимает отношение самодержавного правительства к институту присяжных заседателей. Большинство исследователей подчеркивают негативную сторону явления, показывая стремление государственной власти или ограничить компетенцию, или вовсе ликвидировать этот демократический судебный

орган. При этом ученые не берут во внимание степень готовности самого населения участвовать в правосудии в качестве присяжного жюри. Цель нашего сообщения заключается в том, чтобы рассмотреть этот вопрос на материалах Томской губ.

Временные правила от 13 мая 1896 г. вводили в Сибири новую систему судоустройства и судопроизводства, которая была во многом идентична европейским аналогам. Одной из особенностей судов Сибири было отсутствие института присяжных заседателей. Сибирская общественность объясняла позицию реформаторов колониальным статусом региона, незнанием реального положения дел на окраине, недоверием к населению и перекладывала ответственность на правительство [2]. Но проблема коренилась не только в позиции центральной власти, но и в материальном положении представителей сибирского общества. Напомним, что в Судебных уставах 1864 г. был установлен имущественный ценз, который был взят за основу функционирования института присяжных заседателей. В конце XIX в. в Сибири присяжными заседателями могли быть лица, владевшие на праве собственности землею в количестве не менее 20 десятин или другой недвижимостью стоимостью не менее 500 руб., получавшие вознаграждение за свой труд или службу более 400 руб., а также купцы 1 и 2 гильдий и представители сельской администрации.

В начале XX столетия Министерство юстиции предприняло серьезную попытку ввести суд присяжных на территории Сибири. Для этой цели в конце 1900 г. было учреждено особое совещание, где обсуждался вопрос о введении суда присяжных в Томской губ. Выводы совещания вызывают большой интерес, так как наглядно показывают, что нормы, которые были установлены для Европейской России, затрудняли участие сибиряков в правосудии в качестве присяжного жюри. Например, в Каинском уезде число лиц, которые могли выступать в качестве присяжных заседателей, было недостаточным для составления списков присяжного жюри. В таких уездах, как Барнаульский, Кузнецкий и Змеиногорский, их было немногим больше, чем требовалось (33, 22 и 6) [3]. На наш взгляд, основным препятствием к учреждению присяжных заседателей было отсутствие частной собственности на землю в Сибири и преимущественно натуральный характер хозяйства региона.

Возвращаясь к материалам особого совещания, подчеркнем, что наиболее благоприятная ситуация была в Томском, Мариинском

и Бийском уездах, где нужный лимит был превышен на 1113, 135 и 79 человек. Однако у нас возникают сомнения в достоверности данных о стоимости имущества, к которым апеллировало особое совещание. Наиболее рельефно это демонстрируют документы Бийской городской управы. Сравнительный анализ стоимости имущества за 1900, 1909, 1911 и 1912 гг. показывает наличие значительных ошибок и неточностей, которые не были приняты во внимание особым совещанием. Например, по сведениям городской управы число жителей Бийска, цена имущества которых превышала 500 руб., в 1900 г. превосходило показатели 1909 г. в три раза, а 1911 г. – в два раза [4], что демонстрирует несовершенство оценки городской недвижимости. Поэтому, сопоставляя данные 1900 и 1912 гг., выходит, что стоимость недвижимости населения Бийска за двенадцать лет упала на 5170 руб. [5]. Поименный анализ владельцев домов показал, что у 66 человек из выявленных нами 86, которые фигурировали в списках 1900 и 1912 гг., цена имущества за 12 лет уменьшилась [6]. Другими словами, данные рубежа XIX–XX вв. о лицах, соответствовавших цензу присяжных заседателей, были значительно завышены в материалах особого совещания.

Учитывая специфичность региона, совещание предложило расширить ценз за счет включения в списки присяжных лиц, которые владели имуществом по праву пользования или закончили городские и уездные училища. Благодаря этому, число присяжных могло значительно увеличиться. Но вопрос о правомерности таких предложений остается открытым, потому что для их реализации требовалась длительная процедура внесения изменений в законодательство и определение особых норм для Сибири.

Ситуация кардинальным образом меняется к 1909 г., когда был учрежден институт присяжных заседателей. Число лиц, удовлетворявших условиям ценза присяжных судей, выросло в несколько раз. Краеугольным камнем в этом процессе стало массовое переселение, которое началось с 1906 г. Появление новых административных единиц расширило круг сельской и волостной администрации, представители которой привлекались в ряды присяжных судей. Например, число волостей в Барнаульском уезде за первое десятилетие XX в. выросло почти в 3 раза [7].

Развитие экономики увеличило материальное благосостояние населения, хотя степень этих изменений не стоит преувеличивать. В 1908 г. средняя стоимость имущества в крупных городских

центрах (в Томске – 144 руб., Барнауле – 82 руб., Новониколаевске – 48 руб. [8]) значительно уступала 500-рублевому цензу, который был предусмотрен для присяжных заседателей «Учреждением судебных установлений» от 20 ноября 1864 г. Поэтому говорить о демократическом характере суда присяжных не приходится. Но в поселениях городского типа вырос доход, который позволял привлекать отдельные слои населения в ряды присяжных. Для Томской губ. главным обстоятельством стало выделение кабинетских земель городам и заводским поселкам, что в свою очередь значительно увеличило число собственников на землю [9].

В завершение хотелось бы отметить, что до введения суда присяжных в Томской губ. особое развитие получили такие институты, как почетные мировые судьи и суд с сословными представителями. Оба института напоминали суд шеффенов (судебный институт, где народные представители определяли виновность подсудимого вместе с судьями, стоявшими на государственной службе).

Таким образом, отсутствие частной собственности на землю в Сибири, натуральный характер хозяйства, невысокий уровень материального благосостояния населения в конце XIX в. не позволяли внедрить в систему правосудия институт присяжных заседателей. Однако к концу первого десятилетия XX в. ситуация кардинальным образом изменилась. Бурное экономическое развитие региона, массовое переселение и политика государства позволили преодолеть препятствия для учреждения суда присяжных.

Примечания

1. Крестьянников Е.А. Судебные преобразования в Западной Сибири в 1885–1917 годах: Дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2002; Чечелев С.В. Судебная реформа в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
2. Восточное обозрение. 1897. №126. С. 3.
3. ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2. Л. 112–113 об, 116–117 об.
4. ЦХАФ АК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 287. Л. 6–40; Д. 291. Л. 10 а. – 16. об., 45–51.
5. Там же. Д. 320. Л. 82–90, 287. Л. 6–40.
6. Мы не брали во внимание дома, которые унаследовали жены.
7. Томские губернские ведомости. 1900. №16. С. 1; Памятная книжка Томской губернии на 1913. Томск, 1913.
8. Томские губернские ведомости. 1909. №27. С. 1.
9. ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4063. Л. 47.

И.А. Еремин

Барнаульский государственный педагогический университет

**ПРИЕМ И РАЗМЕЩЕНИЕ БЕЖЕНЦЕВ
В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Первая мировая война повлекла за собой крупномасштабные миграционные потоки. Сотни тысяч людей, проживавших в западных губерниях Российской империи, вынуждены были спасаться бегством от разрушительных последствий развернувшихся в их родных местах военных действий. О масштабах народной трагедии говорят цифры Отдела по устройству беженцев. По данным на 1 мая 1916 г. в России было около 3,2 млн беженцев [1].

Главное руководство всем делом по обеспечению нужд беженцев принадлежало Министерству внутренних дел (МВД), в структуре которого было образовано особое управление – Отдел по устройству беженцев во главе с бывшим членом Государственного совета графом А.И. Тышкевичем. 30 августа 1915 г. Государственной Думой был принят закон «Об обеспечении прав беженцев». Все расходы по обустройству беженцев были отнесены на средства Государственного казначейства. С целью обеспечения всех мероприятий по приему, размещению и обеспечению беженцев, а также четкого контроля над расходуемыми средствами, было образовано совещание под председательством министра внутренних дел. Что касается финансовой поддержки, то с начала беженского движения и по сентябрь 1916 г. в распоряжение МВД на удовлетворение нужд беженцев было отпущено из средств казначейства 320 млн руб. [2].

Для координации деятельности между аппаратом МВД и местными властями в лице губернаторов и градоначальников назначались особые главноуполномоченные по устройству беженцев внутри империи. Таким образом, к началу 1916 г. в стране была создана четко оформленная властная вертикаль, которая была призвана заниматься проблемами беженцев.

При всей своей географической удаленности от театра военных действий, Сибирь тем не менее стала местом массового притока беженцев из Европейской России. Основной поток беженцев приходится на 1915 г., когда русская армия под натиском превосходящих сил австро-германской коалиции вынуждена была оставить значительные территории на западе страны. По некоторым

оценкам, уже осенью 1915 г. в Сибири находилось свыше 160 тыс. беженцев. Значительная их часть была размещена в населенных пунктах Томской губ. По предложению томского губернатора В. Дудинского, в конце лета – начале осени 1915 г. в уездах и уездных городах стали создаваться местные комитеты для оказания помощи беженцам [3]. Местные комитеты должны были работать под руководством губернского комитета о беженцах.

Первоочередная задача органов власти заключалась в организации учета и размещении прибывающих в губернию беженцев. Масштаб работы был огромен. По данным В. Дудинского, только с 1 августа по 1 ноября 1915 г. через губернию проследовало около 63 тыс. человек беженцев, из них до 28 тыс. человек были расселены в ее населенных пунктах [4]. В октябре 1915 г. в Томске под председательством губернатора В. Дудинского состоялся съезд глав городского самоуправления для решения вопросов по организации помощи беженцам. На съезде было решено распределительный пункт беженцев по губернии и далее на восток Сибири организовать в Ново-николаевске. Участники съезда согласовали количество беженцев, которое может принять каждый в отдельности город Томской губ. Так, для Барнаула это количество было определено в 2 тыс. человек, а для Бийска – в 700–800 человек [5]. Именно губернским и городским властям приходилось совместно с МВД и Государственным казначейством нести расходы на помощь беженцам. Суммы, запрашиваемые местными комитетами, были весьма значительными. Годовая смета расходов, например, Барнаульского комитета, направленная в губернскую администрацию в ноябре 1915 г., выражалась в сумме 168048 руб. [6].

Губернские власти с самого начала работы пытались настроить местные комитеты на конкретную заботу о каждом отдельном беженце. В частности, в циркуляре председателям уездных комитетов о беженцах от 23 ноября 1915 г. за подписью заведующего делами губернского комитета Б. Войниловича подчеркивалось, что некоторые комитеты на возложенное на них дело смотрят слишком формально, мало интересуются положением беженцев. Местным комитетам настоятельно рекомендовалось детально выяснять, все ли беженцы обеспечены жильем, питанием и пайками [7]. Следует отметить также, что губернская администрация стремилась контролировать ситуацию с беженцами через получение от городских и уездных комитетов практически еженедельной отчетности. Соглас-

но циркуляру от 25 ноября 1915 г., местные комитеты должны были доставлять в губернский комитет все сведения о беженцах 4 раза в месяц, на 1, 8, 15 и 22 число каждого месяца [8].

У комитетов были общие проблемы – нехватка средств, помещений, теплой одежды, медикаментов. И все-таки эти проблемы решались при опоре на разнообразную помощь местного населения. Большую роль в мобилизации общественных сил для помощи беженцам играла пресса. Газеты предоставляли свои полосы для объявлений, которые размещали местные комитеты помощи беженцам. Через прессу местные общественные и благотворительные организации обращались к населению с призывом оказывать посильную помощь беженцам. Примеров бескорыстной помощи беженцам в этот период было великое множество. Только в Барнауле за первую половину сентября 1915 г. 54 беженца были взяты на полное иждивение местными частными лицами и учреждениями [9]. Отзывчивость к нуждам беженцев со стороны населения губернии проявлялось и в том, что оно охотно поддерживало всероссийские акции благотворительных комитетов. Это прежде всего относится к всероссийскому сбору пожертвований 29–31 мая 1915 г. в пользу Комитета Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий. Всего жители Томской губ. пожертвовали Комитету 25191 руб. 88 коп. [10]. А сельские жители губернии, кроме того, оказали дополнительную помощь проживающим в деревнях многочисленным беженцам, приняв самое деятельное участие осенью 1915 г. в сборе пожертвований под названием «Ковш зерна нового урожая». Этот сбор во всероссийском масштабе был также инициирован Комитетом Великой Княжны Татьяны Николаевны.

У беженцев, размещенных в губернии, как правило, отсутствовали нормальные бытовые условия. Типичной можно считать картину санитарно-гигиенического состояния беженцев, которую в конце 1915 г. представила во врачебно-санитарный совет г. Томска санитарный врач О. Куткина. Врачом был произведен осмотр на станции Томск-2 бараков переселенческого ведомства, занятых беженцами. В двух небольших деревянных домах, способных вместить до 60 человек, находилось около 250 беженцев. По нормам, выработанным Всероссийским союзом городов, на каждого беженца должно приходиться не менее 1 куб.м воздуха, а на обитателей бараков приходилось всего лишь 1/5 куб.м. Медицинская помощь

была минимальной. Приемный покой переселенческого ведомства был рассчитан всего на 9 кроватей. Ни бани, ни прачечной при бараках не было [11]. И не случайно то, что главными очагами распространения инфекционных заболеваний в губернии в годы войны были прежде всего те места, где проживали беженцы.

Еще более трудная ситуация для беженцев сложилась в сфере трудоустройства. Власти были заинтересованы в том, чтобы трудоспособные беженцы как можно быстрее находили себе работу и заработок. Согласно правительственным правилам, на продовольственную и квартирную помощь от государства могли претендовать дети до 14 лет, нетрудоспособные, принятые на сельскохозяйственные работы, а также один из трудоспособных членов семьи, вынужденный присматривать за детьми. Те же из беженцев, кто уклонялся от приемлемых и соответствующих их знаниям и навыкам заработков, лишались казенного пайка. Основная масса трудоспособных беженцев из западных губерний с большим желанием занималась поиском работы. Но, имея, как правило, более высокую профессиональную квалификацию, чем у местного населения, они нередко просили за свой труд и большую зарплату. Не встречая согласия местных работодателей на свои предложения, такие беженцы стремились вернуться на государственное довольствие. Учитывая аграрный характер региона, томская губернская администрация пыталась направить большую часть трудоспособных беженцев на сельскохозяйственные работы. Этому, в частности, было посвящено заседание губернского управления 29 февраля 1916 г. На февраль 1916 г. из общего числа беженцев в губернии в 34202 человека трудоспособными были признаны порядка 6 тыс. человек. Упор был сделан на выселение осевших в городах беженцев в сельскую местность для работы в крестьянских хозяйствах [12]. Однако такие меры были далеко не всегда эффективными. Сельские хозяева в губернии зачастую предпочитали пользоваться дешевым трудом военнопленных австрийцев, о чем поведали, например, в начале лета 1916 г. беженцы из Новониколаевска, которые по этой причине так и не смогли трудоустроиться в деревне [13]. За годы войны создать эффективную систему трудоустройства для основной массы беженцев местные власти не смогли. И это, несмотря на явный дефицит рабочей силы в регионе из-за массовой мобилизации.

Тем не менее губернским и местным властям в годы войны удалось не допустить гуманитарной катастрофы и избежать крупных социальных волнений среди беженцев.

Примечания

1. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 42. Л. 537.
2. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 42. Л. 537.
3. ЦХАФ АК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 34. Л. 157–157 об.
4. ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 43. Л. 15.
5. Жизнь Алтая. 1915. 21 окт.
6. Жизнь Алтая. 1915. 20 ноября.
7. ЦХАФ АК. Ф. 174. Оп. 1 Д. 320. Л. 146.
8. ЦХАФ АК. Ф. 174. Оп. 1 Д. 330. Л. 26.
9. Жизнь Алтая. 1915. 22 сент.
10. Жизнь Алтая. 1915. 2 сент.
11. Сибирская жизнь. 1916. 3 янв.
12. ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 88. Л. 2–2 об.
13. ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 88. Л. 94.

И.В. Нам

Томский государственный университет

ЧИСЛЕННОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ БЕЖЕНЦЕВ В СИБИРИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война породила проблему беженства из оккупированных и прифронтовых районов, которое существенно повлияло на усложнение национального состава внутренних губерний и областей России, принявших беженцев. Начало военных действий в конце 1914 – начале 1915 гг. на западных границах России и в Закавказье, военные неудачи 1915 г. привели к появлению в стране первых сотен тысяч беженцев, большинство которых расселилось в прифронтовой местности. В 1915 г. (апрель–декабрь) отступление русских войск на западном театре военных действий с потерей Галиции, Польши, Литвы, части Прибалтики и Белоруссии привело к депортации жителей прифронтовых районов в глубь страны. В первую очередь выселили, обвинив в «шпионстве» и «враждебном» отношении к интересам России, еврейское население российского пограничья и уроженцев Восточной Галиции – подданных Австро-Венгрии, но особо опасными были признаны немцы-колонисты Волынской и других юго-западных губерний, которых депортировали в тыл «под надзор полиции». Летом 1915 г. на восток направился многомиллионный поток эвакуированных из числа украин-

цев, а также поляков, русских, белорусов [1, с. 80–81]. Волна беженцев и выселенцев, следовавших без всякого плана, застала местные власти врасплох. Неустроенные беженцы неделями проживали в вагонах, переезжая с места на место. В пути умирало свыше 16% беженцев.

Массовое прибытие беженцев с западного театра военных действий в тыловые губернии Российской империи началось в июле–августе, достигло максимума в сентябре–октябре, завершилось в ноябре–декабре 1915 г. Регулярное прибытие беженских эшелонов в Сибирь, Среднюю Азию и на Дальний Восток началось позднее – с конца сентября, но завершилось одновременно с европейской территорией – к исходу 1915 г.

Имеющиеся официальные сведения о численности эвакуированного населения учитывают почти исключительно только «призреваемых» беженцев из «простонародья», что позволяло контролировать выдачу им государственных пособий. Вне регистрации оказались государственные служащие с семьями, получавшие «жалованье» и особую «ссудную» помощь, и вообще все «состоятельные» беженцы как не подлежащие или не нуждающиеся в «государственном попечении», а также выселенцы, состоящие под надзором полиции, которых только в ходе весенней амнистии 1917 г. в массовом порядке перевели из категории «административно-высланных» в разряд «беженцев» [2, с. 140]. «Мало-мальски обеспеченные группы населения в территориях, подвергшихся эвакуации, имея возможность не остаться без определенных занятий и тяготясь ограничениями в передвижении, которым подвергались беженцы, решительно отказывались регистрироваться в числе беженцев, называя себя выселенцами и не пользуясь регулярной поддержкой патронирующих организаций» [3, с. 70].

Общая численность перемещенных граждан в период Первой мировой войны в России определяется в 5 млн человек. Так, беженские деятели, обсудив этот вопрос в 1916 г. на Пироговском съезде, пришли к общему мнению (поначалу оценки колебались от 3 до 10 млн человек), что «беженство» захватило в России «до 5000000 населения» [2, с. 140]. Профессор Устинов, заведовавший в 1920 г. статистическим отделом НКВД, также пришел к выводу, что беженская масса охватывает примерно 5 млн человек, так как регистрационные карточки (их количество – 2,5 млн) заключают в себе и сведения о членах семьи. По мнению М.М. Грана, которое приво-

дит Е.З. Волков в своей книге, цифра в 5 миллионов «явно преуменьшена», ибо «выходит, что автор принимает средний состав беженской семьи в два человека». Но на основе данных специальной переписи еврейских беженцев, произведенной Еврейским комитетом помощи жертвам войны, М.М. Гран установил средний состав беженской семьи в 4 человека и, снижая его из осторожности до 3 человек, получил общую цифру зарегистрированных беженских семей в 3 млн, а всю беженскую массу – в 9 млн человек. Учитывая, что регистрация беженцев обычно охватывала лишь призываемых беженцев, М.М. Гран предположил, что беженство периода войны 1914–1917 гг. «охватило массу населения по меньшей мере в 10, если не в 15 млн чел.». Но с учетом высокой смертности среди беженцев реальной может считаться цифра в 7,5 млн человек, выведенная Е.З. Волковым [3, с. 72–73].

По подсчетам А.Н. Курцева, на Азиатскую Россию (Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия) приходилось 114637 чел., или 3,0% всех беженцев, больше всего их осело в Акмолинской обл. – 31 936 и Томской губ. – 30 005 человек [2, с. 141]. По данным Сибирской советской энциклопедии, к 1 февраля 1917 г. общая численность беженцев в Сибири достигла 86664 человек. По подсчетам Л.М. Горюшкина, первое место по количеству беженцев постоянно занимала Томская губ., на втором месте стояла Акмолинская область, а по направлению на восток от Томска численность беженцев уменьшалась [4]. По нашим подсчетам, в Иркутской губ. на 15 ноября 1916 г. беженцев числилось 42491 человек, в Томской губ. на начало 1917 г. – 30488 чел., в Енисейской губ. на это же время – 12299 чел.

Национальный состав 3,2 млн призываемых беженцев в России (без Закавказья), по данным статистического отдела Татьянинского комитета, который занимался разработкой регистрационных карточек на беженцев в районах водворения, на конец 1916 г. выглядел следующим образом: русские – 58,8%, поляки – 15,0%, латыши – 10,0%, евреи – 6,4%, литовцы – 2,8%, эстонцы и др. – 7,0%. Однако с учетом закавказских беженцев (почти 13% ко всем 3,6 млн беженцев) указанная доля «русских» упадет до 50% [2, с. 141]. При этом нужно иметь в виду, что термин «русские» имел обобщенный смысл, обозначая в совокупности население «великорусское», «малорусское» и «белорусское». Приводимая ниже таблица национального состава беженцев по состоянию на 1 ноября 1916 г. и 1 февраля 1917 г. в целом подтверждает эту картину.

Национальный состав беженцев в России

Националь- ность	1 ноября 1916 г. **		1 февраля 1917 г.	
	число беженцев	%	число беженцев	%
Русские	1484411	56,8	1693693	54,4
Поляки	351404	13,4	483359	15,5
Латыши	210907	8,1	277788	8,9
Евреи	152525	5,9	190828	6,1
Немцы	104760	4,0	133270	4,3
Армяне	123609	4,7	123872	4,0
Литовцы	65138	2,5	77913	2,5
Эсты	2567	0,0	3151	0,1
Прочие	17830	0,7	18119	0,6
Неопределен- ные	101621	3,9	111379	3,6
Итого	2614772	100,0	3113372	100,0

Таблица составлена на основании статистических данных Центрального Всероссийского бюро по регистрации и розыску беженцев, приводимых в «Известиях Комитета Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны». 1916. №12. 15 нояб.; 1917. №18. 15 февр. 1917 г. (РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 10. Л. 79, 118).

В Сибири доля беженцев нерусской национальности, без учета украинцев и белорусов, достигала 20–25%. Наиболее многочисленными были этнические группы беженцев – поляков и латышей.

Примечания

1. Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны на территории Центрального Черноземья в 1914–1917 гг. // Проблемы исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. Липецк, 1998.

2. Курцев А.Н. Беженство // Россия и Первая мировая война: Мат. междунар. науч. коллоквиума. СПб., 1999.

3. Волков Е.З. Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930.

4. Киржниц А.Д. Беженцы и выселенцы // ССЭ. Т. 1. Стб. 263.

Т.А. Кижаяева

Барнаульский государственный педагогический университет

ВОЗДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

НА ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ

РУССКИХ НЕМЦЕВ

(на примере Томской губернии)

Стремление к воссозданию исторической достоверности периода Первой мировой войны требует анализа многих еще не изученных аспектов, в том числе и воздействия официальной политики российского самодержавия на общественные настроения русских немцев. (В качестве базовых критериев для анализа изменений общественных настроений мы используем психологические категории: «образ Я (Мы)», «образ Другого (Врага)» [1]).

Изучение этого вопроса сопряжено с объективными трудностями. Прежде всего процесс ментальной трансформации является долгопротяженным во времени, поэтому исследование качественных преобразований в структуре общественных настроений должно базироваться на диахронном анализе длительных хронологических промежутков. Но следующие за Первой мировой войной исторические события – Февральская революция, Октябрьское вооруженное восстание, гражданская война – наложили свой отпечаток на общественные настроения. Поэтому с большой долей уверенности в вопросе о воздействии официальной политики российского самодержавия на общественные настроения русских немцев в период Первой мировой войны, можно говорить только основываясь на данных дореволюционного периода, что, правда, не позволяет создать многомерную картину изменений.

Второй трудностью является относительно слабая изученность проблемы «антинемецкой кампании» в рамках Западно-Сибирского региона, несмотря на наличие достаточно большого количества работ, посвященных этому вопросу, прежде всего следует отметить работы П.П. Вибе, С.П. Бааха [2], В.Н. Шайдурова [3], Л.В. Малиновского [4] (так, например, до сих пор остается спорной дата распространения ликвидационных законов на отдельные территории Томской губ. [5]).

Анализ работ вышеприведенных авторов в сочетании с данными, полученными в ходе собственного исследования проблемы, позволяют сделать следующий вывод.

Антинемецкая кампания, с началом Первой мировой войны, захлестнувшая как волна все районы Российской империи, на территории Томской губ. была инициирована не местными властями, а из Петрограда и протекала без массовой поддержки населения, поэтому выразилась лишь в обязательных, юридически закрепленных мероприятиях: ликвидационном законодательстве и ограничении немецкой культурной автономии.

Антинемецкая кампания казуально обусловила изменение базовых структур, характеризующих общественные настроения немцев Томской губ.: прежде всего «образа Я (Мы)» и «образа Другого (Врага)». В качестве примеров, иллюстрирующих этот процесс, можно привести феномен изменения национальной самоидентификации меннонитов, когда целая религиозно-этнографическая группа российских немцев стала именовать себя голландцами, хотя до 1914 г. говорили и писали по-немецки [6]. В целом под давлением политики российского самодержавия в сознании российских граждан, в том числе и немцев по национальности происходит превращение термина «русский немец» в дихотомию, и в этом отношении представляют особый интерес идеи автономизации, получившие широкое распространение среди немецких колонистов после Февральской революции, в частности идея экстерриториальной «персонально-культурной» автономии колонистских общин, ставшая центральной в деятельности, возникшей в мае 1917 г. в Славгороде с отделением в Омске «Организации немецкого» населения для сотрудничества в построении нового государственного строя» [7].

Отношение немецких переселенцев с властью на территории Томской губ. в довоенный период характеризовались лояльностью и законопослушанием, даже чувством благодарности за отпущенную им в надел землю в достаточном количестве, чего они были лишены в Европейской России. Старательно разжигаемая в центральной России антинемецкая кампания и создаваемый шовинистами образ внутреннего врага – немецкого колониста, не привели к кардинальному изменению отношения немцев Томской губ. к властям, более того, находясь под подозрением в сочувствии к своей прежней Родине – Германии, немцы-колонисты вели себя более лояльно по отношению к властям, чем русские крестьяне. Так, например, когда, в 1914–1917 гг. ввиду мобилизации мужчин в армию и упорно циркулирующих слухов, что после войны крестьяне получат землю, русские жители арендных поселков на Алтае отка-

зались вносить арендную плату за землю [8], немцы-колонисты прилежно выполняли повинности, не оказывая сопротивления даже в случае отказа им в продолжении аренды на основании закона от 2 февраля 1915 г. [9].

Показательным в рамках рассматриваемой нами темы является вопрос об участии немцев-колонистов в акциях по сбору благотворительной помощи для русской армии, раненых, беженцев. К сожалению, этот аспект на сегодняшний день в рамках Западно-Сибирского региона еще остается не изученным (в отличие от регионов Поволжья и Украины), но тем не менее имеющиеся данные позволяют утверждать, что подобная помощь немцами Томской губ. оказывалась, в частности «Томским евангелическо-лютеранским дамским благотворительным обществом» и «меннонитским приходом Орловской области» [10].

Примечания

1. Подробнее об этих категориях см.: Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997. С. 448; Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психологические произведения: В 2-х т. М. 1983. Т. 2. С 251–261.

2. Вибе П.П. Вклад немцев-предпринимателей в становление крупных культурных хозяйств в Сибири // Немцы в России. Российско-немецкий диалог. Спб., 2001. С. 399–411; Вибе П., Баах С. Анти-немецкая кампания в Сибирском регионе в начале XX века // Немцы России: Мат. 8-й междунар. науч. конф. М., 2002. С. 54–58; Немцы в Сибири. Сб. док. и мат. по истории немцев в Сибири 1895–1917 / Сост. П.П. Вибе. 2-е изд. Омск, 2000. 346 с.

3. Шайдуров В.Н. Алтайские немцы накануне и в ходе Первой мировой войны // История и культура немцев Алтая. Барнаул, 1999. Вып. 1; Шайдуров В.Н. Сибирские немцы и Первая мировая война // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Сб. науч. тр. Омск, 2000. С. 62–64; Шайдуров В. Н. Первая мировая война и судьба российских немцев // Алтайский сборник. Барнаул, 2000. Вып. XX.С. 48–62.

4. Малиновский Л. В. Немцы в России и на Алтае. Барнаул, 1995. 286 с.

5. В частности, П.П. Вибе, основываясь на документах, обнаруженных в ТФ ГАТО и РГИА, указывает в своих работах, что «ликвидационные законы были распространены на Акмолинскую и Семипалатинскую области, Барнаульский и Змеиногорский уезды Томской обл. и земли Сибирского казачьего войска только 6 февраля 1917 года»

(вышеуказанные работы). Но материалы, находящиеся на хранении в ЦХАФ АК, позволяют утверждать, что уже к январю 1917 г. 35 немецких семей потеряли право на аренду земельных угодий в лесничествах Алтайского округа, в результате применения к ним ликвидационного закона от 2 февраля 1915 г. (ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3402. Л. 263–278).

6. ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3402. Л. 171.

7. Stach J. Das Deutschtum in Sibirien, Mittelasien und dem Fernen Osten. Stuttgart, 1938. – S. 111; Fleischhauer J. Die Deutschen in Zarenreich. Stuttgart, 1986. – S. 548, 569–572.

8. Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск, 1967. С. 326.

9. ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3402.

10. Нам И. Жизнь в диаспоре: городские немцы Западной Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Немцы России: Мат. 8-й междунар. науч. конф. М., 2002. С. 380–381.